

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 1 2023 г.

СССР – замыслы и результаты

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1970 ГОДА,
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

ЭКОномика и организация
промышленного производства

1 (583) 2023

Главный редактор **В.А. КРЮКОВ**, академик РАН,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ, академик РАН, Москва; **А.О. Баранов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, зав. кафедрой НГУ, д.э.н., проф., Новосибирск; **Р. Бардацци**, факультет государственного управления, Университет Флоренции, д-р философии, проф. (Италия); **Е.Б. Бухарова**, директор Института экономики, управления и природопользования СФУ, к.э.н., проф., Красноярск; **Ш. Вебер**, президент РЭШ, д-р философии (Канада – Россия); **Ю.П. Воронов**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **И.П. Глазырина**, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, д.э.н., Чита; **Л.М. Григорьев**, НИУ ВШЭ, к.э.н., проф., Москва; **В.И. Зоркальцев**, СЭИ СО РАН им. Л.А. Мелентьева, д.т.н., проф., Иркутск; **В.В. Колмогоров**, к.э.н., Москва; **В.В. Кулешов**, гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН, академик РАН, Новосибирск; **Чжэ Ён Ли**, вице-президент Корейского института международной экономической политики, д-р философии (Республика Корея); **Юцзюнь Ма**, директор Института России, Хэйлунцзянская академия общественных наук, к.и.н., Харбин (Китай); **С.Н. Мироносецкий**, генеральный директор «Солар Системс»; **А. Му**, Институт Фритьофа Нансена, канд. полит. н. (Норвегия); **В.А. Никонов**, Новосибирск; **В.И. Псарев**, зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета МАСС, к.э.н., д.т.н.; **Н.И. Суслев**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., Новосибирск; **А.В. Усс**, губернатор Красноярского края, д.ю.н., проф., Красноярск; **Хонгён Хан**, Департамент экономики Университета Ханьянг, председатель Корейского института единения, д-р наук, проф. (Республика Корея); **Цзе Ши**, директор Центра международных энергетических исследований, Китайский институт международных исследований, Пекин (Китай); **А.Н. Швецов**, зам. директора по научной работе ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Институт системного анализа РАН, д.э.н., проф., Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.В. Алексеев, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **С.Ю. Барсукова**, НИУ «Высшая школа экономики», д.соц.н., Москва; **Э.Ш. Веселова**, зам. главного редактора, Новосибирск; **К.П. Глущенко**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Е.В. Гоосен**, Институт экономики и управления Кемеровского госуниверситета, к.э.н., Кемерово; **Е.А. Капогузов**, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, д.э.н., Омск; **В.И. Клисторин**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Г.П. Литвинцева**, НГТУ, д.э.н., Новосибирск; **В.В. Мельников**, НГУЭиУ, НГТУ, к.э.н., Новосибирск; **Л.В. Мельникова**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **П.Н. Тесля**, зам. главного редактора, к.э.н., Новосибирск; **О.П. Фадеева**, ИЭОПП СО РАН, к.соц.н., Новосибирск; **Л.Н. Щербакова**, Кемеровский госуниверситет, д.э.н.; **В.В. Шмат**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск

УЧРЕДИТЕЛИ:

Учреждение Российской академии наук Сибирское отделение РАН,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет» (НГУ),
АНО «Редакция журнала «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

Новосибирск, Сибирское отделение Российской академии наук

© ЭКО 2023

1 (583) 2023

Editor-in-chief, Member of RAS, **VALERY A. KRYUKOV**, Director of Institute of Economics and Industrial Engineering (IEIE), SB RAS

Editorial Board:

A.G. Aganbegyan, Member of RAS, Russian Academy of National Economy and Public Service Sponsored by the Russian President; **A.O. Baranov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS, Novosibirsk State University; **R. Bardazzi**, PhD, professor, University of Florence, Italy; **E.B. Bukharova**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Institute of Economics, Management and Land Use, Siberian Federal University, Krasnoyarsk; **I.P. Glazyrina**, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS, Chita; **L.M. Grigoriev**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Higher School of Economics, Moscow; **Jaе Young Lee**, PhD, Korean Institute for International Economic Policy; **Hong Yul Han**, PhD, professor, Hanyang University, The Korea Consensus Institute; **V.V. Kolmogorov**, Cand. Sci. (Econ.), professor; **V.V. Kuleshov**, Member of RAN, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **S.N. Mironosetsky**, general manager Solar System; **A. Moe**, PhD, The Fridtjof Nansen Institute, Norway; **V.A. Nikonov**, Novosibirsk; **V.I. Psarev**, Cand. Sci. (Econ.), Dr. Technical Sci., Interregional Association of the Economic Cooperation 'Siberian Accord', Altai State University; **A.N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, Institute of Systems Analysis, RAS; **N.I. Suslov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS; **A.V. Uss**, Dr. Sci. (Law), professor, Governor of Krasnoyarsk Krai; **Sh. Weber**, PhD, Russian Economics School; **Yu.P. Voronov**, Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **Yutszyun Ma**, PhD (History), Russia Institute, Heilongjiang Academy of Social Sciences, Harbin, China; **Ze Shi**, Center of Energy Research, Institute of International Studies, Beijing, China; **V.I. Zorkaltsev**, Dr. Technical Sci., professor, Energy Systems Institute, SB RAS, Irkutsk.

Editorial Council:

A.V. Alekseev, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **S.Yu. Barsukova**, Higher School of Economics, Dr. Sci. (Sociology); **O.P. Fadeeva**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Sociology); **K.P. Gluschenko**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **E.V. Goosen**, Institute of Economics and Management of Kemerovo University, Cand. Sci. (Econ.); **E.A. Kapoguzov**, Omsk State University, Dr. Sci. (Econ.); **V.I. Klistorin**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **G.P. Litvintzeva**, Novosibirsk State Technical University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Melnikov**, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk State Technical University, Cand. Sci. (Econ.); **L.V. Melnikova**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **L.N. Shcherbakova**, Kemerovo University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Shmat**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **P.N. Teslia**, Deputy Editor-in-chief, Cand. Sci. (Econ.); **E.Sh. Veselova**, Deputy Editor-in-chief.

Founders:

Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,
Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, RAS
Novosibirsk State University
ANO Editorial Office of ECO journal

Prepared for publication by

Novosibirsk, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

4 О силе и вселили

Тема номера: СССР – замыслы и результаты

- 8 КЛИСТОРИН В.И.
Номинальное право в Советской России: Конституция 1924 г. и Гражданский кодекс 1922 г.
- 24 КРАСИЛЬНИКОВ С.А.
КЗоТ 1922 г.: взлет и деформации раннесоветского трудового законодательства
- 43 ИЛЬИНЫХ В.А.
Земельный кодекс РСФСР 1922 г. в контексте решения аграрного вопроса в России
- 61 ИСАЕВ В.И.
Уголовный кодекс как инструмент регулирования хозяйственной деятельности крестьян Сибири (1920–1930-е гг.)

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

- 78 КРАВЧЕНКО Н.А., АГЕЕВА С.Д., ИВАНОВА А.И.
Инвестиции для устойчивого и инклюзивного развития регионов Азиатской России: проблемы и перспективы

ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

- 99 ОБУХОВА Е.А., ЮСУПОВА А.Т.
Как увидеть потенциал инновационной разработки: проблемы оценки проектов ранних стадий
- 118 БАРАНОВ А.О., МУЗЫКО Е.И., ПАВЛОВ В.Н.
Венчурное финансирование проектов импортозамещения в России: проблемы и перспективы

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

- 133 ЛАПЕРДИН В.Б.
Машинно-тракторные станции Западно-Сибирского края в 1930-е гг.
- 150 ЕВДОШЕНКО Ю.В.
Рождение нефтяной Сибири. Нефтеразведка против углеперегонки на рубеже 1920–1930-х годов (часть 1)

ВЕРШИНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

- 177 ВОРОВОВ Ю.П.
Экономическая наука против кризисов. О Нобелевской премии по экономике 2022 года

CONTENTS

EDITORIAL

- 4 On Power and Omnipotence

Cover story: The Soviet Union – Intentions and Results

- 8 KLITORIN, V.I.
Nominal Law in Soviet Russia
1924 Constitution
and 1922 Civil Code
- 24 KRASILNIKOV, S.A.
The Labor Code of 1922 [KZoT]:
Rise and Deformations
of Early Soviet Labor Law
- 43 IL'INYKH, V.A.
The RSFSR Land Code of 1922
in the Context of Solving t
he Agrarian Issue in Russia
- 61 ISAEV, V.I.
The Criminal Code as a Tool
for Regulating the Economic Activities
of the Peasants of Siberia
(1920s – 1930s)

REGIONAL DEVELOPMENT

- 78 KRAVCHENKO, N.A.,
AGEEVA, S.D.,
IVANOVA, A.I.
Investments for Sustainable
and Inclusive Development
of the Regions of Asian Russia:
Problems and Prospects

INNOVATION POLICIES

- 99 OBUKHOVA, E.A.,
YUSUPOVA, A.T.
How We See the Potential
of Innovative Development:
Problems of Appraising
Early Stage Projects
- 118 BARANOV, A.O.,
MUZYKO, E.I.,
PAVLOV, V.N.
Venture Capital Financing
of Import Substitution Projects
in Russia: Problems and Prospects

ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

- 133 LAPERDIN, V.B.
Machine and Tractor Stations
of West Siberian Region in the 1930s
- 150 EVDOSHENKO, Yu.V.
The Birth of Oil Siberia.
Oil Exploration vs. Coal Refining
at the Turn of 1920s 1930s (Part 1)

PINNACLES OF SCIENCE

- 177 VORONOV, Yu.P.
Economic Science against Crises.
About the 2022 Nobel Prize
in Economics

О силе и всесилиии

Минувший 2022 г. был ознаменован чрезвычайно важной и не до конца (не в полной мере) осознанной всеми нами датой – 100-летием со дня образования СССР – Союза Советских Социалистических Республик. Недостаточная осознанность связана не только и не столько с последствиями распада Советского Союза, она во многом касается внутренних механизмов и причин, лежавших в основании принципов функционирования данного государства, которые, в конечном счете, привели к его распаду.

Именно об этом, уважаемый читатель, данный тематический выпуск «ЭКО». Статьи номера раскрывают процесс становления правовой системы советского государства в 1920-е годы – таких ее базовых элементов, как Конституция и Гражданский кодекс (статья В. И. Клисторина), Земельный кодекс (статья В. А. Ильиных), Уголовный кодекс (статья В. И. Исаева), Кодекс законов о труде (КЗоТ) (статья С. А. Красильникова). Эти работы показывают особенности правовых актов не только с точки зрения их глубины и проработанности, соответствия «буквы» и «духа», но и с учетом правоприменительной практики.

Именно по этой линии – «дух» – «буква» – «практика» – весьма четко прослеживается трансформация начальных замыслов создателей СССР. На первом этапе (примерно до второй половины 1920-х гг.) рассогласование «буквы закона» и «правоприменительной практики» было в пользу «буквы». Последняя, в целом, соответствовала выстраданному многолетней борьбой нескольких поколений революционеров пониманию целей, задач и принципов построения государства всеобщего равенства и свободы. Это отчетливо прослеживается на примерах земельного и трудового законодательства. На следующем этапе уже, безусловно, доминирует «практика», и с учетом ее «опыта» кардинально изменяется и «буква» (яркий пример – законодательное обоснование перехода к обязательной коллективизации и принудительной мобилизации рабочей силы).

В определенной степени особняком стоит Конституция, которая по-прежнему провозглашает высокие цели и идеалы, однако она во все большей степени приобретает «номинальный характер» (статья В. И. Клисторина).

В итоге мы наблюдаем, с одной стороны, веру в силу закона и права (формирование нового законодательства было чрезвычайно интенсивным в начале 1920-х годов), а с другой – возрастающую силу и гнет власти, которая изменяет и применяет законы по своему усмотрению. В числе основных факторов, которые формируют вектор воздействия самой этой власти – заданные высочайшие темпы экономических преобразований, а также, вероятно, некое чувство страха перед огромными крестьянскими массами, жаждущими свободной жизни на земле. Нельзя сбрасывать со счетов и более чем непростую внешнеполитическую обстановку тех лет.

Эти и другие обстоятельства (приведенный выше перечень, несомненно, далеко не полон) усугублялись сложностью поставленной задачи. Организовать управление такой большой страной в столь непростых условиях на принципах «конституционных процедур»¹ чрезвычайно трудно, если вообще возможно. Сложности проистекали как из сжатых сроков решения поставленных амбициозных задач, так и из банальной нехватки квалифицированных управленцев самого различного уровня. В РСДРП не насчитывалось и тысячи членов² (они, несомненно, составляли «идейное» ядро организации, в отличие, например, от большинства «примкнувших» новых членов второй половины 1917 г., число которых перевалило уже за 250 тысяч). Руководство молодой советской республики пыталось решить проблему «кадрового голода» самыми разными путями – от ускоренного развития системы высшего образования и до партийных «призывов» (герой «Тихого Дона» Давыдов – яркий образ такого «призывника»). Однако масштаб поставленных задач и кадровый потенциал нового поколения руководителей (да и в целом состояние общества) не позволили молодому государству остаться на «конституционном пути» развития.

---

¹ «Когда количество участников столь велико, что переговоры невозможно организовать и провести коллективные действия потребуют каких-то правил или уставных норм, которые я называю конституционными процедурами... Принятие решений в рамках конституционных процедур также потребует времени в больших группах». *Олсон М.* Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз / Пер. с англ. Новосибирск: ЭКОР, 1998. 432 с. [С. 94].

² Россия накануне великих потрясений. Социально-экономический атлас. М.: «Кучково Поле». 2017. 672 с. [С. 250–251].

Усиление влияния власти сопровождалось значительным упрощением системы целевых ориентиров социально-экономического развития страны. Главными стали валовые показатели по выплавке металла, выпуску машин и механизмов, строительству крупных объектов промышленного и социального назначения (последних в меньшей степени). Управление страной во все большей степени приобретало технократический характер.

Несомненное достоинство подобного подхода – возможность сфокусировать усилия на достижении прогресса в немногих избранных приоритетных сферах. Здесь нельзя не отметить промышленность, включая тяжелое машиностроение, самолето-, а затем и ракетостроение; науку, в первую очередь направленную на решение задач, связанных с упомянутыми выше отраслями и проч.; упомянем также образование. На этом пути тем не менее был осуществлен колоссальный рывок в развитии и экономики, и социальной сферы. Однако неотъемлемыми характеристиками этого рывка были узкий круг приоритетных областей и сфер и ориентация на экстенсивные формы и методы, присущие начальному этапу индустриализации.

К числу проблем следует отнести огосударствление всех сфер и областей экономической и социальной жизни. Уже начиная с середины 1920-х годов трудящиеся стали в большей степени трудовым ресурсом, а инициатива в создании новых видов продукции или социальных практик становилась скорее исключением, чем правилом.

Важно понимать, что под давлением «гнета обстоятельств» не только росло всемогущество власти, но и сама эта власть – в лице сначала РКП(б), затем ВКП (б) и, наконец, КПСС – претерпевала весьма существенные трансформации, отходя от принципов коллегиальности (конституционных процедур) и превращаясь в орган реализации предпочтений и предначертаний внутренней «группы с особыми интересами»³. Ни рядовые коммунисты, ни функционеры низшего и среднего звена никакого влияния на политику партии не имели, да и иметь не могли⁴.

---

³ *Олсон М.* Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз / Пер. с англ. Новосибирск: ЭКОР, 1998. 432 с. [С. 79].

⁴ «...теория коллективных действий небольших групп нуждается в проработке, а ограниченная роль рынков в этих обществах – в самостоятельном анализе». С. 251. Указ. соч.

Вполне закономерно, что отстранение трудящихся от возможностей проявления реальной инициативы, жесткая регламентация шагов и действий в каждом конкретном случае со временем привели к отторжению гражданами СССР системы, основанной на всесии власти, а не праве.

Уроки истории весьма поучительны. Для современной России актуальность поиска приемлемого соотношения «духа», «буквы» и «практики» закона все еще остается актуальной. Представляется, что процесс перехода от всесии власти к приоритету закона еще далек от завершения. Например, реализация в законодательных актах прямого действия и в правоприменительной практике таких конституционных положений, как уважение труда граждан, адресность социальной поддержки, а также гарантии создания условий для устойчивого экономического роста страны (ст. 75 и 75.1 Конституции РФ) требует более тщательной проработки.

У России нет иного выбора, кроме как формирования – шаг за шагом – в строгом соответствии с требованиями времени – в рамках реальных «конституционных процедур» своего пути и своей конституционной правовой модели на основе общенационального консенсуса. На этом поприще задача минимум – хотя бы не повторять сделанных предшественниками ошибок и просчетов.

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.

Номинальное право в Советской России: Конституция 1924 г. и Гражданский кодекс 1922 г.

В.И. КЛИСТОРИН, доктор экономических наук
E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru; ORCID: 0000-0002-4011-5932
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

Аннотация. Обсуждается проблема институционального устройства в РСФСР после завершения Гражданской войны и в начальный период восстановления экономической жизни. Необходимым условием для устойчивого экономического развития в это время было принятие кодифицированных законов, включая Гражданский кодекс. Но правовая система тогда носила в значительной мере номинальный характер, что выражалось в противоречии многих ее норм Конституции 1918 г. и их выборочном применении. Гражданский кодекс 1922 г. включал ряд положений, которые впоследствии послужили ограничениями развития народного хозяйства. В нем не содержалось гарантий равноправия форм собственности, сохранялись монополия внешней торговли и концентрация в руках государства большей части национального богатства. Одновременно разрешались отдельные элементы частной собственности и свободы сделок. Сделан вывод о том, что созданная в тот период правовая система не предполагала практически никаких ограничений на деятельность властей и, тем самым, не соответствовала идее правового государства, что имело серьезные социально-экономические и политические последствия.

Ключевые слова: Конституция; Гражданский кодекс; правовое государство; судебная система; государственная собственность; частная собственность; концессии; новая экономическая политика, правовой нигилизм, РСФСР

После окончания Гражданской войны в России начался процесс институционального строительства нового государства. Предшествующий период чрезвычайного положения необходимо было завершить и приступить к нормализации жизни в соответствии с писаными правилами. Потребность в них диктовалась, помимо прочего, провозглашением новой экономической политики. Революция – это разрыв правовой преемственности, что означало, что все ранее действовавшие законодательные акты потеряли силу и страна формально управлялась декретами ВЦИК и решениями советов различного уровня, которые объединяли

все три ветви власти¹, а также военными администрациями. Реальная же власть принадлежала партийным структурам и чрезвычайным внеконституционным органам – ревкомам всех уровней.

К тому времени в РСФСР продолжала действовать Конституция 1918 г., но законодательства как такового не было. Только в 1922 г. были приняты Гражданский, Уголовный, Земельный и иные кодексы. Но партийное и советское руководство страны не озаботилось соответствием кодифицированных законодательных актов действовавшей Конституции, что лишний раз подчеркивает номинальный характер права в Советской России. Только в 1924 г. была принята Конституция СССР.

При этом следует помнить, что реальное правоприменение существенно отличалось от действовавших писаных законов. Один из ведущих исследователей конституционного права в СССР А. Н. Медушевский писал: «Для определения специфики советской правовой системы (и ее аналогов) нами было введено понятие номинального конституционализма – системы, где конституционная норма вообще не действует реально, юридические гарантии прав и свобод не могут быть осуществлены, а власть полностью бесконтрольна» [Медушевский, 2017. С. 28]. Более того, он отмечал, что сам законодательный процесс преследовал иные цели помимо формирования стабильных правил хозяйственной жизни и устойчивого развития общества: «Всенародное обсуждение Конституции – уникальная акция когнитивно-информационного манипулирования, создававшая иллюзорную картину мира, но позволявшая осуществлять реальный контроль и доминирование. Идеология была трансформирована в право, а последнее получило гибкую интерпретацию в интересах власти» [Медушевский, 2017. С. 401]. Помимо прочего, общественное обсуждение нормативных актов позволяло выявить недовольных и инакомыслящих.

Прежде чем рассмотреть особенности конституционного строительства в РСФСР и СССР в те годы, попытаемся ответить на вопрос, зачем вообще это нужно.

---

¹ А. Н. Медушевский показал, что Советы после Кронштадтского восстания 1921 г. сохраняются в лучшем случае в виде декоративного украшения при номинальном конституционализме [Медушевский, 2017. С. 100].

Зачем нужна конституция

Изучению конституционного строительства посвящено множество работ юристов и представителей других дисциплин. Большой вклад в исследование проблемы связи законотворчества с политико-экономическими и социальными процессами сделали историки и социологи. Свою лепту внесли и экономисты, среди которых следует отметить Дж. Бьюкенена, построившего теорию общественного выбора [Бьюкенен, 1997] и его последователей. В настоящее время сформировалось целое направление конституционной экономики.

С позиций экономической науки человеческая деятельность на индивидуальном или коллективном уровне сопровождается внешними эффектами. Другими словами, наши решения и действия непременно сказываются на положении других людей, что может приводить и обычно приводит к конфликтам. Для устранения или разрешения хотя бы наиболее острых из них приходится либо применять силу, либо договариваться, либо и то и другое.

Необходимы правила, определяющие поведение сторон в подобных ситуациях и снижающие тем самым издержки взаимодействия. Всю систему правил (институтов) сформулировать одновременно невозможно, и следует сначала принять те из них, которые служили бы основой для установления других, т.е., по определению Дж. Бьюкенена, были бы отправными, конституционными. Таким образом он объяснил, зачем нужна конституция с экономической точки зрения.

Другая его идея состояла в том, что для принятия любых правил, особенно конституционных, требуется единогласие или, по крайней мере, одобрение подавляющего числа субъектов. Именно поэтому в конституции фиксируются наиболее очевидные и приемлемые принципы, прежде всего права и обязанности граждан, среди которых важнейшую роль он отводил праву собственности.

Наконец, принятие конституции открывает возможность функционирования представительной демократии, в рамках которой законы принимаются и исполняются специальными организациями в соответствии с конституцией. Очевидно, что в основе теоретических построений Бьюкенена лежала англосаксонская правовая модель. Но и в континентальной модели

подразумевается определенная степень согласия граждан с формальными нормами права, учет традиций и общественного мнения.

Таков общий порядок. Первой писаной конституцией оказалась конституция США, принятая в 1787 г., а в настоящее время они есть в большинстве стран мира. Но и в тех странах, в которых нет конституции как таковой (например, в Соединенном Королевстве), имеет место конституционное право, опирающееся на так называемые конституционные законы. И главное – существуют институты, которые контролируют законодательный процесс и правоприменительную практику в том смысле, чтобы они не нарушали базовые положения, соответствовали их букве и духу.

Фактически двухуровневая правовая система давно трансформировалась в многоуровневую: помимо собственно конституции существуют кодифицированные законодательные акты (кодексы), объединяющие все правовые принципы, относящиеся к одной области права и имеющие приоритет по сравнению с «обычными» законами. Помимо этого, существует множество подзаконных актов: постановлений, распоряжений, инструкций и т.д. По идее, они должны конкретизировать нормы законов, толковать или интерпретировать их, но при этом должны соответствовать и не противоречить законам. Подзаконные акты являются средством реализации законодательных норм, но, опять-таки в том случае, если имеет место разделение властей и независимая юридическая экспертиза.

Общество и государство постоянно меняются, эволюционируют, и это обстоятельство требует внесения изменений в законодательство и принятия множества новых нормативно-правовых актов. Важно, чтобы они опирались на надежную базу и не противоречили друг другу. Государство, особенно современное, представляет собой множество организаций, имеющих разные цели и зоны ответственности, но при этом взаимодействующих друг с другом. Для того чтобы они работали как единый механизм, необходимо разделение властей и ограничение прав каждой из них. Для общества и государства важны стабильность и последовательность проводимой политики, а, следовательно, и правовой системы. Эту стабильность и обеспечивает конституция. Сегодня любой обыватель понимает, что стабильность законодательства или хотя бы его основ является необходимым условием

для снижения неопределенности, возможности просчитать риски и, в конечном счете, для роста благосостояния.

Как писал Адам Смит, для того чтобы поднять государство с самой низкой ступени варварства до высшей ступени благосостояния, нужны лишь мир, легкие налоги и терпимость в управлении. Но, добавим мы, это все не может отдаваться на откуп властей, а должно гарантироваться системой организации власти и, в частности, конституцией при условии, что все органы власти ей следуют. Конституция, гарантирующая права и свободы граждан, открывает возможность для развития гражданского общества и личной инициативы и, следовательно, позволяет задействовать инновационный потенциал общества.

В Российской империи конституции не было, вместе с тем существовало развитое кодифицированное право. С XVIII в. предлагались различные варианты развития России в плане ее социально-политического устройства, характера власти и роли государства в жизни общества. Наиболее известные концепции, сыгравшие немалую роль в развитии общественных наук и обосновании реформ и контрреформ, сменявших друг друга, были сформулированы в первой половине XIX в. В конечном счете большинство отечественных интеллектуалов сходились в том, что стране необходима конституция, закрепляющая основные принципы построения общества и государства.

При этом «западники» признавали приоритет общечеловеческих социальных образцов и моделей на основе рационалистического западного идеала и доказывали необходимость их насильственного внедрения, а «славянофилы», наоборот, убеждали в необходимости естественного и органического развития отечественной культуры за счет доминирования национальных ценностей, образцов, идеалов и традиций².

Немалую роль в развитии общественной мысли и общественных наук играла цензура. Это не слишком затрагивало экономику и право, но социологии повезло меньше. В исследовании «Социология на Западе и в России» М. М. Ковалевский описывал случай, приключившийся с ним на границе при его

---

² Зборовский Г. Е. История социологии: классический этап: учеб. для вузов. Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования ХМАО – Югры «Сургут. гос. пед. ун-т». Урал. федерал. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. 2-е изд. испр. и доп. Сургут: РИО СурГПУ, 2014. 211 с. [С. 159–160].

возвращении на Родину. Жандармский полковник обратился к нему со словами: «Нет ли у Вас книг по социологии? Вы понимаете... в России – это невозможно» [Ковалевский, 1997. С. 102]. Дело было в начале XX в.

Тем не менее российская социология все же развивалась – под видом публицистики, и в качестве центральной проблемы рассматривала обеспечение прогресса в обществе, а именно, что считать прогрессом: развитие общества в целом или отдельного человека, и как к нему идти: революционным или эволюционным путем. Если общество, по словам одного из наиболее известных российских социологов П. И. Новгородцева, «существует только в лицах в качестве единственной социальной реальности», то отношения между ними, неизбежно приобретающие нормативный характер, должны соответствующим образом изучаться. Так возникла одна из особенностей российского социологического неокантианства – повышенное внимание, уделяемое ключевой категории – норме. Неслучайно среди представителей этого научного направления оказалось много известных российских правоведов: Б. А. Кистяковский, П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий, В. М. Хвостов и др.

Как утверждал Б. А. Кистяковский, вопрос о существовании государственной власти есть вопрос не государственно-правовой догматики, а общего учения о государстве: «Решать этот вопрос мы сможем только тогда, когда наряду с юридико-догматическими исследованиями будут проведены историко-политические, социологические, психологические и философско-идеологические исследования, направленные на государственную власть и ее правовое выражение» [Кистяковский, 1998. С. 260]. Он писал, что «Государство есть известная форма общественной организации. Только там, где существует общество и народ, существует и государство. Но представляя народ в его целом, являясь всепоглощающей организацией его, государство вместе с тем заслоняет собою народ. Оно становится на место народа, рассматривает себя как самоцель и превращает народ в подчиненное себе средство...». И далее: «Деспотизм большинства или всего народа часто бывает не менее жестоким, чем деспотизм одного лица – монарха. В некоторых случаях он даже более ужасен и беспощаден, так как большинство более склонно считать себя непогрешимым, чем каждый человек в одиночку... В конституционном государстве

власть, становясь правовой, принципиально отличается от власти в исторически предшествующих конституционному государству типах государства ... В конституционном государстве власть перестает быть фактическим господством людей и становится господством правовых норм» [Кистяковский, 1998. С. 282–284].

Конституционному правовому государству Б. А. Кистяковский противопоставлял государство полицейское: «Этот вид государственного устройства и государственного управления обыкновенно развивается в более благоустроенных абсолютно-монархических государствах, особенно при господстве просвещенного абсолютизма... Нет другого государственного строя, в котором человеческое достоинство страдало бы так сильно, как в полицейском государстве. Но оскорбляя личность, полицейское государство убивает также всякую личную и общественную инициативу и самодеятельность. Оно заменяет ее детальной и формально-казуистической регламентацией» [Кистяковский, 1998. С. 333].

О Конституции 1918 г.

После принятия в Англии Билля о правах (1689 г.), который стал итогом Славной революции, Декларации прав человека и гражданина (1789 г.) – важнейшего документа Великой французской революции и Билля о правах США (1791 г.), в просвещенных государствах стало считаться приличным фиксировать в конституции права граждан или какой-то их части. Важно отметить, что эти права ограничивались множеством цензов: имущественных, возрастных, по признаку пола, оседлости и т.д.

Вот и Конституция РСФСР 1918 г. начинается с декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа³, в которой объявляется фактическая национализация земли, природных ресурсов и финансовой системы. Как первый шаг к национализации промышленности вводился рабочий контроль на предприятиях, всеобщая трудовая повинность и провозглашалось всеобщее вооружение трудящихся в виде Социалистической Красной Армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов.

Республика провозглашалась как свободное социалистическое общество трудящихся, но основная задача состояла

---

³ Конституция (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов на заседании от 10 июля 1918 года. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm>

в установлении диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства для подавления иных социальных слоев. Вся полнота власти на местах передавалась советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, и провозглашалось право их участия в работе федеральных органов власти. Таким образом, предполагалось, что власть принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских советах.

Провозглашалась свобода совести, выражения мнения, собраний, союзов. Одновременно лишались прав отдельные лица и общественные группы, которые могли бы нанести вред интересам революции.

Определив государственное устройство в республике как федерацию, Конституция вроде бы обеспечивала построение власти в стране снизу вверх. Но высшей властью провозглашался Всероссийский съезд Советов. При этом он созывался Всероссийским центральным исполнительным комитетом (ВЦИК) два раза в год. Следует отметить установление различных норм представительства городского и сельского населения и фактически не прямые выборы депутатов. Это позволяло ВЦИК контролировать их состав. Одновременно он становился высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом в РСФСР, формировал Совет народных комиссаров, которому передавал исполнительную власть.

Очень любопытна глава 10. Помня малоприятные для большевиков результаты выборов в Учредительное собрание в 1917 г. (эсэры, представлявшие крестьянство, заняли в нем большинство), они решили установить дифференцированные нормы представительства городских и уездных съездов в пользу первых в соотношении 5:1 и многоэтапность выборов. Дополнял перечень мер по регулированию состава советов раздел 4, определявший активное и пассивное избирательное право и включавший перечень категорий лиц, лишенных избирательных прав. Очевидно, что в него попадали наиболее экономически и политически активные слои. Вводилась громоздкая не прямая и многоступенчатая структура выборов в советы разных уровней (областных, губернских, городских, уездных и волостных), позволявшая многократно и целенаправленно просеивать их состав с точки зрения лояльности программным установкам партии [Медушевский, 2017. С. 195].

О прочности федеративных принципов и правах советов различного уровня можно судить по тексту раздела, посвященного бюджетному устройству. Целью финансовой политики провозглашается экспроприация буржуазии, «...не останавливающаяся перед вторжением в право частной собственности». Одновременно устанавливалась строгая централизация финансовой системы путем объединения всех доходов и расходов в государственном бюджете. Всероссийский съезд советов или ВЦИК определяли доходные и расходные полномочия советов нижнего уровня. Местные советы были обязаны готовить сметы. При этом сметы городских, губернских и областных советов утверждались ВЦИК и Совнаркомом, а сельских, уездных и городских, входящих в уезды, – губернскими и областными съездами или исполкомами. Все расходы, как указывалось, могли быть осуществлены только в соответствии с параграфами и статьями утвержденной сметы и только по прямому назначению, а все дополнительные средства следовало запрашивать у соответствующих комиссариатов. Нетрудно заметить, что такая бюджетная централизация оказалась особенно живучей.

Понять истинное значение и содержание документа можно, только оценив исторический контекст. Как доказывал Ричард Пайпс [Пайпс, 2002], стремление большевиков любыми средствами удержаться у власти, установить диктатуру партии и строить новое общество, сделало Гражданскую войну неизбежной. К моменту принятия Конституции Гражданская война уже шла полным ходом. Историки различаются в датировке начала войны, но после восстания чехословацкого корпуса в мае 1918 г. сомнений о том, что она уже идет, не оставалось.

В составе V съезда советов изначально около 2/3 мандатов принадлежало большевикам. Но к моменту принятия Конституции произошли два знаковых драматических события: убийство германского посла Мирбаха и так называемый мятеж левых эсеров. В результате отстранения левых эсеров и ликвидации их партии дискуссии прекратились, и решения принимались голосами практически одной большевистской фракции.

Как отмечалось выше, в Конституции провозглашалась диктатура пролетариата, но при этом в ней ни слова о такой важной институции, как ВЧК с ее сетью региональных чрезвычайных комиссий, войсками и революционными трибуналами. Последние

при выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и другими опасными преступлениями не были связанными какими-то ограничениями с июня 1918 г.

Хотя смертная казнь была отменена 26 октября в 1917-м, уже в начале следующего года расстрел применялся во внесудебном порядке. В июне того же года был принят декрет об отмене моратория на смертную казнь, и она уже применялась по приговорам революционных трибуналов. Примечательно, что в Конституции практически ничего не говорилось о судебной системе, за исключением упоминания того, что в ведении Всероссийского съезда Советов и ВЦИК находились вопросы законодательства, судостроительства и судопроизводства.

Конституция легализовала прежние решения советского правительства: национализацию земли и других активов, создание жесткой вертикали власти, и открывала дорогу к огосударствлению всех сторон жизни общества. В результате «индивид полностью интегрировался в систему коллективных социальных коммуникаций, единственным выразителем которых становилось идеократическое государство, а когнитивная и правовая автономия личности полностью растворялась в метафизическом постулате об интересах и обязанностях “трудящихся”» [Медушевский, 2017. С. 179].

Слова В.И. Ленина о том, что «социализм – это живое творчество масс, он не создается указами сверху и ему чужд казенно-бюрократический автоматизм» [Ленин, 1962. С. 57], обернулись лишь красивым лозунгом.

Гражданский кодекс⁴

Роль Гражданского кодекса особенно важна, поскольку он по существу является конституцией хозяйственной жизни государства и общества. Первый советский Гражданский кодекс отражал существенные изменения, произошедшие в стране после окончания основной фазы Гражданской войны и перехода к новой экономической политике. Содержание кодекса подробно проанализировано

---

⁴Гражданский кодекс РСФСР. Утвержден постановлением ВЦИК РСФСР от 11 ноября 1922 года «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Гражданский_кодекс_РСФСР_\(1922\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Гражданский_кодекс_РСФСР_(1922)).

в юридической литературе [Исаев, 2003; Новицкая, 1989], равно как и история его разработки и принятия [Новицкая, 2012].

Разработчики исходили из необходимости признания, хотя бы и не полного, имущественных прав и свободы сделок. В этом смысле ГК существенно отличался от действовавшей в то время Конституции РСФСР. И по понятным причинам был гораздо менее декларативен. Например, вместо термина социализация земли в нем прямо говорилось о том, что земля является достоянием государства и не может быть предметом частного оборота. Подтверждалась национализация предприятий и их имущества, но разрешалась сдача их в аренду. В статье 52 указывалось, что наряду с государственной допускалась кооперативная и частная собственность. Правда, последние существенно ограничивались, но на основании концессии, испрашиваемой у правительства, эти ограничения могли быть ослаблены или вообще сняты.

Кодекс подробно регламентировал различные виды сделок, как-то: имущественный наем, купля-продажа, мена, заем, подряд, поручительство и т.д. В нем описывались разрешенные виды предприятий: товарищество (простое, полное, на вере, с ограниченной ответственностью), а также акционерное общество (паевое товарищество). Отдельные статьи посвящены страхованию и обязательствам, возникающим вследствие неосновательного обогащения или причинения вреда. Важно отметить, что хотя и с ограничениями вводилось право наследования. Так, в статье 416 допускалось наследование по закону и по завещанию в пределах общей стоимости наследственного имущества не более 10 тыс. советских червонцев, за вычетом всех долгов умершего. Впечатляет присутствие во многих статьях отсылки к решениям судов.

Видно, что ряд статей Гражданского кодекса плохо согласуется с действовавшей в то время Конституцией. Это объясняется тем, что в отличие от Конституции в разработке кодексов принимали участие профессиональные юристы и научные работники. Несмотря на жесткий контроль и отрицательное отношение к «буржуазным специалистам», последние смогли убедить кураторов в необходимости большей части разделов и статей, поскольку в ином случае невозможно было создать работающий документ.

П. Стучка описывал результаты работы над текстом Кодекса как «рецепцию буржуазного права Запада в его чистом виде» [Стучка, 1928]. Но он был слишком жестким в своей оценке, поскольку в Кодексе фигурировали монополия внешней торговли, перечень объектов исключительной государственной собственности и ее особая защита, ограничения сфер деятельности и размеров оборота частных предприятий. По сути, Кодекс был необходимым компромиссом между старым дореволюционным правом и вновь создаваемым социалистическим.

Так, в нем были закреплены концентрация в руках государства собственности на большую часть национального богатства и средств производства. Для того же, чтобы хозяйственная деятельность могла осуществляться в рамках хотя и ограниченной, но рыночной экономики (напомним, в 1922 г. была провозглашена новая экономическая политика – нэп), были установлены правовые нормы для рынка, признавались частная собственность и различные формы предпринимательской деятельности.

Вместе с тем в Кодексе не упоминалась реально существовавшая правовая дискриминация предпринимателей-нэпманов, которые, согласно Конституции, относились к группе «лишенцев» (лишенных избирательного и ряда других прав). В период нэпа положение предпринимателей в советском обществе отличалось двойственностью. Будучи одной из самых состоятельных групп, они должны были бы стоять наверху социальной лестницы. Однако сразу после провозглашения новой экономической политики государство установило ряд юридических ограничений, которые существенно подрывали их престиж и статус в обществе. Предприниматели были лишены гражданских прав, а следовательно, не могли принимать участие в выборах, служить на государственной службе и в армии, должны были платить дополнительные налоги и т.д. [Маргиналы..., 2017. С. 143].

В противоречие с Гражданским кодексом в каждом новом законе, принимаемом в стране, оговаривалось, что он действует только в случаях, не противоречащих интересам трудящихся. «Политика правительства постоянно менялась и напоминала игру без правил. В любое время нэпману могли либо предоставить какую-нибудь льготу, либо предъявить обвинение в нарушении закона» [Маргиналы..., 2017. С. 165]. До середины 1924 г. предпринимательство развивалось относительно свободно

и в целом в соответствии с Гражданским кодексом, но после кризиса перепроизводства экономическое и внеэкономическое давление на частника усилилось. Так, Наркомат внутренней торговли начинал практиковать заключение договоров, по которым нэпманам разрешалось покупать товары у государственных организаций, а взамен они обязывались продавать эти товары по ценам, не превышающим установленные пределы. В 1927 г. был введен разорительный для нэпманов налог на сверхприбыль.

Так, в середине 1920-х гг. на всю Сибирь прогремело дело так называемой инициативной группы. Ее члены, крупные предприниматели, планировали создать акционерное общество, которое будет заниматься разработкой золотоносных месторождений в енисейской тайге. Они хотели привлечь как отечественный, так и иностранный капитал. За контакты с иностранцами и «продажу» информации о полезных ископаемых Сибири их судили [Маргиналы..., 2017. С. 153]. Известный специалист в области аграрных отношений в Сибири В. А. Ильиных одним из первых описал механизмы внеэкономического «регулирования» рынков сельскохозяйственной продукции в период нэпа и их роль в провоцировании аграрных кризисов [Ильиных, 1991]. Список примеров можно продолжать.

В ответ на действия государства частники применяли все новые схемы обхода законодательства: уклонение от уплаты налогов, создание фиктивных предприятий и псевдокооперативов, банкротство и т.д. Кроме того, нередко вместо расширения производства нэпманы предпочитали инвестировать в иностранную валюту, драгоценности и «сладкую жизнь». Все это вызывало, очевидно, резко негативную реакцию большей части населения и облегчило впоследствии сворачивание нэпа.

***

Следует отметить особенности отношения большевиков к нормам писаного права. С одной стороны, они искренне верили в силу писанных законов, регулирующих поведение граждан, с другой – достаточно пренебрежительно относились к любым законам и правилам, когда считали это необходимым для достижения высших целей. Как говорил Никита Пряхин из «Золотого теленка»: «Как порешили, так и сделаем».

В результате законодательство далеко не всегда и не во всем следовало Конституции. Легкость и простота изменения правовых норм, противоречивость законодательства и необязательность его исполнения порождали систему, основанную на принуждении, и создавали ощущение бесправия. В результате у населения формировалась ментальная система, в которой смешивались вседозволенность и ощущение бесправия. С одной стороны, исполнение писанных норм не гарантировало безопасности, с другой – их нарушение позволяло избежать наказания в силу чрезвычайных, объективных или иных обстоятельств непреодолимой силы. Это порождало так называемый правовой нигилизм и неспособность отличить законопослушное поведение от противоправного. До сих пор можно встретить оправдание преступлений той эпохи ссылками на уникальность обстоятельств вне зависимости от того, кто их создал.

В дальнейшем в Советской России принимались другие конституции, правовая система, и особенно правоприменительная практика, менялись быстро и радикально. Но роль конституционного и кодифицированного права оставалась чисто номинальной, они не стали общественным благом, а их обсуждение и принятие превратились в инструмент пропаганды и мобилизации масс [Velikanova, 2018].

Литература

Бьюкенен Дж. М. Сочинения. Серия: «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1. / Фонд экономической инициативы; гл. ред. кол. Р. М. Нуреев и др. М.: Таурис Альфа, 1997. 560 с.

Ильиных В. А. Спрос и предложение в гостях у большевиков: экономика на хлебном рынке // ЭКО. 1991. № 6. С. 109–117.

Исаев И. А. История государства и права России. М.: Юристъ, 2003. С. 663–667.

Кистяковский Б. А. Философия и социология права / Сост., примеч., указ. В. В. Сапова. (Русская социология XX века) СПб.: РХГИ, 1998. 800 с.

Ковалевский М. М. Социология на Западе и в России // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 1): Тексты. М., 1997. С. 102.

Ленин В. И. Ответ на запрос левых эсеров. Полн. собр. соч., Т. 35. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. 599 с.

Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / Ю. И. Голиков, С. А. Красильников, В. И. Пинкин и др. Изд. 2-е. (История сталинизма) М.: Политическая энциклопедия, 2017. 598 с.

Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. Серия Humanitas. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с.

Новицкая Т. Е. Кодификация гражданского права в Советской России, 1920–1922 гг.: учеб. пособие / Т. Е. Новицкая; МГУ им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак. М.: Изд-во МГУ, 1989 (1990). 120 с.

Новицкая Т. Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года: История создания. Общ. характеристика. Текст. Приложения / Т. Е. Новицкая. Серия «Памятники советского законодательства» М.: Зерцало-М, 2012. 264 с.

Пайнс Р. Э. Ленинизм // Коммунизм = Communism. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 201 с.

Стучка П. И. Курс советского гражданского права. Введение в теорию гражданского права. М.: Издательство коммунистической академии, 1928. 231 с.

Velikanova O. Mass Political Culture under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936. Denton: Palgrave Macmillan, 2018. 260 p.

Статья поступила 05.10.2022

Статья принята к публикации 10.10.2022

Для цитирования: *Клисторин В. И.* Номинальное право в Советской России: Конституция 1924 г. и Гражданский кодекс 1922 г. // ЭКО. 2023. № 1. С. 8–23. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-8-23

Summary

Klistorin, V.I., *Doct. Sci. (Econ.). E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru*

Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk

Nominal Law in Soviet Russia: 1924 Constitution and 1922 Civil Code

Abstract. The paper considers the problem of institutional arrangement in the RSFSR after the end of the civil war and during the initial period of economic recovery. A necessary condition for sustainable economic development at that time was the adoption of codified laws, including the Civil Code. But the legal system at that time was largely nominal, which was reflected in the contradiction of many of its norms to the Constitution of 1918 and in their selective application. The Civil Code of 1922 included a number of provisions that later served as limitations to the development of the national economy. It contained no guarantees of equality of forms of ownership, maintained the monopoly of foreign trade and the concentration of most of the national wealth in the hands of the state. At the same time certain elements of private property and freedom of transactions were permitted. It is concluded that the legal system created at that time did not imply almost any restrictions on the activities of the authorities and thus did not correspond to the idea of a state governed by the rule of law, which had serious socio-economic and political consequences.

Keywords: *Constitution; Civil Code; rule of law; judicial system; state property; private property; concessions; new economic policy; legal nihilism; RSFSR*

References

Buchanan, J.M. (1997). Essays. Series: Winners of the Nobel Prize for Economics. Vol. 1. Moscow. Taurus Alpha Publ., 560 p. (In Russ.)

Ilyinykh, V.A. (1991). Supply and Demand at the Bolsheviks: Economy of the Grain Market. *ECO*. Vol. 6. Pp. 109–117. (In Russ.).

Isaev, I.A. (2003). *History of State and Law in Russia*. Moscow. Jurist Publ., Pp. 663–667. (In Russ.).

Kistyakovskiy, B.A. (1998). *Philosophy and Sociology of Law*. St. Petersburg: RHGI Publ., 800 p. (In Russ.).

Kovalevskiy, M.M. (1997). *Sociology in the West and in Russia*. Moscow. P. 102. (In Russ.).

Lenin, V.I. (1962). *Response to the Request of the Left SRS*. Complete works, vol. 35. Moscow, State Publishing House of Political Literature. 599 p. (In Russ.).

Marginals in Society. Marginals as a Society. Siberia (1920–1930s) (2017). Moscow, Political Encyclopedia Publ., 598 p. (In Russ.).

Medushevskiy, A.N. (2017). *Political History of the Russian Revolution: Norms, Institutions, Forms of Social Mobilization in the XX Century*. Moscow and St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives Publ. 656 p. (In Russ.).

Novitskaya, T.E. (1989). *The Codification of Civil Law in Soviet Russia, 1920–1922*. Moscow, Publishing House of Moscow State University, (1990), 120 p. (In Russ.).

Novitskaya, T.E. (2012). *The Civil Code of the RSFSR of 1922: the History of Creation. General Characteristics*. Moscow, Zertsalo Publ., 264 p. (In Russ.).

Pipes, R.E. (2002). *Communism: A History (2001)*. Moscow. Moscow School of Political Studies Publ. 201 p. (In Russ.).

Stuchka, P.I. (1928). *Course of Soviet Civil Law. Introduction to the Theory of Civil Law*. Moscow, Publishing House of the Communist Academy. 231 p. (In Russ.).

Velikanova, O. (2018). *Mass Political Culture under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936*. Denton, Palgrave Macmillan Publ., 260 p.

For citation: Klistorin, V.I. (2023). Nominal Law in Soviet Russia: 1924 Constitution and 1922 Civil Code. *ECO*. No. 1. Pp. 8–23. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-8-23

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-24-42

КЗоТ 1922 г.: взлет и деформации раннесоветского трудового законодательства

С.А. КРАСИЛЬНИКОВ, доктор исторических наук
E-mail: krass49@gmail.com
Институт истории СО РАН, Новосибирск

Аннотация. Конец 1922 г. примечателен для истории страны не только завершением Гражданской войны, но и формированием правовых основ для перехода к гражданскому миру. Кодекс законов о труде (КЗоТ) занимал среди других особое положение масштабностью «сцепления» с ними в силу действия конституционных принципов обязательности и всеобщности труда. Кодификация обширного трудового законодательства раннесоветского периода отражала общий тренд на этатизацию социально-трудовых отношений, нарушая баланс прав и обязанностей между работником и нанимателем. Государство обеспечивало свои интересы и потребности, трансформируя Кодекс путем «вымывания» из него защитных функций трудящихся и наращивания форм мобилизационного и принудительного труда.

Ключевые слова: раннесоветские кодексы; трудовое законодательство; этатизация труда; защитные функции; наказание трудом; права трудящихся

В 1922 г. Россия начала выход из длительного периода экстремальности и катастроф, открывшегося Первой мировой войной (1914), который политиками и современниками справедливо воспринимался как движение от Гражданской войны в сторону гражданского мира. Одной из важнейших задач становилось создание правовых основ регулирования отношений между институтами партийного государства и российским обществом. Первыми признаками перехода от практик чрезвычайщины к правовым нормам стали реорганизация ВЧК в ГПУ с лишением ведомства значительных внесправовых функций и принятие весной – осенью 1922 г. серии законодательных актов – кодексов, предусматривавших их распространение на все сферы деятельности государства и жизни населения страны (Уголовный, Земельный, Гражданский, Трудовой).

Судьбы кодексов на протяжении раннесоветской эпохи сложились по-разному. Не будучи застывшими, равно как и трижды менявшиеся конституции РСФСР/СССР (1918, 1924, 1936),

они трансформировались под влиянием ключевого тренда – экспансии государства и закрепления его интересов в правоприменительной практике и в основном не в пользу учета базовых интересов и потребностей граждан. Кодекс законов о труде (КЗоТ) не только не был исключением, в регулируемой им сфере труда наиболее рельефно отразились масштабы разрыва между установленными нормами права и его практическим применением, где приоритетным выступал «императив ближайшего интереса» государства («здесь и сейчас»). Исходя из конституционных положений о том, что труд в советской стране является одновременно и правом, и обязанностью, государство стремилось к максимально возможному контролю и управлению населением, воспринимавшимся как трудовой ресурс, требовавший этатизации. Трудовое законодательство становилось пространством экспансии власти. Происходил сдвиг от права граждан на труд в сторону его обязательности (мобилизации), а затем и принудительности.

Среди значительного числа исследований, посвященных истории отечественного трудового законодательства раннесоветской эпохи, отметим в качестве ориентира для заинтересованных читателей несколько работ. Первую группу составляют труды классиков послереволюционного отечественного трудового права, заложившие его научные основы. Их авторы, будучи признанными экспертами в данной сфере, привлекались к работкам профильного законодательства [Варшавский, 1924; Войтинский, 1925; Догадов, 1928]. Среди работ современных исследователей отметим две. Первая из них, принадлежащая известному правоведу И.Я. Киселеву, содержит своего рода сжатый, но весьма квалифицированный обзор трудового права в тоталитарном обществе, где, помимо СССР, также рассмотрена система регулирования сферы труда в Италии и Германии соответствующих эпох [Киселев, 2003]. Вторая представляет собой блестяще выполненное исследование Е.А. Андрюшина, проанализировавшего трансформацию трудового законодательства в СССР с 1922 по 1933 гг. [Андрюшин, 2012].

Цель настоящей публикации ограничена более скромной задачей – дать краткий обзор причин, механизмов и технологий, из-за которых КЗоТ в редакции 1922 г. в течение

последующих десяти лет постепенно трансформировался в сторону превращения труда из социальной ценности для его обладателей в экспроприруемый властью ресурс, лишаясь заложенных в него при создании защитных для работников сдержек, препятствовавших этому. Особое внимание уделено «сцеплению» КЗоТ с другими кодексами 1922 г. Главной информационная базой для нас послужили документы и аналитические материалы (статьи и обзоры) официального органа наркоматов труда РСФСР и СССР – журнала «Вопросы труда», где помимо нормативных актов фиксировались и обсуждались процессы и сдвиги в реальном законодательстве, основой которого выступал КЗоТ. Данный ракурс позволил восстановить ключевые характеристики процесса утраты Кодексом на протяжении 1922–1931 гг. первоначально заложенного в него правового потенциала в силу правоприменительной практики, утверждавшей государственную монополию на сферу труда и трудовые отношения.

Принятые в год окончания Гражданской войны кодексы отражали стремление институтов партийной власти закрепить свою легальность законодательными инструментами, содержащими в себе баланс целей и намерений власти и базовых интересов и потребностей населения страны. В последующей трансформации трудового законодательства очевидно присутствовало два этапа, начальный из которых охватывал первое пятилетие (1923–1927), в ходе которого законодательные положения Кодекса развивались и конкретизировались, то есть «приземлялись», из деклараций превращаясь в практическую реальность, оставаясь по своему духу незыблемыми, «неубиваемыми». Второе же пятилетие (1928–1932) характеризовалось обратным трендом, когда ряд базовых оснований Кодекса терял свой правовой потенциал на практике, превращаясь в декларацию. Допустимо представить, что некий статистически усредненный работник обладал различным балансом прав и обязанностей по отношению к работодателю на «входе» (вводе в действие норм КЗоТ в конце 1922 г.) и на «выходе» из рассматриваемого периода (в 1933 г. союзный и республиканские наркоматы труда как основной регулятор в данной сфере подверглись расформированию).

Немного о КЗоТ и его институциональном обеспечении

В редакции 1922 г. КЗоТ имел своим прямым предшественником кодекс, принятый в декабре 1918 г. в условиях Гражданской войны. По мнению самого руководителя Наркомата труда РСФСР А.М. Бахутова, первый советский КЗоТ хотя и был первым в мировой практике законодательным актом, вменившим в себя регулирование всех видов труда и гарантировавшим работникам важнейшие трудовые гарантии от 8-часового рабочего дня до предоставления ежегодных отпусков, в целом остался декларацией политической важности, поскольку основным предназначением Кодекса в чрезвычайных условиях стала организация труда в принудительной, повинностной форме. Новый же Кодекс отразил реалии труда в условиях многоукладной хозяйственной жизни страны, переводя декларации в практику¹.

Структурно КЗоТ 1922 г. состоял из 17 глав, включавших в себя в совокупности 193 статьи: общая часть; порядок найма и предоставления рабочей силы; порядок привлечения к трудовой повинности (в исключительных случаях) коллективные договоры; трудовые договоры; о правилах внутреннего распорядка; о нормах выработки; о вознаграждении за труд; гарантии и компенсации; рабочее время; время отдыха; об ученичестве; о труде женщин и несовершеннолетних; охрана труда; профсоюзы; органы по разрешению конфликтов; социальное страхование².

Основным государственным регулятором в сфере труда и его законодательства выступал Наркомат труда (НКТ), имевший поначалу республиканский статус, а с 1923 г. ставший союзным. Его положение в ряду хозяйственных наркоматов находило отражение в статусе наркомов в партийных структурах: начиная с А.Г. Шляпникова (1917–1918) и заканчивая А.М. Цихоном (1930–1933). Они были членами ЦК партии, но не входили в высшие круги, скорее наоборот, в ходе ожесточенной внутрипартийной борьбы – оказывались среди «уклонистов». Ни один из них не пережил годы Большого террора. Исчезновение профильного наркомата труда из состава правительства с передачей

---

¹ Бахутов А.М. Советское трудовое законодательство за десятилетие существования советской власти // Вопросы труда. 1927. № 10. С. 91–100.

² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 90. Ст. 903.

его функций профсоюзам в 1933 г. следует расценивать как разрушительный удар по всей сфере социально-трудовых отношений, лишившейся своего институционального регулятора практически на шесть последующих десятилетий.

Но нельзя не отметить действительно уникальное место Наркомата труда в структуре государственных органов 1917-го – начала 1930-х гг. Выступая в роли регулятора в сфере труда, он функционально взаимодействовал практически со всеми организациями, поскольку труд по найму носил всеобъемлющий характер. Соответственно, функции наркомата ставили его в центр социально-трудовых отношений, где он связывал воедино и координировал в сфере труда государственные секторы занятости с негосударственными. «Густота» ведомственных связей НКТ ставила проблему субординации с ними, что предусматривало взаимную ответственность и контроль.

Так, функция контроля над реализацией политики в сфере труда предусматривала наличие надзорных органов, решения которых носили директивный характер. В частности, уже в первые годы после окончания Гражданской войны учреждается специальная *прокуратура по трудовым делам* в составе Верховного суда с функцией надзорного характера в сферах судебной юрисдикции. Известный революционер, затем государственный деятель, инициатор и руководитель прокуратуры по трудовым делам РСФСР (1924–1929) А.М. Стопани некоторое время фактически совмещал работу в Наркомате труда с членством в Верховном суде РСФСР.

Наряду с НКТ правами контроля над исполнением трудового законодательства обладал и *Наркомат рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ)*, в сферу деятельности которого входили проверка условий труда и его рационализация на предприятиях и в учреждениях, выявление должностных нарушений, контроль над ставками заработной платы, штатами работников, организация и осуществление разнообразных аппаратных «чисток» и т.д. Добавим также, что особыми охранительными полномочиями вмешиваться в трудовые отношения и кадровые процессы располагали органы ОГПУ. Нельзя не отметить и то, что фактически надведомственными директивными полномочиями в решении принципиальных вопросов труда обладали высшие партийные органы. Именно Политбюро, аппарат ЦК и его отделы

формировали приоритеты трудовой политики и вектор их изменений, либо наделяя НКТ в ходе кампаний трудовых мобилизаций периода первой пятилетки широкими полномочиями в сфере оргнабора (вербовки) рабочей силы, либо сужая его сферу ответственности вплоть до упразднения наркомата в 1933 г.

Изначально КЗоТ рассматривался как свод незыблемых оснований для трудового законодательства, формулировки статей которого могли разъясняться и уточняться, но должны были быть защищенными в ходе правоприменительной практики. Его принципиальное отличие от других базовых кодексов, принимавшихся летом – осенью 1922 г. (Уголовного, Земельного, Гражданского), состояло в том, что развивавшееся на его фундаменте трудовое право имело свой путь кодификации. В то время как принятие Уголовного и Гражданского кодексов сопровождалось и подтверждались последующей разработкой механизмов процессуального подкрепления (Уголовно-процессуальный и Гражданско-процессуальный кодексы), КЗоТ получил законодательное и нормативное сопровождение в виде постановлений и распоряжений государственных органов, развивавших и конкретизировавших трудовое право.

Сам процесс кодификации, систематизации обязательных для исполнения постановлений в сфере труда, безусловно, был нужен. Однако первым и необходимым шагом к введению в действие нового КЗоТ стала отмена прежних постановлений государства, коих накопилось после 1918 г. почти 600. С принятием КВОТ в конце 1922 г. открылся новый этап формирования трудового законодательства. Статистика 1923 г. фиксировала ежемесячное появление до 30 различных актов в сфере труда. Разрастание нормативного регулирования потребовало ввести понятие Действующего законодательства о труде (ДЗоТ) и выпускать от имени НКТ специальные сборники, внутри которых вводились тематические группировки, отражавшие привязку к главам КЗоТ.

Так, один из первых кодификационных сборников, включавший в себя перечень решений за период с конца 1922 г. по июль 1925 г. в разделах «Вознаграждение по труду» и «Гарантии и компенсации», содержал перечень свыше 220 документов, хотя сами специалисты считали, что наиболее значимых актов

по регулированию заработной платы там не более десятой части³. Первое из постановлений, разъяснявших применение норм КЗоТ на практике, датировано 10 ноября 1922 г., в нем толковалась статья Кодекса об обязательном минимуме заработной платы⁴.

Особую и весьма трудоемкую часть в развитии трудового законодательства составляла работа по взаимоувязыванию деятельности НКТ и других наркоматов и ведомств в трудовой сфере. Скажем, для того чтобы разрешить вопрос об организации особых сессий народных судов по трудовым спорам, потребовалось четырехмесячное (с декабря 1922 г. по конец марта 1923 г.) согласование норм УК и УПК со статьями КЗоТ с выпуском НКТ и НКЮстом соответствующих циркуляров, поскольку речь шла о подсудности трудовых споров с их отнесением к разряду уголовных или гражданских дел. Как правило, в уголовном порядке шло рассмотрение дел в отношении должностных лиц (т.е. нанимателей) по ряду статей УК о должностных правонарушениях⁵.

Векторы трансформации КЗоТ в оценках специалистов – «трудовиков»

Приведем перечень устанавливаемых КЗоТ базовых положений, которые считались незыблемыми с позиций дальнейшей эволюции трудового законодательства (в передовой статье ведомственного журнала НКТ РСФСР «Вопросы труда» за 1923 г. они определялись как «неубиваемые»): Кодекс распространяет свое действие на всех работников по добровольному найму; для регулирования безработицы создаются биржи труда; за работниками закрепляются минимальные гарантии условий труда; Кодекс ограничивает права нанимателей, особенно при увольнении работников; определяет порядок и размеры оплаты труда, а также статус профсоюзов по представительству и защите интересов работников и создание специальных органов для разрешения конфликтов⁶.

При этом специалисты в области трудового права уже с первых лет введения КЗоТ отмечали наличие сложностей в его практическом применении, исходящее из неясностей в толковании

---

³ Вопросы труда. 1926. № 1. С. 57.

⁴ Вопросы труда. 1923. № 2. С. 36.

⁵ Вопросы труда. 1923. № 2. С. 62.

⁶ Вопросы труда. 1923. № 1. С. 2–3.

его базовых понятий. Например, очень много коллизий возникало вокруг ст. 47, определявшей порядок увольнения работников. Известный правовед И.С. Войтинский указывал, что работник обладал определенной защитой от произвольного толкования нанимателем причины для его увольнения, поскольку все случаи увольнения требовали рассмотрения в расценочно-конфликтных комиссиях (РКК) на производстве, создававшихся на паритетных началах из представителей профсоюза и администрации. При этом он допускал, что на практике такая защитная гарантия «не является безусловной»⁷.

Однако уже 6 марта 1929 г. СНК СССР принял постановление об укреплении трудовой дисциплины на производстве, расширившее полномочия администрации при наложении взысканий на работников за нарушение режима труда. Своего рода индикатором разрушения защитной функции закона стало ужесточение карательных мер. Если ранее п. «г» ст. 47 предусматривал увольнение только при систематическом нарушении трудовой дисциплины, то теперь администрация могла уволить работника за первое же грубое нарушение.

В свою очередь и НКТ расширил простор действий администрации при увольнении работников, постановив, что предварительному рассмотрению в РКК подлежат только конфликты из-за увольнения из госучреждений по *непригодности*, но не по причине *неисполнения обязанностей*⁸.

Автор заметки в журнале «Вопросы труда» В. Левенстерн, ратовавший за принятие специального закона о трудовой дисциплине, сетовал, что закрепленная в КЗоТ (ст. 47) норма обжалования увольнения через РКК «может быть вредна», поскольку затягивает и затрудняет увольнение «нерадивых» работников⁹.

В отличие от правоведов старшего поколения (И. Войтинского, В. Догадова, А. Ляха и др.), он выступал за радикальное подчинение трудового законодательства нуждам государства, четко уловив, что настало время «ломки» тех положений КЗоТ, которые сдерживали мобилизационные намерения в использовании рабочей силы. В разгар кампании начала 1930-х гг. по борьбе

⁷ Вопросы труда. 1924. № 7–8. С. 79–80.

⁸ Вопросы труда. 1930. № 9. С. 79.

⁹ Левенстерн В. Законодательное регулирование вопросов трудовой дисциплины // Вопросы труда. 1930. № 4. С. 55–61.

с «уклонизмом» в среде специалистов и квалифицированных работников он предлагал принудительно перебрасывать их на другое место работы. При этом ст. 37 КЗоТ предусматривала, что перевод работника на другое место, в том числе и со сменой местожительства, возможен только при его согласии, что можно было обеспечить только за счет экономических стимулов (льгот, более высокой зарплаты, должности и т.д.). Более того, согласно ст. 46 КЗоТ в случае нежелательного перемещения работник мог воспользоваться правом оставить работу, предупредив администрацию за неделю до этого, и ему обязаны были выплатить выходное пособие. Левенстерн категорично настаивал на рассмотрении КЗоТ в этой части¹⁰.

Когда ситуация с трудовыми мобилизациями квалифицированных работников потребовала административно-директивных решений, в частности, при кадровом обеспечении «ударныхстроек» пятилетки, а также для возвращения на производство лиц, работавших не по своей прямой специальности, скажем, инженеров, трудившихся в финансовых органах и т.д., о соблюдении «чистоты» КЗоТ уже никто не заботился. Межведомственные комиссии, созданные из представителей заинтересованных ведомств, профсоюзов и НКТ, наделялись полномочиями «преодолевать» принцип добровольности при перебросках работников, применяя к «уклонистам» уже не пряник, а кнут.

Еще один вектор изменений КЗоТ касается работы товарищеских судов на предприятиях. Правительство РСФСР издало постановление об их организации на базе профсоюзов 26 марта 1928 г. Эти суды должны были разбирать так называемые мелкие дела о стычках, склоках, оскорблениях и т.д. Однако до 1930 г. данное постановление носило «спящий» характер. Теперь же практику товарищеских судов было решено сфокусировать на борьбе с нарушениями трудовой дисциплины (опоздания, прогулы, пьянство и т.д.), а циркуляр НКЮст РСФСР от 4 августа 1930 г. предусматривал привлекать через них к ответственности уклонявшихся от трудовой мобилизации, причем на разбор дел отводился всего лишь недельный срок.

Товарищеские суды организационно имитировали суды настоящие, с выступлением под протокол обвинителей,

---

¹⁰ Вопросы труда. 1931. № 3–4. С. 137–139.

свидетелей и защитников. Как правило, наряду с общественными порицаниями, они налагали и небольшие денежные штрафы. В пропаганду мер общественного воздействия на «нерадивых» работников отмечалось: «Товарищеские суды представляют собой прекрасную массовую ничего не стоящую государственному бюджету школу подготовки для органов юстиции кадров судей – пролетариев, способных проводить четкую классовую линию в работе органов суда и прокуратуры»¹¹.

Однако одними общественными судами технологии пресечения «уклонизма» от трудовых мобилизаций не ограничивались. Дело в том, что сами работодатели нередко препятствовали перемещениям в другие места ценных специалистов. Для борьбы с этим явлением использовались в расширенном толковании ст. 132 и 133 УК РСФСР, предусматривающие за должностные правонарушения (в частности – неисполнение постановлений, регулирующих сферу труда) наказания – от крупных штрафов до исправительно-трудовых работ.

Другим важнейшим направлением очевидного «выхолащивания» защитных функций КЗоТ 1922 г. было постепенное отвоевание этих функций у профсоюзов. При принятии трудового Кодекса считалось «неотменяемым» записанное в нем положение об особом праве профсоюзов на представительство и защиту интересов работников перед нанимателями (ст. 158). Известный «трудовед» В.М. Догадов выступал ярким сторонником ввода в трудовое законодательство «профсоюзного права» как отдельного направления. Он доказывал, что наличие у профсоюзов функционального двуединства (защитной и производственной роли, связанной с участием в организации и регулировании производственных, хозяйственных процессов) логично предполагало законодательное закрепление [Догадов, 1928].

Сторонники разработки «профсоюзного права» ссылались также на сложившуюся практику наделения профсоюзов определенными налоговыми привилегиями, которые в частности касались конкретных стачечных/забастовочных фондов. Напомним, что во второй половине 1920-х гг. ВЦСПС периодически проводил кампании по сбору средств путем отчисления от заработков работников в особый фонд поддержки бастовавших

---

¹¹ Вопросы труда. 1930. № 1. С. 49–50.

рабочих в других странах (шахтеры в Великобритании, лесорубы в Норвегии и др.). По ходатайству ВЦСПС принимались специальные правительственные постановления, освобождающие эти средства от налогообложения. Аналогичные профсоюзные фонды легализовались властью в случае проведения забастовок и внутри страны – на частных и концессионных предприятиях (особенно крупных), когда речь шла о содержании бастующих работников в течение недели и более. Так, во время длительной забастовки рабочих концессии «Лена Голдфилдс Лимитед» (июнь – июль 1930 г.) для оплаты бастовавшим пособия в размере 2/3 тарифной ставки профсоюзам консолидированно поступило 335 тыс. руб.¹²

Однако в конце 1920-х гг. произошла смена приоритетов в профсоюзной деятельности: руководство ВЦСПС во главе с М.П. Томским обвинили во впадении «в тред-юнионизм» и чрезмерной фиксации на защитной функции вопреки государственным потребностям в более активном участии профсоюзов в развитии производственной деятельности. И хотя утверждалось, что обе задачи профсоюзов должны взаимодополнять друг друга, но на практике защитные функции профсоюзов «таяли» (их роль при рассмотрении трудовых конфликтов, связанных с увольнением работников и при заключении коллективных договоров, неуклонно сокращалась), а обязательства возрастали. С массовым распространением ударничества и «соцсоревнования» «боевыми задачами» профсоюзов объявлялись борьба за дисциплину труда против «дезорганизаторов производства», наделение их дисциплинарными обязанностями в противовес защитной работе.

Взаимосвязи КЗоТа с другими кодексами

КЗоТ и Гражданский кодекс (ГК). По общему признанию правоведов, введение Гражданского, а, затем, почти через год, Гражданско-процессуального кодекса (ГПК), предоставляло максимум возможностей частному сектору экономики. В то же время КЗоТ устанавливал минимум норм условий труда и правовых гарантий в обстановке разнообразия экономических форм. Как правило, правоведы при применении общих норм ГК к трудовому праву исходят из понятия «свободы договора», то есть выявляют

---

¹² ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 105. Л. 50–50 об.

в договорных отношениях степени ограничений, налагаемых на стороны. КЗоТ ставил определенные границы для реализации трудовых договоров. Прежде всего – в частном секторе, хотя и в государственном тоже: согласно ст. 4 наниматель был обязан обеспечить условия труда не хуже установленных действующим законодательством.

В каких сферах применения ГК возникали трудовые отношения? Перечислим основные: ст. 5 – право организации частным лицом промышленных и торговых предприятий; ст. 9 – право подростков по достижении 14-летнего возраста распоряжаться своим заработком самостоятельно; ст. 54–57 – регламентация допустимого количества наемных работников в частных предприятиях; ст. 101 – заложенное имущество собственника обращается на покрытие задолженности по заработной плате и соцстрахованию работников. Фактически это были так называемые особые пункты, регулировавшие отношения предпринимателей с работниками. Во всех остальных случаях трудовые отношения в частном секторе подпадали под статьи КЗоТ, связанные с наймом и условиями труда в любых организациях вне зависимости от форм собственности.

КЗоТ и Земельный кодекс (ЗК). Земельный кодекс, принятый 30 октября 1922 г. (неделей раньше КЗоТ), содержал в себе ряд принципиальных положений, связанных с трудом и трудовыми отношениями. Так, в нем содержались такие ключевые понятия, как «трудовое пользование землей», устанавливающее право граждан РСФСР получить землю для обработки ее своим трудом (ст. 9); «вспомогательный наемный труд в трудовых земледельческих хозяйствах» (ст. 39–41). В частности, ст. 39 определяла условия, при которых допускалось применение наемного труда как такового; ст. 40 конкретизировала это условие: наем работников допустим «лишь при непременном сохранении применяющим его хозяйством своего трудового строя, т.е. при условии, если все наличные трудоспособные члены хозяйства наравне с наемными рабочими принимают участие в работе хозяйства»; ст. 41. устанавливала, что наемный труд при его применении подлежал наблюдению и контролю со стороны наркоматов труда, земледелия и профсоюзных органов.

Особенность применения норм трудового права в сельском хозяйстве состояла в том, что изначально регулирование

трудовых отношений в данной сфере не включалось в КЗоТ. Вопреки провозглашенной «всеохватности», его положения не распространялись на ряд категорий работников, имевших особые условия труда (помимо военнослужащих и приравненных к ним, это были сезонные и сельскохозяйственные рабочие, работавшие на дому и т.д.). Для них могли применяться общие нормы КЗоТ, например, по охране труда, соцстрахованию, но не работали положения, связанные с продолжительностью рабочего дня и отпуска, гарантиями и компенсациями, правилами увольнения и т.д. Имелась и специфика действия защитных функций (права работника и обязанности нанимателя). Поэтому в статьях КЗоТ о примирительно-третейских органах не прописывались таковые для сельскохозяйственной сферы.

Только в 1925 г. в трудовом законодательстве конституировался орган, регулировавший трудовые конфликты в деревне – так называемые «примирительные комиссии» при местных органах власти с представительством в них профсоюзов сельскохозяйственных и лесных рабочих (постановление НКТ, НКЗем, НКЮ РСФСР от 1 мая 1925 г.)¹³. Однако их работа оценивалась как малоэффективная в сравнении с аналогичными органами в городах (Примирительные камеры и Третейские суды). Так, проведенное Сибтрудом обследование действия примирительных комиссий в крае в 1927/28 хоз. году установило, что охвату конфликтов в деревне препятствует традиция регулировать споры в формате «обычного права», не прибегая к советским органам. Но даже в случае возбужденных дел между нанимателями и батраками, пастухами и др. рассматривались и разрешались не более 60% случаев¹⁴. И хотя по общему правилу трудового законодательства, конфликты помимо примирения сторон могли передаваться в народные суды по трудовым делам, однако в силу традиционных отношений в земельных обществах/общинах споры и противоречия в сфере наемного труда вплоть до принудительной коллективизации сельские жители решали преимущественно вне институтов власти.

---

¹³ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 711. Л. 109.

¹⁴ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1534. Л. 12 об.

Взаимосвязь и синхронизация КЗоТ с Исправительно-трудовым кодексом (1924)

Наиболее рельефно трудовое законодательство увязывалось с системой исполнения наказаний, где государство стремилось достичь максимальной упорядоченности в сфере использования труда заключенных и осужденных без лишения свободы (так называемых принудчиков, приговоренных судами к исправительно-трудовым работам без изоляции в местах заключения). Данная задача решалась в рамках специального Исправительно-трудового кодекса (ИТК) РСФСР, не имевшего аналогов во взаимодействии КЗоТ с Гражданским и Земельным кодексами. ИТК был принят в 1924 г. во исполнение тезиса о том, что «труд исправляет нарушителей закона» и действовал с поправками и изменениями вплоть до принятия новой его редакции в 1933 г.¹⁵

Базовая платформа ИТК-1924 состояла в синхронизации принципов организации труда осужденных с теми, которые существовали в «обычной» сфере труда, основанной на КЗоТ. Соответственно, ст. 29 (условия труда лиц, отбывающих принудительные работы без содержания под стражей) и ст. 57 ИТК (условия труда заключенных) устанавливали, что в части условий и охраны труда, времени отдыха и регулирования рабочего режима требовалось полностью обеспечивать соответствие группе статей КЗоТ (ст. 94–144). В частности предусматривалась оплата труда, где нормы и порядок выплат устанавливало Главное управление мест заключения (ГУМЗ) НКВД РСФСР по согласованию с Наркоматом труда; продолжительность труда не должна была превышать 8 часов для взрослых и 6 часов для подростков; сверхурочные работы допускались в исключительных случаях; в воскресенье устанавливался еженедельный отдых. Особой регламентации подлежал труд женщин и несовершеннолетних. Все положения охраны труда, определяемые для вольного найма, также синхронизировались в двух кодексах. Безусловно, для заключенных существовал ряд режимных ограничений: труд был обязательным для всех способных к нему заключенных; виды и характер труда устанавливались руководством

---

¹⁵ См. текст ИТК: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 30–56.

мест заключения; на внешние работы заключенные выводились под конвоем и т.д.

Условия труда отбывающих принудительные работы без содержания под стражей были приближены к тем, что распространялись на «правовое» население. Им выплачивалась зарплата согласно КЗоТу (ст. 31), однако 25% от нее удерживались в пользу организаторов работы (ст. 33). Им предоставлялись двухнедельные отпуска спустя 5½ месяцев непрерывной работы (ст. 37), а также отпуска по болезни и материнству (ст. 38). При этом время, проведенное в отпуске, засчитывалось лишь осужденным из трудящейся среды (ст. 39), что было проявлением «классового подхода».

Условия труда для заключенных предусматривали целевое обучение профессии, что облегчало возможность после освобождения найти себе занятие (ст. 51). За работу полагалось вознаграждение (ст. 70), которое составляло до 75% от тарифов отраслевых профсоюзов. Все трудовые выплаты в местах заключения освобождались от налогов и сборов (ст. 77). Кроме того, за производительный труд была предусмотрена система зачетов – 2 дня работ за 3 дня лишения свободы (однако данная норма распространялась только на лиц из «трудящейся среды»).

В 1925 г. ГУМЗ НКВД реализовал новацию, которая касалась заключенных из крестьянской среды (они составляли половину от общего числа лишенных свободы). Для них вводилась практика отпуска на полевые работы (сроком до 3 месяцев) к своей семье. По его завершении заключенный крестьянин мог рассчитывать на применение к нему той самой системы зачета. Данная мера имела продолжение и в 1930-е гг., что было закреплено в ИТК 1933 г., однако статистику ее реального применения обнаружить не удалось¹⁶.

Соблюдение положений КЗоТ в пенитенциарных учреждениях возлагалось на местные аппараты Наркомата труда (ст. 81), чьи специалисты имели полномочия посещения мест лишения свободы.

Генезис и становление лагерной системы отчетливо демонстрировали вектор движения от «исправления трудом»

---

¹⁶ Красильников С.А. Между правом и наказанием: труд в раннесоветском обществе // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 4. С. 1031–1033.

к «наказанию трудом». В «Положении о лагерях», принятом постановлением СНК ССР от 7 апреля 1930 г.,¹⁷ где имелся раздел «Общие условия труда заключенных» (ст. 18–28), вместо прямых ссылок на КЗоТ делались отсылки на межведомственные соглашения ОГПУ и Наркомата труда, что на практике означало отклонение от принципов КЗоТ. Так, в ст. 27 «Положения» говорилось о том, что «рабочий день заключенных, по общему правилу, не может превышать 8 часов». Однако далее оговаривалась возможность отступления от этой нормы с разрешения Наркомата труда. В ст. 28 говорилось, что нормы оплаты труда заключенных устанавливаются ОГПУ по соглашению с НКТ. В то же время в ст. 25 содержалось лишь указание на существующие виды премирования за труд: денежное вознаграждение; выдача усиленного продовольственного пайка; возможность перевода на льготный режим и досрочное освобождение. Это позволяло лагерному начальству произвольно манипулировать установленными видами стимулирования труда заключенных.

Сравнение базовых документов 1920-х и начала 1930-х гг. в части регулирования трудовых процессов в местах лишения свободы выявляет четкую тенденцию вывода «режимного труда» из сферы действия обычного трудового права и его перемещение в сторону регулирования особыми ведомственными нормативными документами. Соответственно, работники местных органов Наркомата труда исключались из контроля над соблюдением положений КЗоТ в местах заключения.

Как рынок труда трансформировался в «трудовой фронт» первой пятилетки

Видный специалист в области трудового права А. Лях, подводя в 10-летнюю годовщину революции (1927 г.) итоги законодательной работы советской власти, осторожно заметил, что Кодексу о труде предстоит в недалеком будущем претерпеть неизбежную эволюцию: «Основной принцип КЗоТ – установление гарантированного минимума условий труда с правом сторон устанавливать улучшенные условия труда в договорном порядке вступает на данной стадии в некоторое противоречие с хозяйственной политикой Союза». По его мнению, вступление

¹⁷ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 66–72.

в действие принципов централизованного планирования создает необходимость вводить ограничения и в сферу регулирования условий труда работников по найму. Он иллюстрировал это на примере начавшейся замены минимальных гарантированных КЗоТ трудовых норм так называемыми твердыми нормами, которые оказывались максимальными и не подлежавшими превышению. В частности, твердые тарифы оплаты труда были введены для ряда ответственных работников¹⁸.

По мере того, как государство законодательно утверждало лимиты по тем или иным вопросам труда (на фонд заработной платы, на оплату командировочных средств и т.д.), устанавливался потолок, или максимум трудовых прав. В случае, если пункты в договоре, улучшавшие положение работников, вступали в противоречие с предельными нормами закона, они должны были признаваться недействительными. Тем самым потенциал договорных принципов в поле трудовой конфликтологии резко сокращался, а в последующем коллективные договоры стали играть чисто формальную, декоративную роль. В этой же логике событий было предопределено снижение роли примирительно-третейских органов в качестве регуляторов трудовых отношений, а затем и их исчезновение.

Радикальный «перелом» в сфере трудового найма знаменовало принятие постановления ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г. «О порядке найма и распределения рабочей силы и борьбе с текучестью рабочей силы»¹⁹, в развитие которого те же органы в течение 1931 г. приняли более 10 постановлений, конкретизировавших комплекс поощрительных и запретительных мер в сфере государственного регулирования в распределении рабочей силы²⁰.

Базовая причина происходивших трансформаций – императивы государства. Переход экономики к мобилизационной модели в конце 1920-х гг. потребовал «подгонки» КЗоТ под новую реальность. С одной стороны, неприкосновенные статьи не изменялись, но и не применялись на практике, с другой – государство вводило требуемые изменения в трудовом законодательстве, игнорируя их несоответствие «неубиваемым» нормам КЗоТ. Тем самым законодательство становилось инструментом,

¹⁸ Вопросы труда. 1927. № 10. С. 126–127.

¹⁹ Сборник законов. 1930. № 60. Ст. 641.

²⁰ Вопросы труда. 1932. № 11–12. С. 39.

сопровождаящим и обслуживавшим интересы институтов власти в противовес базовым интересам и потребностям трудящихся, изначально заложенный в КЗоТ баланс прав и обязанностей работников и нанимателей в сфере труда разрушался.

В 1920 г. одна из первых советских специалистов по трудовому праву З.Р. Теттенборн пророчески написала: «Главная и самая поразительная особенность организации труда в советском строе – это то, что труд перестал быть наемным. Советская Россия не знает ни “свободного” договора найма, ни всех связанных с этим понятием правоотношений. Рабочие и служащие работают не потому, что они наняты, но потому, что государство обязывает их трудиться»²¹.

Литература

Андрюшин Е.А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М.: Новый Хронограф, 2012. 464 с.

Варшавский К.М. Трудовое право СССР. Ленинград: Academia, 1924. 180 с.

Войтинский И.С. Трудовое право СССР. М.-Л.: ГИЗ, 1925. 364 с.

Догадов В.М. Правовое положение профессиональных союзов СССР. М.-Л.: ГИЗ, 1928. 176 с.

Киселев И.Я. Трудовое право в тоталитарном обществе. Из истории права XX века. М.: ИНИОН, 2003. 84 с.

Статья поступила 17.10.2022

Статья принята к публикации 10.11.2022

Для цитирования: *Красильников С.А.* КЗоТ 1922 г.: взлет и деформации раннесоветского трудового законодательства // ЭКО. 2023. № 1. С. 24–42. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-1-24-42

Summary

Krasilnikov, S.A., *Doct. Sci (History).* E-mail: krass49@gmail.com
Institute of History, SB RAS, Novosibirsk

The Labor Code of 1922 [KZoT]: Rise and Deformations of Early Soviet Labor Law

Abstract. The end of 1922 is notable for the country's history not only for the completion of the Civil War, but also for the formation of the legal foundations for the transition to civil peace. The Code of Labor Laws (KZOT) occupied a special position among others by the scale of “coupling” with them due to the operation of the constitutional principles of compulsory and universal labor. Codification

---

²¹ *Теттенборн З.Р.* Советское законодательство о труде. М., 1920. С. 32.

of the extensive labor legislation of the early Soviet period reflected the general trend of the steady etatization of social and labor relations, thus violating the balance of rights and obligations between the employee and the employer laid down in the Labor Code. The state has provided its interests and needs, transforming the Code by “washing out” of its protective functions of workers and increasing forms of mobilization and forced labor.

Keywords: *early Soviet Codes; labor legislation; statization of labor; protective functions; punishment by labor; workers' rights*

References

Andryushin, E.A. (2012). *From the history of the labor legislation of the USSR and the policy of the Soviet government in the field of labor resources*. Moscow. New Chronograph Publ. 464 p. (In Russ.).

Dogadov, V.M. (1928). *Legal status of trade unions of the USSR*. Moscow – Leningrad. GIZ Publ. 176 p. (In Russ).

Kiselev, I. Ya. (2003). *Labor law in a totalitarian society*. From the history of law of the twentieth century. Moscow. 2003. INION Publ. 84 p. (In Russ)

Warshawsky, K.M. (1924). *Labor law of the USSR*. Leningrad: Academia Publ. 180 p. (In Russ).

Voitinsky, I.S. (1925). *Labor Law of the USSR*. Moscow – Leningrad. GIZ Publ. 364 p. (In Russ).

For citation: Krasilnikov, S.A. (2023). The Labor Code of 1922 [KZoT]: Rise and Deformations of Early Soviet Labor Law. *ECO*. No. 1. Pp. 24–42. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-24-42

Земельный кодекс РСФСР 1922 г. в контексте решения аграрного вопроса в России

В.А. ИЛЬИНЫХ, доктор исторических наук

E-mail: agro_jwa@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6361-1234

Институт истории СО РАН, Новосибирск

Аннотация. Анализируются правовой генезис и основные положения Земельного кодекса РСФСР 1922 г. в контексте идейно-политической борьбы по аграрному вопросу. В середине 1900-х – начале 1920-х гг. в России сменилось несколько моделей реформирования сельского хозяйства, каждой из которых соответствовали базовые правовые акты. Основной целью аграрной реформы 1906–1914 гг. были ликвидация общинного землепользования и капитализация аграрного строя (столыпинское аграрное законодательство). В октябре 1917 г. началась реализация эсеровской программы социализации на основе уравнительно-трудового землепользования («Крестьянский наказ», «Закон о социализации»). В 1919 г. большевики осуществили попытку перехода к социалистическим формам организации сельхозпроизводства («Положение о социалистическом землеустройстве»). Сопrotивление крестьянства вынудило их отказаться от эксперимента и перейти к нэпу. Идейной основой аграрной политики государства стала неонародническая концепция. Она была воспроизведена в Земельном кодексе, который закрепил общинное землепользование и наметил механизмы его рационализации. На рубеже 1920–1930-х гг. нэп был свернут, а общинное землепользование упразднено.

Ключевые слова: аграрный вопрос; сельское хозяйство; крестьянство; нэп; аграрное законодательство; Земельный кодекс

Постановка проблемы

Анализ развития страны в 1920-е гг. входит в число базовых задач отечественной историографии. Новая экономическая политика (нэп) традиционно считается одной из наиболее успешных экономических реформ, реализованных в России. Составной ее частью были преобразования в аграрной сфере, которые позволили в короткие сроки восстановить разрушенное в ходе предыдущих социально-политических катаклизмов сельское хозяйство. Показателем становления новых общественных отношений в РСФСР/СССР на нэповских началах стала кодификация советского права. Одним из первых общероссийских кодифицированных правовых актов стал Земельный кодекс.

В исследовательской литературе он, как правило, связывается с регулированием земельных отношений в специфических условиях нэпа. Однако его нельзя рассматривать вне контекста предыдущего развития России и идейно-политической борьбы по аграрному вопросу, развернувшейся в стране с конца XIX в.

Аграрный вопрос в России в конце XIX – начале XX вв.

Аграрный вопрос – вопрос о путях и методах модернизации сельского хозяйства, создании условий для ее ускорения. Отмена крепостного права в 1861 г. не создала механизма для устойчивого развития российского села. Основным сдерживающим фактором была крестьянская община. Поступательному развитию препятствовали особенности общинного землепользования. Земельные угодья принадлежали всем членам общины. Пастбища, леса, водоемы находились в совместном пользовании, пахотные земли делились между входящими в общину дворами. Раздел, как правило, осуществлялся по числу душ мужского пола в каждом дворе. Система разверстки определялась приемами ведения трехпольной системы земледелия, абсолютно преобладающей в крестьянских хозяйствах Центральной России. Соблюдение трехполюя в общине имело обязательный характер. На душу или иную единицу раскладки выделялись участки в каждом из трех полей севооборота. Пашня делилась на длинные полосы (их обработка конными пахотными орудиями была более технологичной). Каждый двор имел несколько длинных полос, чаще всего на определенном отдалении одна от другой. Данное распределение земли называлось чересполосицей.

Общинные земли были различны по качеству, расположению, конфигурации, удаленности. В связи с этим каждое из трех полей разделялось на ярусы примерно одного качества, а каждый ярус на доли – по числу единиц раскладки. Механизм распределения был подчинен основному принципу крестьянского мира – обеспечить максимально равный доступ к земле. Поскольку состав крестьянских семей изменялся, община с целью восстановления справедливости периодически проводила полные переделы земли¹.

---

¹ Временной промежуток между общими переделами мог составлять 5, 7, 10 или 12 лет, иногда больше. Сенокосы чаще всего делились ежегодно.

Переделы и принудительный характер севооборота препятствовали внедрению в крестьянское земледелие агротехнических новаций. Хозяину участка было невыгодно вкладывать в него не предусмотренные классическим трехпольем дополнительные силы и средства, поскольку через определенное время он мог лишиться своего надела. Существующее законодательство делало выход из общины с землей практически невозможным. Ситуация осложнялась постоянным увеличением крестьянского населения, которое при неизменности общинного надела вело к сокращению размеров подворных участков. В центральных губерниях аграрное перенаселение превращало наделы крестьян в парцеллы и приводило к их пауперизации. Технологическая отсталость была характерна и для большинства дворянских хозяйств. Одним из факторов, сдерживающих их модернизацию, была возможность полукрепостнической эксплуатации крестьян (система отработок).

На рубеже XIX и XX вв. аграрный вопрос в России стал одной из центральных тем общенационального общественно-политического дискурса. Радикальная часть неонародников призывала в ходе революции уничтожить помещичье землевладение, а затем построить социализм, минуя капитализм. Институцией, несущей в себе потенциальные социалистические черты и сдерживающей развитие капитализма, по их мнению, выступала крестьянская община, опирающаяся на принципы уравнительности землепользования и мирского самоуправления. Собственно переход к социализму виделся как постепенное преобразование крестьянской общины, «основанной на принципе временного частного владения, в общину-коммуны, основывающуюся на принципе общего, совместного пользования орудиями производства и общего, совместного труда» [Проекты преобразования..., 2015. С. 12].

Альтернативой выступала концепция преобразований, предполагающая капитализацию аграрного сектора в результате государственных реформ, направленных на сохранение помещичьего землевладения и разрушение общины путем предоставления ее членам права свободного выхода из нее с переводом выделенного участка в собственность. Возможность аккумуляции выведенной из общины земли создавала условия для возникновения эффективных хозяйств фермерского типа. Реформе, проведенной по данному алгоритму, помимо экономической, отводилась

социально-политическая задача: создание из крестьян слоя земельных собственников должно было предотвратить революцию.

В свою очередь консервативная часть правящей элиты в конце XIX в. торпедировала проведение аграрных преобразований, поскольку видела в общине один из основных устоев традиционного сословного строя.

Революционные потрясения первой декады XX в. (в том числе крестьянские восстания 1902-го и 1905–1907 гг.) заставили царское правительство перейти к осуществлению преобразований. В 1906 г. началась столыпинская аграрная реформа, законодательные акты которой (*«О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования»*, *«Временные правила о выдаче наделной земли к одним местам»*) предусматривали создание частного крестьянского землевладения путем принудительного внутринаделного межевания общинных земель и создания отрубов и хуторов.

Значительное внимание в рамках реформы уделялось созданию системы агрономического обслуживания деревни. В земских губерниях на местах создавались агрономические участки, возглавляемые специалистами [Ильиных, 2019. С. 84–86]. С 1906 г. по 1912 г. их число увеличилось с 10 до 1112 [Агрономическая помощь, 1914. С. 136]. Участковые агрономы поддерживали обратную связь с выпустившими их сельскохозяйственными учебными заведениями. Значительное число из них придерживались умеренных неонароднических взглядов и выступали против принудительного разрушения общины. В то же время, будучи профессионалами, они видели существенные изъяны общинного строя, препятствовавшие развитию аграрного производства, и выступали за их преодоление. Крестьян следовало убедить в необходимости более рациональных методов ведения хозяйства. Общинники должны были отказаться от частых переделов земли, нерационального дробления хозяйств. Чересполосицу в зависимости от местных условий следовало заменить на широкие полосы (отруба), фактически превратив общину в непеределную. Это создавало условия для отказа от трехполья и перехода к интенсивным агротехнологиям.

Своих базовых целей столыпинская аграрная реформа в полной мере не достигла: 2/3 крестьянских хозяйств выйти

из общины не пожелали, более того они оказывали пассивное сопротивление процессу внутринадельного межевания. Социальная напряженность в деревне усилилась. У крестьян, недовольных сокращением общинного надела, возникла ненависть не только к помещикам и «кулакам-мироодам», но и к отрубникам и хуторянам, по отношению к которым применялись в том числе и насильственные действия (избиения, поджоги и др.).

Законодательные акты аграрной революции 1917–1920 гг.

Необходимые для полной реализации столыпинской аграрной реформы «20 лет покоя» история не дала. В 1917 г. в повестку аграрной политики было поставлено осуществление революционных моделей преобразования существующего строя. Наиболее влиятельная политическая сила левого спектра – партия социалистов-революционеров, лидеры которой разделяли идеи неонародничества, выдвинула программу социализации земли. Она предусматривала отмену собственности на землю, полное изъятие всех земель с последующим проводимым крестьянскими общинами равным распределением в соответствии с трудовыми нормами, запрет на земельный рынок и на использование наемного труда в сельском хозяйстве [Медушевский, 2005. С. 344, 360].

Леворадикальная фракция российских марксистов (социал-демократов) – большевики – предлагала национализировать землю путем ее передачи пролетарскому государству, которое должно было решить задачу буржуазно-демократической революции – ликвидировать помещичье землевладение, а затем перейти к социалистическому этапу революции. Социалистическая реконструкция аграрного сектора экономики могла быть осуществлена только на основе организации крупных сельхоз-предприятий, которые, по мнению марксистских теоретиков, позволяли внедрить в сельское хозяйство новейшие технические достижения и за счет этого резко повысить его производительность. Для крестьянства в качестве обязательного этапа перехода от мелкотоварного к крупному социалистическому хозяйству рассматривалось объединение в производственные кооперативы (коммуны, сельхозартели).

В октябре 1917 г. большевики из тактических соображений отказались от немедленной национализации земли. Принятый

Вторым Всероссийским съездом Советов *«Декрет о земле»*² предусматривал лишь конфискацию помещичьих земель. Окончательное решение земельного вопроса передавалось Учредительному собранию. Впредь до его вердикта руководством по осуществлению земельных преобразований становился *«Крестьянский наказ о земле»*, который фактически представлял собой поддерживаемую крестьянством эсеровскую аграрную программу. Он предусматривал отмену частной собственности на землю, запрет ее продажи и аренды. Не допускался наемный труд, землепользование должно было стать уравнильным и трудовым. При этом провозглашалась свобода выбора форм пользования землей, будь то подворная (отрубная), общинная, хуторская или артельная.

Следует отметить, что ликвидация помещичьего землевладения произошла не по воле советских властей. Это сделали сами крестьяне, которые в ходе начатой весной 1917 г. революции разграбили большинство помещичьих усадеб и разделили между собой господские земли. Мало того: крестьянская община вернула большую часть угодий, ранее выделенных из нее на хутора и отруба, и укрепила уравнильное землепользование. Большевики своим Декретом о земле лишь санкционировали начатый без их ведома и участия процесс.

После разгона Учредительного собрания в феврале 1918 г. *«Декрет о земле»* заменили *«Основным законом о социализации земли»*³, проект которого подготовил левый эсер И. В. Майоров. В нем был представлен механизм реформирования аграрных отношений на основе принципов уравнильно-трудового землепользования. В отличие от *«Крестьянского наказа»*, новый Закон не предусматривал свободу выбора форм землепользования. В нем провозглашалась приоритетность развития «коллективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов, за счет хозяйств единоличных, в целях перехода к социалистическому хозяйству». В то же время применительно к единоличному сектору в целях преодоления чересполосицы, «тормозящей развитие сельского хозяйства», ставилась задача отведения земель «по возможности к одному

² Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. СУ РСФСР. 1917–1918. № 1. Ст. 3.

³ Там же. № 25. Ст. 346.

месту». Закон, так же как и Наказ, запрещал аренду земли и наем рабочей силы.

После установления летом 1918 г. однопартийной диктатуры большевики заключили, что задачи буржуазно-демократической революции в деревне решены и приступили к развертыванию социалистической революции. В феврале 1919 г. было принято *«Положение о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию»*⁴, в котором в повестку текущей аграрной политики ставилась задача «организации сельского хозяйства на основах социализма». «Крупные» совхозы, коммуны и «другие виды товарищеского землепользования» провозглашались «наилучшими средствами для достижения этой цели», а все виды единоличного землепользования – «проходящими и отживающими». Составными частями Положения были главы «О советских хозяйствах» (совхозах) и их «внутреннем управлении», «О сельскохозяйственных производительных коммунах», в которых детально прописывался механизм функционирования указанных организационно-производственных структур. Отдельная глава была посвящена «общественной обработке земли». Основной формой таковой были артели и товарищества по совместной обработке земли. На такую обработку могла перейти община в целом или ее часть. «При несогласии большинства членов общества перейти к общественной обработке, согласному на совместную обработку земли меньшинству, по его требованию, общество обязано выделить соответствующий по норме участок к одному месту». Если общество отказывалось от выдела, отвод участка вменялся в обязанности уездного земельного отдела.

В Положении юридически закреплялась национализация земли. Вся земля в РСФСР, «в чем бы пользовании она ни состояла», провозглашалась «единым государственным фондом».

Но поскольку переход к социализму требовал времени, государство было вынуждено регулировать землепользование крестьянских хозяйств. Одной из проблем, возникших в годы Гражданской войны, были частые переделы общинной земли. В связи с этим в апреле 1920 г. СНК РСФСР принял *«Декрет*

---

⁴ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. СУ РСФСР. 1919. № 4. Ст. 43.

*о переделах»*⁵. Полные и частичные переделы пахотных земель в сельских обществах допускались впредь только с разрешения местных земельных органов. При этом полный передел мог быть осуществлен не ранее срока трехкратного завершения принятого в общине севооборота (при трехполье – не менее девяти лет). Ходатайства об их проведении могли возбуждаться сельскими советами по приговору, за который проголосовало как минимум $\frac{2}{3}$ членов общества землепользователей. Частичный передел допускался в случае изменения общей площади землепользования общины, решения общества о переходе к многопольному севообороту, устранении мелкополосицы, переходе к широким полосам.

Составной частью политики «военного коммунизма» (1918–1921 гг.) выступала продовольственная разверстка, в рамках которой крестьяне должны были сдавать государству все имевшиеся в хозяйстве излишки за вычетом минимальных потребительских норм. В действительности размеры разверстки определялись из потребностей государства, поэтому на местах изымались не только излишки, но и значительная часть необходимого семенного и продовольственного фонда.

Регулирование земельных отношений в условиях нэпа. Земельный кодекс

«Военный коммунизм» вызвал ожесточенное сопротивление на селе. Основными лозунгами массового крестьянского повстанческого движения стали свобода хозяйствования и свобода распоряжения произведенной продукцией. С трудом подавленные масштабные антисоветские вооруженные выступления вынудили большевиков перейти к новой экономической политике (нэпу).

Первым актом нэпа стал переход от продразверстки к продналогу. Государство становилось собственником не всей произведенной крестьянами продукции, а только ее части, отчуждаемой в форме строго фиксированного натурального налога. Остальное оставалось в полном распоряжении крестьянина и могло быть использовано как для внутрисельского потребления и накопления, так и для продажи.

---

⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. СУ РСФСР. 1920. № 35. Ст. 170.

Произошли радикальные изменения в целеполагающих основаниях и методах реализации аграрной политики. На отдаленную перспективу отодвигалась задача перехода к коллективным формам землепользования. Считалось, что «мелкое» крестьянское хозяйство «еще долго» будет отвечать целям поступательного развития экономики страны, а крестьянам-единоличникам отводилась ведущая роль в ее восстановлении.

Общепризнанными препятствиями на пути восстановления сельского хозяйства были неурегулированность земельных отношений и неустойчивость крестьянского землепользования. В связи с этим в качестве одной из основных задач советской власти в деревне рассматривалось обеспечение устойчивости прав на землю.

В резолюции состоявшейся 19–22 декабря 1922 г. XI конференции РКП(б) «Очередные задачи партии в связи с восстановлением хозяйства» были провозглашены базовые принципы решения земельного вопроса в условиях нэпа: а) «упрочение крестьянского землепользования»; б) «предоставление крестьянскому населению свободы выбора форм землепользования». При этом особо подчеркивалось «незыблемое сохранение национализации земли»⁶.

На необходимость решения земельной проблемы указал IX Всероссийский съезд Советов, начавший свою работу 23 декабря 1921 г. Съезд призвал «обеспечить за хозяйствами наибольшую устойчивость в пользовании землей», что должно было «побудить их к наилучшему вложению в нее затрат в виде удобрений, земельных улучшений и т.д.». Съезд также поручил ВЦИК разработать правила использования наемной рабочей силы и аренды земли крестьянскими хозяйствами⁷.

Нормативным оформлением поставленных партконференцией и съездом Советов задач стал принятый ВЦИК 22 мая 1922 г. «**Основной закон о трудовом землепользовании**»⁸. Земли, находившиеся в фактическом пользовании волостей и селений, закреплялись за ними. Законодательно устанавливались три юридически равноправные формы трудового землепользования:

⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 2. С. 468.

⁷ IX Всероссийский съезд Советов: стенографический отчет. М., 1921. С. 30.

⁸ СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 426.

«а) общинный (с уравнительными переделами земли между дворами); б) участковый (с неизменным размером права двора на землю в виде чересполосных, отрубных или хуторских участков); в) товарищеский (с совместным использованием землею членами общества, составляющими сельскохозяйственную коммуну, артель или товарищество по общественной обработке земли)». Земельное общество получало право по решению большинства его полноправных членов избрать любую из этих форм землепользования или сохранить существующую.

В рамках общины каждый крестьянский двор или их группа получали право выйти из земельного общества и потребовать причитающуюся им землю «к одним местам». Согласия общины при этом не требовалось. В период между переделами выход без согласия общины допускался в том случае, если этого требовала законодательно установленная часть ее членов (не менее 1/5 от общего числа дворохозяйств). При этом согласие общества на выдел любого числа хозяйств «на пустопорожние и естественно обособленные участки» также не требовалось. Все выделы земель должны были осуществляться «с соблюдением наибольших обоюдных удобств землепользования для остающихся в обществе и выходящих из него с землей, т.е. с устранением взаимной чересполосицы, вклинивания земель, дальнотельства».

В принятом акте подтверждалась необходимость соблюдения требований «Декрета о переделах» от 30 апреля 1920 г.

«Закон о трудовом землепользовании» предусматривал для крестьянских хозяйств ограниченное право аренды земель и использования наемного труда. Сдача в аренду разрешалась дворам, «временно ослабленным» из-за стихийных бедствий, недостатка инвентаря и рабочей силы. Аренда земли, как правило, разрешалась на срок одного севооборота, а при его отсутствии – на три года. «В исключительных случаях» предельный срок аренды мог быть увеличен до двукратного севооборота, но не более чем на шесть лет. Арендатором могло стать хозяйство, обрабатывающее свою и арендованную землю без применения наемной рабочей силы.

Наемный труд допускался лишь в тех хозяйствах, которые «по состоянию своей рабочей силы или инвентаря» не могли своевременно выполнить необходимые сельхозработы. В малоземельных регионах наем «временно ослабленными хозяйствами»

разрешался лишь «на время их маломощности», а прочие дворы могли пользоваться лишь сезонным наймом. В многоземельных местностях наемный труд допускался «в размерах, необходимых для скорейшей обработки и наиболее полного использования всей сельскохозяйственной площади». Во всех случаях непременным условием найма было участие всех наличных трудоспособных членов нанимающего хозяйства в сельхозработах «наравне с наемными рабочими». Особо подчеркивалось, что при найме должно соблюдаться законодательство о труде.

Согласно «Закону о социализации земли» земельные споры решались в административном порядке местными земельными отделами. После перехода к нэпу их число значительно увеличилось. В связи с этим ВЦИК 24 мая 1922 г. в дополнение к «Основному закону о трудовом землепользовании» принял *«Постановление о порядке рассмотрения земельных споров»*⁹. С этой целью утверждались специальные губернские, уездные и волостные земельные комиссии, получившие права земельного суда. Дела в них рассматривались в порядке состязательного процесса. Члены комиссий пользовались правами народных судей. Волостные земельные комиссии формировались при волысполкомах и состояли из председателя, который назначался исполнительным комитетом, и двух членов, избираемых на волостном съезде советов. Уездные и губернские земельные комиссии состояли при уездных и губернских земельных органах в составе председателя и двух членов (заведующего отделом землеустройства и народного судьи). Выборные члены земельных комиссий избирались сроком на один год.

Земельный кодекс РСФСР был утвержден 30 октября 1922 г. IV сессией ВЦИК. В нем проводилась детальная нормативно-правовая регламентация земельных отношений в стране, в основных положениях подчеркивалось, что все земли в пределах РСФСР являются собственностью государства, а земли сельскохозяйственного назначения составляют государственный земельный фонд, находящийся в «заведывании» Наркомата земледелия и его местных органов. В тексте документа также содержалась статья о запрете купли-продажи, завещания, дарения или залога земли. Подобные сделки считались недействительными, а лица,

⁹ Еженедельник советской юстиции. 1922. № 24/25. С. 26–27.

виновные в их заключении, помимо наказания в уголовном порядке, лишались своих наделов. Кодекс закреплял принцип «трудового землепользования». Право пользования землей определялось как бессрочное и могло быть прекращено только в соответствии с законом.

Кодекс содержал разделы «О товарищеском порядке землепользования», «Об общественной обработке», «О городских землях», «О государственных земельных имуществах», «О совхозах», «О землеустройстве», «О порядке рассмотрения земельных споров»¹⁰ «О переселении». Но основное внимание в нем уделялось правовому регулированию крестьянского общинного землепользования. В нескольких разделах, посвященных данному вопросу, воспроизводились (в ряде случаев с более детальной регламентацией) принципиальные положения более ранних «Закона о трудовом землепользовании», «Декрета о переделах».

Однако были и принципиальные новации. Отдельный раздел был посвящен земельным обществам, каковыми считались как традиционные общины, так и «совокупность дворов, выделившихся из прежних обществ», в том числе и объединение дворов, получивших земельные участки в участковое пользование (отрубное или хуторское). Полноправными их членами были все лица, входящие в состав дворов, составляющих общество, и достигшие 18 лет независимо от пола, а также лица моложе данного возраста при условии, что они самостоятельно ведут хозяйство. Вступление в общество новых безземельных дворов допускалось только с его согласия. В том случае, если общество в установленном порядке признавалось «имеющим излишние земли», доприселение осуществлялось по распоряжению земельных органов.

Органом управления общества было общее собрание (сход). Его решения считались правомочными, если на нем присутствовали представители не менее половины дворов, а по вопросам, касающимся изменения форм землепользования, – не менее $\frac{2}{3}$ дворов и не менее половины всех членов общества. В земельных обществах, территория которых совпадала с границами сельсовета, обязанности выборных органов земельного общества

---

¹⁰ Данный раздел повторял содержание одноименного постановления ВЦИК от 24 мая 1922 г. (см. выше).

возлагались на сельсоветы, в иных обществах – на уполномоченных, избранных общим собранием.

В Земельном кодексе предусматривались меры по недопущению разделов, «которые разрушают сложившиеся хозяйства, раздробляя их на слишком мелкие части или чрезмерно их ослабляя». Для этого региональные органы власти получали право принимать «нормы недробимости» для хуторских и отрубных хозяйств.

Известный исследователь аграрных реформ А. Н. Медушевский полагает, что в Земельном кодексе возрождалась эсеровская программа, изложенная в «Крестьянском наказе» и «Основном законе о социализации земли». По его мнению, существенного значения не имело даже то, что в Кодексе провозглашалась не социализация земли, а ее национализация. В обоих случаях она передавалась государству [Медушевский, 2005. С. 378, 381]. Соглашаясь с последним тезисом, мы все же отметим, что эсеры предлагали передать сельхозугодья в руки местных властей в рамках демократического федеративного устройства, а большевистское государство было жестко централизованным.

Однако, по нашему мнению, в Земельном кодексе имелись и принципиальные новации. Во-первых, это допущение вспомогательного найма рабочей силы и аренды земли. Во-вторых, в Кодексе, в отличие от «Закона о социализации», ничего не говорилось о приоритетности и большей «выгодности» коллективного хозяйства над единоличным.

В целом, мы считаем, в Земельном кодексе воспроизводилась не эсеровская программа 1917–1918 гг., а был представлен новый, существенно переработанный вариант неонароднической программы, наиболее полно и последовательно отраженной в работах А. В. Чаянова. Он отмечал, что самой устойчивой, общественно значимой и социально-справедливой формой организации сельхозпроизводства являются не крупные фермерские или коллективные, а семейно-трудовые крестьянские хозяйства. Производственная коллективизация, которая их ликвидирует, ведет к своеобразному раскрестьяниванию деревни, несущему негативные социальные последствия и для сельского хозяйства, и для страны в целом. Не менее разрушительным А. В. Чаянов полагал капиталистическое раскрестьянивание. Идеальную же форму будущего аграрного устройства России он видел

во всестороннем и комплексном кооперировании семейно-трудовых хозяйств, но не по горизонтальному (производственные кооперативы), а по вертикальному принципу (кооперирование сбыта, снабжения, переработки, мелиорации и др.). Постепенная и добровольная «кооперативная коллективизация» должна была сопровождаться рационализацией общинного землепользования [Проекты преобразования..., 2015. С. 29–30].

Почему столь явно неонародническая программа была принята большевистским государством? Причина в том, что ее разработчики непосредственно участвовали в выработке и реализации советской аграрной политики даже после установления однопартийной диктатуры. Многие видные неонародники в годы «военного коммунизма» продолжали преподавать в советских сельскохозяйственных учебных заведениях, работали в центральных земельных органах. После перехода к нэпу их стали более активно привлекать к работе Наркомата земледелия РСФСР, и прежде всего его плановой комиссии (Земплана). В 1922 г. Земплан фактически превратился в рабочий аппарат Наркомзема, без заключения которого не решался ни один важный вопрос в коллегии Наркомата. Так, А.В. Чаянов в 1918 г. стал профессором московской Петровской (затем Тимирязевской) сельскохозяйственной академии, с 1919 г. работал в Наркомземе, в том же году возглавил Высший семинарий сельскохозяйственной экономики и политики, в 1921–1923 гг. – член коллегии Наркомзема [Носова, 1994. С. 592].

Неонародническая профессура пользовалась авторитетом не только в агрономическом сообществе, но и у части членов большевистской партии, связанных с работой в аграрной сфере. Таковым, например, был П.А. Месяцев. В 1906 г. он вступил в ряды большевистской партии, в 1913–1916 гг. обучался в Петровской академии, в 1921 г. стал членом коллегии Наркомзема РСФСР и возглавил подготовку Земельного кодекса [Земельные органы, 2015. С. 588]. Общеизвестным в историографии является вывод, что знаменитая статья В.И. Ленина «О кооперации», в которой социализм трактовался как строй цивилизованных кооператоров, написана под влиянием чаяновской концепции.

Однако значительная часть большевистской элиты была настроена на скорейшее свертывание нэпа. Уже в апреле 1923 г. XII съезд РКП(б) поставил задачу «преимущественной

поддержки» коллективных форм организации сельхозпроизводства¹¹. Исходя из решений съезда нарком земледелия РСФСР А. П. Смирнов в октябре 1924 г. направил региональным земельным управлениям циркуляр, в котором ставилась задача «держать твердый курс на коллективизацию сельскохозяйственного производства». Поскольку хутора укрепляют индивидуальное хозяйство, надлежало принять меры «к прекращению хуторского разверстания»¹².

Контрнаступление на нэп обернулось нарастанием кризисных явлений как в экономической, так и в политической сфере, и руководство большевистской партии вновь пошло на либерализацию экономики. В конце 1924-го – начале 1925 гг. началась реализация «нового курса» РКП(б), получившего название «Лицом к деревне». В сфере регулирования земельных отношений подтверждалась закрепленная в Земельном кодексе свобода выбора форм землепользования, а III съезд Советов СССР в мае 1925 г. указал на недопустимость «административных преград выделению на хутора и отруба» земельных участков¹³.

Расширились законодательные рамки применения найма рабочей силы и аренды земли. Предельный срок аренды увеличивался до двух севооборотов при многополье и не свыше 12 лет при трехполье, а арендаторы получили право использования подсобного наемного труда. Снималось ограничение, согласно которому нанимать рабочих дозволялось только в случае нехватки своей рабочей силы и инвентаря для своевременного выполнения сельхозработ. Впредь нанимать батраков могло любое крестьянское хозяйство. Принципиальное значение имело выведение наемного труда в аграрном секторе из-под практически невыполнимых норм Кодекса законов о труде. С весны 1925 г. наем в крестьянских хозяйствах стал регулироваться «Временными правилами», существенно облегчавшими его легальное применение [Данилов, 1979. С. 93, 121].

В конце 1925 г. под руководством П. А. Месяцева, назначенного уполномоченным наркома земледелия по Сибири, был разработан рассчитанный на 25 лет «Перспективный план

¹¹ КПСС в резолюциях ... М., 1984. Т. 3. С. 120.

¹² ГАНУ. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1638. Л. 47–49.

¹³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 1. С. 473.

развития сельского хозяйства Сибирского края». В качестве организационно-производственной основы аграрного строя Сибири в нем фигурировали объединенные в различные виды кооперации семейно-трудовые крестьянские хозяйства. Факторами наращивания их производительных сил должны были стать создание устойчивого землепользования и переход к интенсивным технологиям. Помимо индивидуальных крестьянских хозяйств, объединенных в кооперацию, определенное, но довольно скромное место в будущей системе аграрного производства региона должны были занять коллективные и государственные хозяйства. Колхозы, призванные объединить беднейшие и неспособные к самостоятельному хозяйствованию слои деревни, предполагалось специализировать на семеноводстве и племенной работе. Те же функции возлагались и на совхозы [Проекты преобразования..., 2015. С. 131–147].

В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) поставил задачу производственного кооперирования крестьянства в краткосрочную перспективу. Отказ от нэповских принципов земельной политики знаменовало собой принятие ЦИК СССР в декабре 1928 г. *«Общих начал землепользования и землеустройства»*¹⁴. Преимущественное право на получение земли (ее лучших и более удобно расположенных участков) предоставлялось колхозам, а также «бедняцкому и середняцкому безземельному и малоземельному населению». Так называемым кулакам земельные наделы предоставлялись «в последнюю очередь». Право на свободный выбор формы землепользования формально сохранялось. Однако хуторское и отрубное разверстание должно было производиться «в последнюю очередь» или вовсе отменялось «в тех случаях, когда образование хуторов ведет к росту и укреплению кулачества». Право сдачи в аренду земель предоставлялось трудовым хозяйствам, «ослабленным» стихийными бедствиями, недостатком инвентаря или рабочей силы, на срок не свыше шести лет. Запрещалась «кабальная» аренда и сдача земли кулацким хозяйствам.

В 1930 г. началась форсированная коллективизация. В июле 1930 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли Постановление **«О ликвидации земельных обществ в районах сплошной**

---

¹⁴ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. СУ РСФСР. 1928. № 69. Ст. 641.

коллективизации»¹⁵, которое означало упразднение общинного землепользования и фактическое дезавуирование основных положений Земельного кодекса 1922 г.

Литература

- Агрономическая помощь в России. Пг.: Деп. Земледелия, 1914. 653 с.
- Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука, 1979. 359 с.
- Земельные органы Сибири: документально-монографическое издание / Отв. ред. В. А. Ильиных, Ю. Г. Мартынова. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 607 с.
- Ильиных В. А. Организация агрономического обслуживания в Сибири в 1920-е гг.: дискурс и выбор // Крестьяноведение. 2019. № 2. С. 83–107.
- Медушевский А. Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века. М.: Наука, 2005. 639 с.
- Носова Н. П. Нэп: государство и сельское хозяйство (проблемы регулирования) // НЭП: приобретения и потери: сб. науч. тр. М., 1994. С. 150–163.
- Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX веке: выбор путей и методов модернизации / Отв. ред. А. А. Николаев. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2015. 298 с.

Статья поступила 06.09.2022

Статья принята к публикации 14.10.2022

Для цитирования: Ильиных В. А. Земельный кодекс РСФСР 1922 года в контексте решения аграрного вопроса в России // ЭКО. 2023. № 1. С. 43–60. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-43-60

Summary

*P'inykh, V.A., Doct. Sci. (History). E-mail: agro_iwa@mail.ru
Institute of History, SB RAS, Novosibirsk*

The RSFSR Land Code of 1922 in the Context of Solving the Agrarian Issue in Russia

Abstract. The author analyzes the legal genesis and main provisions of the RSFSR Land Code of 1922 in the context of the ideological and political struggle on the agrarian issue. In the mid 1900's - early 1920's several models of agricultural reform took place in Russia, each of which corresponded to the basic legal acts. The main objective of the agrarian reform of 1906-1914 was the elimination of communal land tenure and capitalization of the agrarian system (Stolypin's agrarian legislation). In October 1917 began to implement the socialization program of the SR on the basis of the equalization of labor land use (the «Peasant Edict», «Law on Socialization»). In 1919 the Bolsheviks attempted a transition to socialist forms of organization of agricultural production («Regulations on Socialist Land Management»). Resistance of the peasantry forced them to abandon the experiment and convert to the New Economic Policy. The ideological basis of the state agrarian policy was

¹⁵ СУ РСФСР. 1930. № 51. Ст. 621.

the neo-peasant concept. It was reproduced in the Land Code, which consolidated the communal land use and outlined the mechanisms of its rationalization. At the turn of the 1920s and 1930s the New Economic Policy was curtailed and the communal land tenure was abolished.

Keywords: agrarian issue; agriculture; peasantry; agrarian legislation; New Economic Policy; land code

References

Agronomic assistance in Russia. (1914). Petrograd, Department of Agriculture, 653 p. (In Russ.).

Danilov, V.P. (1979). The Soviet pre-kolkhoz village: social structure, social relations. Moscow. Nauka Publ., 359 p. (In Russ.)

Il'inykh, V. (2019). Organization of the agronomic services in Siberia in the 1920s: Discourse and choice. *Krest yanovedenie*. No. 2. Pp. 83–107. (In Russ.).

Medushevskij, A.N. (2005). Projects of agrarian reforms in Russia: XVIII – the beginning of the XXI century. Moscow. Nauka Publ., 639 p. (In Russ.).

Nosova, N.P. (1994). Nep: State and Agriculture (regulatory issues). *NEP: priobreteniya i poteri*. Moscow. Nauka Publ. Pp. 150–163. (In Russ.).

Projects of transformation of the agrarian system of Siberia in the twentieth century: the choice of ways and methods of modernization. (2015). Novosibirsk, Institute of History SB RAS, 298 p. (In Russ.).

Siberian agricultural management bodies of Siberia. (2015). Novosibirsk, Sibprint, 607 p. (In Russ.).

For citation: Il'inykh, V.A. (2023). The RSFSR Land Code of 1922 in the Context of Solving the Agrarian Issue in Russia. *ECO*. No. 1. Pp. 43–60. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-43-60

Уголовный кодекс как инструмент регулирования хозяйственной деятельности крестьян Сибири (1920–1930-е гг.)

В. И. ИСАЕВ, доктор исторических наук
E-mail: history49@mail.ru; ORCID: 0000–0000–0003–1737–575x
Институт истории СО РАН, Новосибирск

Аннотация. В статье на материалах Сибири исследуется проблема использования советским государством уголовного права для управления экономическим поведением крестьян. Показаны конкретные примеры применения отдельных статей Уголовного кодекса против крестьян для решения политических и экономических задач. Сделан вывод о том, что в созданной большевистской партией политико-экономической системе использование Уголовного кодекса в значительной степени определялось не правовыми, а политико-идеологическими критериями.

Ключевые слова: советское государство; крестьянство; Уголовный кодекс; экономические преступления

Введение

В июле 2022 г. исполняется сто лет с момента введения в действие первого Уголовного кодекса советского государства, который был важнейшим инструментом борьбы с уголовной преступностью. Однако в советской России УК стал использоваться не только против убийц, воров и бандитов, но и против обычных граждан, в том числе крестьян, которым вменялись так называемые экономические преступления.

Установление в России советской власти и формирование новой социально-экономической системы радикально изменили отношения между гражданином и государством. Сфера контроля государства за экономической деятельностью отдельного человека существенно расширилась, соответственно, возросла и юридическая ответственность граждан. В этом плане особенно изменилось положение крестьянства, так как большевистская партия поставила задачу его перевоспитания и перевода из мелкобуржуазного класса в социалистический. Значительную

роль в этом процессе должен был сыграть Уголовный кодекс, определивший основания для уголовного преследования и меры наказания за хозяйственные (экономические) преступления. При этом важно отметить, что советское государство зачастую оценивало действия крестьян как преступные, используя не столько правовые, сколько политико-идеологические критерии.

В настоящей статье мы рассмотрим применение уголовного права для управления экономическим поведением крестьян в СССР 1920–1930-х гг.

При этом мы не ставим задачу юридического анализа правоприменительной практики, а рассматриваем ее с позиции историка как часть повседневной жизни и хозяйственной деятельности крестьян в первые десятилетия советской власти.

Географические рамки исследования ограничены административными границами Сибирского края, созданного в 1925 г. На этой территории, по данным Всесоюзной переписи 1926 г., 88% населения проживало в сельской местности, и только 12% в городах¹. Поэтому вполне логично сфокусировать внимание на ситуации в сибирской деревне.

Нижняя хронологическая граница связана с введением нэпа в 1921 г. и принятием Уголовного кодекса в 1922 г.; в качестве верхней границы взят 1937 г., когда завершилась вторая пятилетка и окончательно оформилась сталинская модель социализма. Источниками исследования послужили архивные документы центральных и сибирских партийных, советских и правоохранительных органов, а также опубликованные в периодической печати материалы.

Введение нэпа восстановило в стране свободу торговли, относительную свободу хозяйственной деятельности при сохранении господствующей роли большевистской партии. Перестраивалась вся система общественных отношений, поэтому потребовалось создать и новую правовую основу для нее. А 1922 г. стал годом ускоренного формирования советского права: проводится судебная реформа, принимаются Гражданский, Уголовный, Земельный и другие кодексы, включая новый КЗоТ.

---

¹ Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 2. С. 436.

Первый Уголовный кодекс советского государства был принят 26 мая, вступил в действие с 1 июля 1922 г. В этом кодексе преступления в сфере экономики были представлены в четвертой главе. Следующая редакция УК РСФСР 1926 г., по общепринятому мнению правоведов, принципиально не отличалась от версии 1922 г. [Мигущенко, 2010. С. 24; Упоров, 2000. С. 35]. В ней «хозяйственным преступлениям» была посвящена отдельная пятая глава, однако многие виды преступлений против государства в экономической сфере были представлены и в других разделах. Например, неуплата налогов и отказ от выполнения государственных повинностей, незаконное производство и продажа алкоголя вошли во вторую главу УК «Преступления против порядка управления», ряд правонарушений описывались в третьей главе «Должностные преступления».

Борьба с «зеленым змием»

Самым массовым экономическим преступлением в 1920-е гг., по которому к суду привлекались в основном крестьяне, было незаконное производство и продажа алкоголя частными лицами. Суровые условия жизни в эпоху войн и революций обусловили резкое возрастание потребления алкогольных напитков, несмотря на первоначальные намерения советского государства сохранить «сухой закон», введенный еще царским правительством с началом Первой мировой войны. В 1919 г. была введена государственная монополия на производство и продажу алкоголя, началось производство слабоалкогольных напитков крепостью не выше 20°, а с декабря 1924 г. – не выше 30°. Однако запрет на крепкие напитки противоречил сложившимся в стране обычаям и привычкам, принятый большевистской партией по идеологическим основаниям (в надежде на скорое перевоспитание народа в русле коммунистической доктрины), он большинством населения успешно игнорировался с помощью производства самогона.

За нелегальное изготовление и продажу алкогольных напитков было предусмотрено уголовное наказание (ст. 140 УК РСФСР 1922 г.). Однако это не остановило массовое производство самогона в Сибири. При этом занимались самогонварением в основном крестьяне, у большинства городского населения таких возможностей не было. Крестьяне же традиционно считали производство домашнего алкоголя своим естественным правом.

К тому же в ст. 140 УК 1922 г. предусматривалось наказание только за изготовление самогона на продажу, следовательно, гнать его для собственного потребления как бы не возбранилось. В подобной же формулировке эта статья перешла и в новую редакцию Уголовного кодекса, принятую в 1926 г.

В 1920-е гг. проблема незаконного производства алкоголя и пьянства населения выросла до масштабов социального бедствия. В первой половине 1920-х гг. самогонование доминировало среди других преступлений в Сибири, составляя от трети и выше всех уголовных дел. Так, в 1923 г. милиция Сибири передала в суд более 30 тыс. дел по ст. 140 УК. В Новониколаевской губернии в 1924 г., по данным Наркомата юстиции РСФСР, дела о незаконном изготовлении алкогольных напитков составили 28% всех преступлений². В том же году были приговорены к различным мерам наказания более 23 тыс. самогонщиков, что составило около 40% всех осужденных судами Сибири³. В 1925 г. органы правопорядка выявили около 39,5 тыс. граждан, занимавшихся самогонованием⁴. Добавим при этом, что реальное соотношение фактических и выявленных самогонщиков можно сравнить с невидимой и надводной частями айсберга.

В борьбе с самогонованием государство не забывало о классовом подходе и идеологических задачах: пропаганда утверждала, что гонят и продают самогон прежде всего кулаки, пытаясь подорвать экономику советского государства, хотя в судебной статистике по делам о самогонокурении были пропорционально представлены все социальные слои крестьянства. Тем не менее в соответствии с принципами классового подхода тяжесть наказания подсудимых зависела от их социального положения. Так, в 1929 г. в Красноярском округе на крестьянина, отнесенного к беднякам, за самогонокурение налагался штраф в 14 руб. 40 коп., середняку предстояло отдать государству 35 руб. 50 коп., а штраф зажиточного крестьянина составлял 50 руб., что сравнимо с месячным заработком рабочего⁵.

---

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 194. Л. 52.

³ Статистический бюллетень Сибирского края. 1926. № 3. С. 12.

⁴ Рапорт рабоче-крестьянской милиции Западно-Сибирского края к 15-й годовщине. Новосибирск, 1932. С. 13.

⁵ ГАКК. Ф. 1205. Оп. 1. Д. 175. Л. 100.

Осознав бесперспективность ограничений на производство крепкого алкоголя, государство решило от них отказаться. В августе 1925 г. при сохранении государственной монополии начинается производство и продажа 40-градусной водки, получившей в народе название «рыковка» в честь тогдашнего главы СНК СССР. Государство таким образом пыталось переключить потребление алкоголя на легальные источники, повернуть денежные потоки в казну, и если не ликвидировать, то хотя бы снизить производство самогона. Однако казенная водка явно проигрывала самогону по цене. Только горожане в некоторой степени перешли на «рыковку», в деревне по-прежнему продолжали производить и пить самодельные напитки.

Отмена ограничений усугубила ситуацию с пьянством населения, во второй половине 1920-х гг. в стране наблюдался значительный рост потребления алкоголя. По данным Центроспирта, ЦСУ и Госплана СССР, к концу 1920-х гг. годовое потребление крепких спиртных напитков составило 110 млн ведер, в том числе – 68 млн ведер самогона⁶. Только по официальным данным, в 1927–1928 гг. в стране потреблялось около 8,8 л спиртных напитков на душу населения в пересчете на водку, по сравнению с началом 1920-х гг. этот показатель вырос более чем вдвое. А ведь в этой статистике не учитывалось потребление самогона. По некоторым оценкам, с 1924 г. по 1928 г. реальное потребление спиртных напитков возросло примерно в восемь раз⁷.

Пытаясь создать правовую основу для ликвидации самой возможности изготовления самогона, 27 декабря 1927 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О мерах усиления борьбы с самогоноварением»⁸. Отныне категорически запрещалось тайное винокурение даже для личного потребления, а 3 февраля 1928 г. были внесены соответствующие изменения в ст. 102 и 103 УК РСФСР в редакции 1926 г.⁹

Понятно, что крестьяне не были готовы в один момент отказаться от многолетней привычки. После ужесточения законодательства правоохранительные органы стали активнее выявлять самогонщиков. Только за четыре месяца 1928 г. в Сибирском крае

⁶ Трезвость и культура. 1929. № 11. С. 3; № 12. С. 6; № 17. С. 12.

⁷ Революция и культура. 1928. № 2. С. 45; 1929. № 13. С. 11.

⁸ СЗ СССР. 1928. № 2. Ст. 14.

⁹ СУ РСФСР. 1928. № 7. Ст. 60.

было привлечено к ответственности по ст. 102 и 103 УК 37528 человек, из них 32858 человек подверглись штрафу на общую сумму около 900 тыс. руб., 4675 – принудительным работам. Для сравнения: за весь 1926 г. сумма штрафов за тайное винокурение составила 284 тыс. руб.¹⁰

Ожесточенная война с самогонокурением начала давать результаты к концу 1920-х гг.: в стране удалось несколько сократить изготовление и потребление нелегальных спиртных напитков. В Сибирском крае, по оценкам статистиков, к концу 1928 г. общее потребление самогона уменьшилось более чем в два раза и продолжало снижаться в 1929 г.¹¹ Некоторые количественные итоги борьбы с самогонокурением во второй половине 1920-х гг. представлены в таблице 1. Данные ее показывают, что к концу 1920-х гг. заметно снизилось число зафиксированных преступлений, связанных с самогоноварением. Но стоит добавить, что окончательно изжить незаконного «зеленого змия» государству так и не удалось на протяжении всего советского периода.

Таблица 1. Показатели борьбы с самогоноварением за 1925–1929 гг. (наказано граждан), чел.

Показатель	1925	1926	1927	1928	1929
Количество осужденных к лишению свободы	17947	18652	18320	9169	5348
Оштрафовано	37236	30689	22732	39502	21246
Привлечено к принудительным работам	2227	1420	1113	6220	5912

Источник. Составлено по: Сибирский край. Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 797; Рапорт рабоче-крестьянской милиции Западно-Сибирского края к 15-й годовщине. Новосибирск, 1932. С. 9, 13, 15.

Использование УК против крестьян в условиях «Великого перелома»

Количество экономических преступлений крестьян против государства резко выросло в процессе радикальной перестройки социально-экономических отношений после отмены нэпа. В значительной мере это объяснялось тем, что советское государство активно использовало правоохранительные и судебные органы

¹⁰ Два года работы Сибирского краевого исполнительного комитета Советов. 1927–1928. Новосибирск. 1929. С. 148.

¹¹ Статистика Сибири. 1930. № 1. С. 145–146.

в политических целях, не стесняясь прибегать к явному манипулированию правовыми нормами, а порой даже корректировало их, меняя формулировки и ужесточая наказание. Ярким примером таких действий является использование ст. 61 и 107 УК РСФСР (1926 г.) для давления на крестьян.

В связи с трудностями в выполнении плана хлебозаготовок партийные органы в 1928 г. инициировали применение ст. 107 УК РСФСР «Спекуляция» к крестьянам, не желавшим продавать хлеб государству по ценам ниже рыночных. Начиная с января 1928 г., суды Сибири стали активно использовать ст. 107 УК РСФСР против крупных хлеботорговцев, а затем все чаще под санкции этой статьи стали подводить крестьян, не занимавшихся куплей-продажей, но имевших запасы хлеба.

Можно заметить, что нежелание крестьян отдавать хлеб государству по низким ценам было вполне объяснимым и даже естественным. Но такая их позиция партийно-советскими органами была отождествлена с поведением спекулянтов на рынке [Иконникова, Угроватов, 1991. С. 70–81].

С точки зрения реального содержания правовой нормы это было явной натяжкой. В ст. 107 УК РСФСР упоминались такие действия спекулянтов, как скупка и невыпуск товара на рынок с целью создания искусственного дефицита, подъема цен и получения высокой прибыли. Крестьяне же не покупали, а сами производили хлеб, поэтому по сути в их действиях не было спекуляции. Но что могли сделать судьи, если применение расширенного толкования ст. 107 УК РСФСР в феврале 1928 г. было одобрено директивой Политбюро ЦК ВКП(б) [Ильиных, 2006. С. 20–26].

В Сибири применение ст. 107 УК РСФСР сопровождалось беззастенчивым диктатом по отношению к судам со стороны партийных органов и вопиющими нарушениями правовых норм. В январе 1928 г. бюро Сибкрайкома ВКП(б), выполняя требования Сталина о привлечении к суду крестьян, придерживающихся хлеба, жестко рекомендовало судебным работникам дела по 107-й статье проводить в ускоренном порядке, рассматривать их на выездных сессиях и показательных процессах без участия обвинения и защиты. Это было зафиксировано в совместном циркуляре краевого суда, краевой прокуратуры и полномочного представительства ОГПУ от 19 января 1928 г. Более того,

народным судам при рассмотрении дел по ст. 107 запрещалось выносить оправдательные приговоры или условное наказание¹².

По существу, на таких процессах судебное разбирательство превращалось в расправу над крестьянами, угодившими на скамью подсудимых. Некоторые крайности циркуляра были устранены после вмешательства старшего помощника прокурора РСФСР Н. В. Крыленко, издавшего 25 февраля 1928 г. специальное распоряжение об отмене неправомερных пунктов. Но в целом все кампании хлебозаготовок в конце 1920-х гг. сопровождались теми или иными нарушениями закона.

Получив опыт расширенного толкования и применения ст. 107 УК РСФСР, государство распространило эту практику на ст. 61 УК РСФСР («Отказ от выполнения повинностей, заданий или производства работ, имеющих общегосударственное значение»), которая в ходе хлебозаготовок подверглась весьма вольному толкованию. Используя достаточно широкую формулировку статьи, суды под давлением партийных органов стали осуждать граждан за любое неподчинение распоряжениям местных властей.

Вольное обращение с законом, использование Уголовного кодекса для достижения политических целей прямо поощрялось центральными органами власти. Так, 27 июня 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР постановили изменить меру пресечения по ст. 61 УК РСФСР. В первоначальной редакции за отказ от выполнения государственных повинностей было предусмотрено наказание в виде двукратного штрафа за невзысканный долг, принудительных работ на шесть месяцев или лишения свободы на срок до одного года. Теперь же штраф мог достигать пятикратного размера повинности, принудительные работы назначались на срок от года и выше, а срок лишения свободы увеличивался до двух лет.

Усиливая наказания за хозяйственные преступления, государство добивалось покорности крестьян и относительной стабилизации политического и экономического положения в стране. Однако ответом сельских жителей на такую политику правительства становилось массовое бегство в города. Другим

---

¹² Новосибирский областной суд. 1923–2003. Летопись Новосибирского областного суда. Новосибирск, 2003. С. 95.

последствием было ослабление экономических стимулов для развития крестьянского хозяйства.

«Новаторское» применение норм уголовного права в колхозной деревне

В ходе первой волны коллективизации (1928–1931 гг.) государство через местные партийные и советские органы получило почти абсолютную власть над сельским населением и практически полностью стало контролировать всю его экономическую деятельность.

Однако форсированное обобществление мелких хозяйств и преобладание жестких административных мер воздействия на крестьян, вопреки ожиданиям большевистских теоретиков, не привели к росту аграрного производства. Напротив, оно оказалось в глубоком кризисе: в 1932 г. площадь посевов пшеницы в Западной и Восточной Сибири по сравнению с 1929 г. уменьшилась на 21,5%, других зерновых – на 18%; количество лошадей в Западной Сибири сократилось на 55%, в Восточной – на 37%, крупного рогатого скота соответственно – на 53 и 51%¹³.

В сложившейся ситуации одним из наиболее жестких способов регулирования хозяйственной деятельности на селе стала угроза уголовного преследования. Под суд могли попасть представители всех слоев деревни: единоличники, рядовые колхозники, специалисты, руководители колхозов. Что именно является экономическим преступлением, определяло государство, зачастую исходя из политических и идеологических оснований.

Наиболее «идеологизированное» понимание экономических преступлений демонстрирует известное постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»¹⁴. Сталин, написавший основную его часть, попытался утвердить в уголовном праве принцип неотвратимости наказания за малейшее посягательство на «священную социалистическую собственность», при этом предлагая явно не соответствующие классическому праву меры наказания: независимо от размера

¹³ Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 3. С. 50.

¹⁴ СЗ СССР. 1932. № 62.

ущерба – расстрел, а при наличии смягчающих обстоятельств – 10 лет лагерей. О несправедливости этого закона историками и правоведами сказано уже достаточно, в том числе и автором статьи [Исаев, Михеев, 2013. С. 167–177], поэтому не будем здесь занимать место описанием практики его применения, наполненной вопиющими нарушениями элементарных норм права и даже здравого смысла.

Формировавшаяся сталинская модель социализма утверждала авторитарную систему отношений, в которой контроль государства над экономическим поведением граждан многократно усиливался. При этом власть существенно расширила само понимание экономического преступления, включая в него различные хозяйственные упущения, а также распространяя действие уголовных норм на все новые сегменты экономической деятельности крестьян. Например, прежде сам крестьянин решал, сколько земли он засеет, какие культуры будет возделывать. В новых условиях сокращение крестьянским хозяйством посевных площадей стало рассматриваться как уклонение от выполнения работ, имеющих общегосударственное значение (ст. 61 УК).

Весной 1931 г. многие единоличные крестьяне в Сибири, напуганные угрозой попасть под раскулачивание, резко сократили площади посевов. Власть, понимая, что это грозит недобором зерна, предприняла экстренные меры давления. Так, в Павловском районе Омского округа по ст. 61 УК РСФСР были проведены показательные судебные процессы и осуждены 49 крестьян, сокративших посевы, в Чулымском районе Новосибирского округа – девять крестьян. Угроза наказания подействовала. Если до проведения судебных процессов было посеяно только 8% от запланированных площадей, то после них в течение трех дней доля засеянных площадей выросла до 48%¹⁵.

В 1931 г. в Западной Сибири количество осужденных крестьян по статье 61 УК РСФСР составило 19 920, а доля таких уголовных дел в общей массе преступлений, совершенных в Западно-Сибирском крае, достигла 23,4%¹⁶. Все это показывает, что использование уголовного преследования для корректировки экономической деятельности крестьянства приобрело очень широкие масштабы.

---

¹⁵ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 253. Л. 359–360.

¹⁶ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 47. Л. 30.

В годы второй пятилетки продолжалась практика давления на немногих оставшихся крестьян-единоличников с помощью 61-й статьи УК. Газета «Советская Сибирь» в номере от 14 мая 1935 г. под заголовком «Злостные срывщики государственных заданий» сообщала, что единоличник Подъячий не выполнил государственное задание, по которому ему полагалось посеять 1,5 га зерновых. Суд приговорил его к одному году исправительно-трудовых работ¹⁷.

Новое положение крестьян в колхозах, изменившееся в худшую сторону их отношение к труду и коллективной собственности привели к появлению видов преступлений, невозможных в прежней (доколхозной) деревне. Например, раньше было немыслимо уголовное преследование крестьян за плохой уход за лошадью, однако отношение крестьян к собственной и колхозной скотине изменилось, что нашло отражение в законодательстве. В декабре 1930 г. ЦИК и СНК СССР принимают постановление «О запрещении убоя лошадей и об ответственности за незаконный убой и хищническую эксплуатацию лошадей»¹⁸. Позднее, в 1932 г., принимается еще одно решение правительства СССР в развитие данного постановления¹⁹. В Сибири количество осужденных за подобные преступления колхозников в годы первой пятилетки исчислялось тысячами²⁰. Наказание за плохое отношение к лошадям продолжало применяться и в годы второй пятилетки. Приведем в качестве примера уголовное дело, рассмотренное в мае 1936 г. против колхозника Копылова. Следствие установило, что Копылов плохо ухаживал за лошадьми и «варварски загубил колхозного коня». Суд вынес приговор о назначении наказания в виде года исправительных работ с возмещением колхозу 600 руб. за погубленную лошадь²¹.

Сложившаяся привычка партийно-государственного аппарата к применению репрессий в отношении крестьян продолжала определять понимание того, что считать экономическим преступлением и после утверждения колхозного строя. Люди могли

¹⁷ Советская Сибирь. 1935. 14 мая.

¹⁸ Постановление ЦИК и СНК СССР от 07.12.1930 г. // СЗ СССР. 1931. № 71.

¹⁹ О разрешении ВЦИК установить за незаконный убой и умышленное изувечение лошадей меры социальной защиты, соответствующие законодательству РСФСР: постановление ЦИК и СНК СССР от 07.03.1932 г. // СЗ СССР. 1932. № 19.

²⁰ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 7. Д. 83. Л. 118.

²¹ Советская Сибирь. 1936. 29 мая.

попасть под суд по усмотрению начальства за якобы преступное отношение к работе, под которым могли пониматься самые разные хозяйственные упущения. Использование уголовного права в политических целях обусловило вовлечение правоохранительных и судебных органов в проведение посевных, уборочных и иных сельскохозяйственных работ. Такая кампанейщина показывает, что вместо закона правовая машина была вынуждена руководствоваться указаниями партийных органов.

Применение уголовного преследования как инструмента контроля хозяйственной деятельности крестьян постепенно стало постоянной практикой. В ходе посевной 1932 г., по данным на 20 мая, в Западно-Сибирском крае за разного рода хозяйственные нарушения было осуждено 7280 человек²². В 1933 г. в ходе проведения сельскохозяйственных кампаний народными судами Западно-Сибирского края было осуждено 18986 человек, в 1934 г. – 11820, в 1935 г. – 6543, в 1936 г. (за 9 месяцев) – 3114 человек²³.

Использование уголовного права как средства решения хозяйственных проблем стало настолько привычным, что в случае каких-либо затруднений с выполнением текущих задач партийные органы просто давали правоохранителям задание развернуть кампанию против виновных. Тем оставалось лишь подыскать необходимое обоснование и статью Уголовного кодекса.

Так, в конце 1934-го – начале 1935 г. в Западно-Сибирском крае наблюдалось отставание от графика вывоза на заготовительные пункты собранного крестьянами хлеба. По уже отработанному алгоритму к ликвидации прорыва решили подключить судебные органы. На места была направлена совместная директива краевого суда и прокуратуры, подписанная заместителем председателя краевого суда И. Г. Вежаном и краевым прокурором И. И. Барковым. В ней предписывалось: «В случаях установления со стороны должностных лиц колхозов и единоличников злостного уклонения от исполнения письменных договоров по вывозке на пристанционные пункты Заготзерна зерна... привлекайте виновных к уголовной ответственности: единоличников по статье 131, должностных лиц колхозов по 111 статье Уголовного

---

²² ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 162. Л. 74.

²³ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 192. Л. 190.

кодекса²⁴. Привлечение председателей колхозов и сельсоветов – только с нашей санкции, единоличников – под вашу личную ответственность»²⁵. Обе статьи предполагали лишение свободы: по 131-й ст. – от шести месяцев и выше с конфискацией всего или части имущества; по 111-й ст. – до трех лет.

В годы второй пятилетки продолжалось также активное использование ст. 61 УК РСФСР против крестьян и колхозников, не выполнивших какое-либо госзадание. Хотя масштаб ее применения по сравнению с периодом начала коллективизации существенно сократился (табл. 2).

Таблица 2. Количество осуждённых судами Западно-Сибирского края за невыполнение гос. обязательств в 1931–1936 гг.

Год	Кол-во осужденных по ст. 61 УК РСФСР, чел.	% к кол-ву осужденных за все преступления
1931	19920	23,4
1932	5588	6,1
1933	7449	8,1
1934	7748	8,7
1935	4283	9,4
1936	2165	6,1

Источник. Составлено по: ГАНУ. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 47. Л. 30.

Под влиянием классового подхода наказание могло существенно различаться в зависимости от социального слоя, к которому отнесли человека местные власти. Так, в 1933 г., по данным народных судов нескольких районов Западно-Сибирского края, из 719 осужденных за хозяйственные преступления «кулаков» различные сроки лишения свободы получили 85%, из 458 середняков – 61%, из 264 бедняков – 45%, а из 397 колхозников к лишению свободы было приговорено только 28%, остальные были осуждены к исправительно-трудовым работам по месту проживания²⁶.

Наряду с рядовыми колхозниками и единоличниками к ответственности за экономические преступления часто привлекали низовых советских и хозяйственных работников села. В случае

²⁴ Ст. 131. Неисполнение обязательств по договору, заключенному с государственным или общественным учреждением...Ст.111. Бездействие власти, т.е. невыполнение должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнить ...

²⁵ Советская Сибирь. 1935. 5 января.

²⁶ ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 141.

хозяйственных провалов руководящие партийные органы склонны были возложить ответственность на местные кадры, упрекая их в саботировании решений партии, недостаточном рвении или просто в бездействии и нерадивости. Против них возбуждались уголовные дела по ст. 109, 111 УК РСФСР («Халатность, злоупотребление служебным положением и пр.»).

В рамках каждой сельскохозяйственной кампании – сев, прополка, уборка – организовывались показательные судебные процессы против председателей колхозов, счетоводов, бригадиров и других низовых функционеров, допустивших невыполнение планов сдачи хлеба государству, несвоевременную уборку урожая или другие недостатки в работе. Особенно масштабными были судебные репрессии против колхозников в 1933 г. При этом среди управленческих кадров – бригадиров, счетоводов, завхозов, председателей колхозов – число осужденных росло в опережающей степени²⁷.

Осенью 1934 г. Западно-Сибирский крайком ВКП(б) принял ряд постановлений, намечавших суровые меры наказания (вплоть до расстрела) должностным лицам, не обеспечившим выполнение плана хлебопоставок государству. Так, постановление крайкома от 9 октября 1934 г. намечало организовать показательные суды над руководящими работниками, а два-три колхоза просто ликвидировать за «саботаж» [Гущин, 1996. С. 126]. За уборочную кампанию 1936 г. за различные упущения в работе были осуждены 144 председателя колхозов, 195 бригадиров [Там же].

В этой ситуации председатели колхозов и другие руководители становились заложниками правительственной политики выкачивания ресурсов из деревни. Если они пытались отстаивать интересы своих односельчан, не проявляли решительности в борьбе за хлеб для государства, им грозил лагерь или расстрел.

В целом, использование уголовного права для управления экономической деятельностью крестьян стало привычным элементом общественно-политической жизни советской деревни. Однако оно вряд ли могло принципиально изменить сложившееся у крестьян «прохладное» отношение к труду в коллективизированном секторе, стремление опираться на собственное личное хозяйство. Снижение роли экономических стимулов,

---

²⁷ ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 192. Л. 193.

преобладание административных и репрессивных мер контроля и управления породили феномен «раскрестьянивания» сельского населения и привели к торможению развития сельскохозяйственного производства.

К концу второй пятилетки, несмотря на увеличение показателей по некоторым видам сельхозпродукции, поставленная руководством страны задача удвоения объемов производства не была выполнена. Более того, по многим параметрам не удалось достичь даже бывшего до коллективизации уровня. Так, к концу 1937 г. количество лошадей и крупного рогатого скота в Сибири оставалось на треть меньшим, чем в 1928 г.; хотя площадь посевных возросла на треть по сравнению с 1928 г., однако урожайность постоянно снижалась, зерновая проблема не была решена, резко возросли потери при уборке урожая²⁸.

Заключение

Советское уголовное законодательство, опираясь на идеи В.И. Ленина, отказалось от понимания преступления с точки зрения классического права на основе принципов законности, виновности, соразмерности наказания. Теперь наказание понималось как мера социальной защиты, что открывало простор для произвольного определения его необходимости и размеров [Бондырев, Варганов, 2021. С. 111].

Советская модель социализма породила совершенно новую систему отношений государства и гражданина, а также существенно расширила понимание экономического преступления. Наряду с правовыми нормами в определении экономических преступлений, оценке их тяжести и меры наказания существенную роль стали играть политико-идеологические критерии. В связи с этим изменилось и само понимание экономических преступлений: многие хозяйственные действия граждан, которые прежде не считались криминальными, государство стало рассматривать как нарушения закона.

Руководствуясь идеологическими ориентирами большевистской партии, советское государство в широких масштабах применяло уголовное право в процессе перестройки

---

²⁸ Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 3. С. 50–51.

производственных и социальных отношений в деревне. В течение первых десятилетий советской власти Уголовный кодекс стал играть роль важного фактора социально-правового регулирования хозяйственной и повседневной жизни крестьян. Однако эффект такой практики оказался кратковременным и не обеспечивал реального роста сельскохозяйственного производства. Все это доказывает, что широкое применение мер уголовного преследования крестьян за так называемые экономические преступления было лишь тщетной попыткой партийно-государственной номенклатуры обеспечить стимулирование труда в рамках командно-административной системы.

Литература

Бондырев, В.Е., Варганов В.В. Государственная политика СССР в уголовно-правовой области в условиях переходного периода (1920–1930 гг.) Курск: ЮЗГУ, 2021. 190 с.

Гущин Н.Я. Раскулачивание в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск: ЭКОР, 1996. 160 с.

Иконникова И.П., Узрватов А.П. Сталинская репетиция наступления на крестьянство // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 70–81.

Ильиных В.А. Урало-сибирский метод хлебозаготовок: поиски оптимального варианта // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2. С. 20–26.

Исаев В.И., Михеев Д.Ю. Как при Сталине охраняли «священную социалистическую собственность» // ЭКО. 2013. № 5. С. 167–177.

Мигущенко О.Н. Карательная (уголовная) политика советского государства в 20–30-е годы XX в. // История государства и права. 2010. № 19. С. 23–26.

Упоров И. Развитие уголовного наказания в первые годы советской власти // Уголовное право. 2000. № 4. С. 30–36.

Статья поступила 13.05.2022

Статья принята к публикации 30.06.2022

Для цитирования: *Исаев В.И.* Уголовный кодекс как инструмент регулирования хозяйственной деятельности крестьян Сибири (1920-е – 1930-е гг.) // ЭКО. 2023. № 1. С. 61–77. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-61-77

Summary

Isaev, V.I., Doct. Sci. (History), Institute of History, SB RAS, Novosibirsk

The Criminal Code as a Tool for Regulating the Economic Activities of the Peasants of Siberia (1920s – 1930s)

Abstract. The paper explores the problem of the use of criminal law by the Soviet state to control the economic behavior of the peasants based on the materials

from Siberia. Specific examples of the application of individual articles of the criminal code against the peasants to solve political and economic problems are shown. It is concluded that in the political-economic system created by the Bolshevik party the use of the criminal code was largely determined not by legal but by political and ideological criteria.

Keywords: *Soviet state; peasantry; criminal code; economic crimes*

References

Bondyrev, V.E., Varganov, V.V. (2021). *State policy of the USSR in the criminal law field in the conditions of the transitional period (1920–1930)*. Kursk. YuZGU, 190 p. (In Russ.).

Gushchin, N.Ya. (1996). *Dekulakization in Siberia (1928–1934): methods, stages, socio-economic and demographic consequences*. Novosibirsk. EKOR Publ. 160 p. (In Russ.).

Ikonnikova, I.P., Ugrovatov, A.P. (1991). Stalin's rehearsal of the attack on the peasantry. *Voprosi istorii CPSS*. No. 1. Pp. 70–81. (In Russ.).

Ilinykh, V.A. (2006). Ural-Siberian method of grain procurement: the search for the optimal option. *Gumanitarnie nauki v Sibiri*. No. 2. Pp. 20–26. (In Russ.).

Isaev, V.I., Mikheev, D. Yu. (2013). How under Stalin they guarded “sacred socialist property.” *ECO*. No. 5. Pp. 167–177. (In Russ.).

Migushchenko, O.N. (2010). Punitive (criminal) policy of the Soviet state in the 20–30s of the twentieth century. *Istorija gosudarstva i prava*. No. 19. Pp. 23–26. (In Russ.).

Uporov, I. (2000). The development of criminal punishment in the first years of Soviet power. *Ugolovnoe pravo*. No. 4. Pp. 30–36. (In Russ.).

For citation: Isaev, V.I. (2023). The Criminal Code as a Tool for Regulating the Economic Activities of the Peasants of Siberia (1920s–1930s). *ECO*. No. 1. Pp. 61–77. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-61-77

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-78-98

Инвестиции для устойчивого и инклюзивного развития регионов Азиатской России: проблемы и перспективы¹

Н.А. КРАВЧЕНКО, доктор экономических наук

E-mail: natakravchenko20@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6613-7582

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН;

Новосибирский государственный университет

С.Д. АГЕЕВА, кандидат экономических наук

E-mail: swtageeva@gmail.com; ORCID: 0000 0003-2691-5498

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

А.И. ИВАНОВА

E-mail: anastasiya27111994@mail.ru

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН;

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Аннотация. В статье проведен анализ возможностей инклюзивного роста регионов Азиатской России в условиях сохранения или обострения прежних проблем и наметившегося инвестиционного спада; обосновано усиление потребности в переходе к такому типу развития; показано влияние региональных инвестиций на различия в показателях, отражающих уровень инклюзии. Это позволило зафиксировать сложившиеся в последние годы тренды, отражающие изменения в структуре, направлениях и участниках инвестиционных процессов. Показано сохранение асимметрии как между центральной и азиатской частями России в целом, так и между территориями внутри макрорегиона Азиатская Россия. Названы регионы, обладающие возможностью дать инвестиционный импульс в условиях роста внешних ограничений. Обоснованы выводы о переходе к внутренним источникам инвестиций и изменении их структуры. Предложены направления стимулирования и поддержки инвестиционного предложения со стороны населения и региональных бюджетов. Продемонстрированы перспективы роста использования механизмов государственно-частного партнерства для активизации инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: инвестиции; структурная трансформация экономики;

Азиатская Россия; инклюзия; финансовый рынок; государственно-частное партнерство

---

¹ Статья подготовлена по результатам исследования, проводимого при финансовой поддержке РФ в лице Минобразования России в рамках научного проекта «Социально-экономическое развитие Азиатской России на основе синергии транспортной доступности, системных знаний о природно-ресурсном потенциале, расширяющегося пространства межрегиональных взаимодействий». Соглашение № 075-15-2020-804 от 02.10.2020 г. (грант № 13.1902.21.0016).

Инвестиции и инклюзивное развитие

Идеи инклюзивного развития получают все большее распространение среди исследователей экономического роста, а также среди лиц, принимающих решения в области политики развития. В настоящее время нет единой интерпретации понятия «инклюзивное развитие». Его сложность и многосторонность предполагают множество различных трактовок в зависимости от целей исследований² и позиций авторов.

Собственно, инклюзия применительно к экономике предполагает включение в экономическую жизнь людей, предприятия и регионы, которые не имеют возможностей (или их возможности ограничены) участвовать в производстве и распределении экономических и социальных благ [Gupta et al., 2015]. Исходя из этого, инклюзивный рост можно определить как процесс, в ходе которого создаются новые экономические возможности и обеспечивается равный доступ к ним для всех субъектов, включая менее удачливых и маргинализированных [Che Sulaiman et al., 2021]. Такой тип роста, охватывающий все секторы экономики, снижает бедность и неравенство и в целом обеспечивает более широкое участие в его результатах (инклюзивность).

В определенной степени идеи инклюзивного развития корректируют неolibеральный подход к экономическому росту в условиях свободной экономики, который сопровождается увеличением неравенства [Piketty, Saez, 2003], истощением природных ресурсов, ухудшением экологии и другими негативными последствиями, и постулируют необходимость государственного вмешательства для того, чтобы рост экономики сопровождался процветанием или повышением качества жизни всех членов общества.

Направленность на инклюзивный рост поддерживается «ответственными инвестициями», которые сочетают создание финансовой и нефинансовой пользы, учитывают социальные,

---

² Отметим, что инклюзивное развитие часто упоминается вместе с устойчивым. Это довольно близкие концепции роста, единого определения нет. Они используются как синонимичные понятия, хотя в некоторых работах под устойчивым подразумевают более широкое, даже зонтичное понятие, включающее инклюзивное развитие.

экологические и экономические риски³. В основе ответственного инвестирования⁴ – явное признание важности экологических, социальных и управленческих факторов, а также долгосрочного здоровья и стабильности рынка в целом. Качественные финансовые, медицинские и образовательные услуги – «столпы» инклюзивности; но и другие жизненно важные сферы должны быть доступными независимо от дохода, пола, этнической принадлежности или местонахождения. Реализация такого подхода сопровождается переориентацией ресурсов и в первую очередь – инвестиций в пользу этих сфер.

К сожалению, ситуация в регионах России не вполне соответствует представлению об инклюзивном развитии: темпы экономического роста низкие, экологическая нагрузка высока, неравенство растет. По оценкам конференции ООН по торговле и развитию (UNCTAD) по уровню инклюзивности развития РФ занимает 38-е место в мире, уступая Белоруссии и Казахстану⁵. Оценки уровня инклюзивного развития в регионах России представлены немногочисленными исследованиями [Rytova et al., 2021; Михеева, 2020; Баринова, Земцов, 2019; Sharafutdinov et al., 2018; Sevastyanova et al., 2018]. При различиях методик, временных периодов и выборок они показывают высокую дифференциацию регионов по характеристикам инклюзивного развития. При этом территории Сибири и Дальнего Востока⁶ в массе своей находятся в числе аутсайдеров, а богатые сырьевые регионы демонстрируют более высокую инклюзивность (лидируют Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО). Однако вопрос о том, как может быть реализована концепция инклюзивного развития, в литературе практически не затрагивается.

В данной работе отражен поиск ответов на следующие вопросы применительно к регионам Азиатской России (АР): есть ли у них потребность в инклюзивном развитии? Каковы направления

---

³ What is responsible investments? Cambridge Institute for Sustainability Leadership. URL: <https://www.cisl.cam.ac.uk/business-action/sustainable-finance/investment-leaders-group/what-is-responsible-investment> (дата обращения: 28.09.2022).

⁴ Принципы ответственного инвестирования основаны на включении повестки ESG в инвестиционный анализ и принятие инвестиционных решений.

⁵ Inclusive growth of the Eurasian Economic Union Member States: assessments and opportunities (2019). EEC, UNCTAD, 2019. 69 p.

⁶ Мы рассматриваем все регионы, расположенные за Уралом, то есть включаем Тюменскую область и ее автономные округа, а также регионы, входящие в состав Сибирского и Дальневосточного федеральных округов

и источники инвестиций в настоящее время? Существуют ли возможности увеличить инвестиции в инклюзивное развитие?

Значимость инклюзивного развития для регионов Азиатской России

Валовой региональный продукт, потребление товаров и услуг и другие экономические характеристики лишь в малой степени формируют представление о привлекательности того или иного региона для долгосрочных инвестиций, не связанных с добычей природных ресурсов. Наличие социальных, экономических и экологических проблем определяет значимость инвестиций, направленных на преодоление или снижение их напряженности. Ключевые характеристики инклюзивного развития регионов АР отражены в таблице 1.

Эффективность экономической деятельности АР отличается высокой поляризацией – ВРП на душу населения в Ямало-Ненецком АО в 20 раз выше, чем в Республике Тыва, более половины регионов отстают от среднего значения по России, при этом богатство регионов определяется прежде всего добычей природных ресурсов, которые экспортируются на мировой рынок. Зависимость от мировой конъюнктуры и геополитической обстановки является угрозой для устойчивости такой модели роста.

Качество жизни, условия труда, развитость системы здравоохранения отражены в показателе ожидаемой продолжительности здоровой жизни. В большинстве регионов АР (за исключением Ханты-Мансийского АО, Республики Саха-Якутия и Иркутской области) он ниже среднероссийского уровня.

Число людей, живущих за чертой бедности, говорит о социальном расслоении населения и является характеристикой экономической и социальной инклюзии. Только в шести регионах уровень бедности ниже, чем средний в России, а в небольших республиках каждый пятый человек живет за чертой бедности. Республика Тыва имеет наихудший показатель в стране.

Молодые люди, находящиеся вне сферы экономической активности и образования, не имеющие возможностей для своего развития, усиливают риски снижения качества человеческого капитала и потенциал инклюзивного роста. Бедность населения и низкий уровень вовлеченности молодежи в экономическую деятельность ограничивают текущие и будущие возможности экономического развития.

Таблица 1. Характеристики инклюзивности развития регионов Азиатской России в 2020, 2021 гг.

Регион	ВРП на душу, % от РФ в целом (2020)	Ожидаемая продолжительность здоровой жизни, лет (2020)	Доля населения, живущего за национальной чертой бедности, за год, предшествующий предыдущему, % (2020)	Доля молодежи (от 15 до 24 лет), которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков (2021)
ЯНАО	791,9	57,1	5,0	7,7
Чукотский АО	375,4	37,0	8,0	9,5
Сахалинская область	321,5	55,3	7,8	9,8
Магаданская область	317,7	52,8	8,7	7,3
ХМАО – Югра	311,4	62,4	8,4	6,7
Республика Саха (Якутия)	182,4	60,6	17,4	12,1
Красноярский край	148,6	55,9	17,0	10,7
Камчатский край	147,2	56,9	14,9	10,7
Тюменская область (без АО)	118,2	56,6	14,0	10,4
Хабаровский край	102,8	55,3	12,0	10,4
Российская Федерация	100,0	58,9	12,1	10,2
Иркутская область	98,6	59,7	17,6	13,9
Приморский край	91,0	56,8	13,0	10,9
Амурская область	89,2	55,5	15,2	9,9
Томская область	80,9	58,1	14,4	7,6
Республика Хакасия	78,1	55,8	18,5	8,9
Новосибирская область	75,9	56,4	13,8	12,5
Забайкальский край	62,9	54,9	21,0	14,5
Еврейская АО	62,5	48,3	23,7	17,1
Омская область	62,2	58,8	13,6	9,2
Кемеровская область	61,3	57,4	13,2	11,3
Республика Бурятия	48,0	60,2	20,0	15,7
Алтайский край	45,5	54,5	17,5	11,7
Республика Алтай	44,3	51,0	23,8	16,8
Республика Тыва	39,3	50,5	34,1	15,7

Источник. Составлено на основе: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2021. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm

Цели устойчивого развития в Российской Федерации. 2021. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/report/document/69771>

Таким образом, по уровню инклюзивности территории Азиатской России отстают от таковых в европейской части,

за исключением самых богатых ресурсных регионов – ХМАО, ЯНАО, Чукотской, Магаданской и Сахалинской областей, где высокий уровень доходов сопровождается низкими показателями бедности и высокой инклюзией молодежи. Ближе всех к среднероссийскому уровню по всем показателям – Хабаровский край, в остальных регионах уровень бедности и не включенной в экономическую и социальную жизнь молодежи выше, чем в среднем по России.

Можно выделить несколько групп регионов по уровню инклюзивности: наиболее благополучные, у которых экономическое процветание сопровождается хорошим качеством жизни, низким уровнем бедности и высокой вовлеченностью молодежи в производительную деятельность. Это ХМАО, ЯНАО, Сахалинская и Магаданская области, благополучие которых опирается на добычу природных богатств, но подкрепляется диверсификацией экономической деятельности.

Наименее благополучны регионы с низким уровнем доходов и угрожающим уровнем бедности и неустроенности молодежи, такие как Забайкальский край, Еврейская АО, республики Бурятия, Алтай и Тыва.

Срединная часть включает регионы с разнообразными комбинациями благополучия и показателей инклюзии: в богатых Якутии и Красноярском крае высоко социальное расслоение, в менее богатых Томской, Омской, Амурской областях и Хакасии при значительной доле населения, живущего за чертой бедности, вовлеченность молодежи в экономическую жизнь выше средней. В целом более диверсифицированная экономика расширяет возможности для активности молодежи.

Направления инвестиций: каковы возможности для инклюзивного роста регионов Азиатской России?

С 2000 г. по 2021 г. величина *вклада регионов Азиатской России* в общероссийский объем инвестиций в основной капитал немного сократилась (с 30,2% до 28,7%), но внутри макрорегиона вклады отдельных участников группировок изменились существенно: доля Тюменской области сократилась, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов – увеличилась.

В 2021 г. инвестиции в основной капитал на территории АР составили 6595 млрд руб., из которых свыше половины были реализованы в трех регионах: Тюменской области (34%), Красноярском крае (9%), Иркутской области (8%), за ними следуют Республика Саха–Якутия и Амурская область (по 6%), Кузбасс (5%) и Новосибирская область (4,5%). На эти семь регионов приходится более 70% инвестиций. Именно они могут стать полюсами роста.

В Тюменской области не только строятся крупнейшие нефтегазовые и инфраструктурные объекты, но и созданы благоприятные условия для бизнеса. В 2021 г. она заняла третье место в Национальном рейтинге состояния инвестиционного климата. В СФО наибольшая часть инвестиций осуществляется в крупнейших регионах с диверсифицированной экономикой. Так, в Красноярском крае проект «Енисейская Сибирь» привел к старту крупных проектов в нефте-, угледобыче и добыче металлических руд. В Иркутской области крупнейшие проекты включают строительство газохимического комплекса в Усть-Куте, алюминиевых заводов в Тайшетском районе, создание ГОК на базе золоторудных месторождений. В ДФО в 2021 г. лидером по объему инвестиций была Якутия, что связано с началом освоения Чаяндинского нефтегазоконденсатного месторождения. В Амурской области основной объем капиталовложений связан со строительством газоперерабатывающего завода (ПАО «Газпром») и газохимического комплекса (ПАО «Сибур Холдинг»), а также с развитием транспортной инфраструктуры.

И в структуре валовой добавленной стоимости, и в структуре инвестиций в основной капитал в АР доминирует добыча полезных ископаемых. Ее доля значительно превышает общероссийский уровень (табл. 2). Масштаб инвестиций в добывающую промышленность обеспечивает опережающий рост добывающего сектора и в будущем. Обрабатывающая промышленность развивается главным образом в СФО. Хотя в ДФО ее валовая добавленная стоимость невелика, но значительные инвестиции в Амурской области позволяют ожидать увеличения вклада обрабатывающих производств [Тулохонов, 2020].

Третий по величине инвестиций сектор транспортировки и хранения тем больше, чем дальше регион от европейской части. Хотя по доле инвестиций здесь лидирует ДФО, по абсолютным

величинам впереди Тюменская область – 156,5 млрд руб., лидер в СФО – Красноярский край (66,5 млрд руб.), в ДФО – Хабаровский (112,5 млрд руб.). Хабаровский край – крупный логистический центр, на сектор транспортировки и хранения здесь приходится 20% ВРП и примерно 50% инвестиций. Отметим, что инвестиции такого рода (развитие автомобильных дорог, железнодорожных путей, портов, аэродромов) обеспечивают мобильность пассажиров и грузов и повышают связанность территории, что является необходимым условием инклюзивного развития.

Таблица 2. Виды деятельности с наибольшей величиной инвестиций регионов АР в 2019, 2020 гг., % от общей величины инвестиций в основной капитал

Регион	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Транспортировка и хранение
Структура валовой добавленной стоимости, % к итогу, 2019 г.			
Российская Федерация	13,5	16,8	7,3
Тюменская область	64,5	4,6	5,1
СФО	17,7	21,1	7,9
ДФО	28,7	4,8	10,6
Структура инвестиций в основной капитал, % от общего объема инвестиций, 2020 г.			
Российская Федерация	19,3	17,1	16,7
Тюменская область	73,8	6,2	7,1
СФО	25,7	24,0	14,9
ДФО	21,7	21,5	25,5

Источник: Инвестиции в России. 2021; Стат.сб./ Росстат. М., 2021. 273 с.

Устойчивый и инклюзивный рост зависит от многих факторов, среди которых мы выделяем качество образования и здравоохранения, формирующих человеческий капитал; финансовый сектор, обеспечивающий доступность финансовых услуг; инновационный потенциал и информационно-коммуникационные технологии, так как именно их развитие способно обеспечить экономическую, финансовую и социальную инклюзию. В таблице 3 представлены виды деятельности, формирующие благоприятную среду для инклюзивного и устойчивого роста, где их вклад в добавленную стоимость отражает текущую ситуацию, а инвестиции формируют будущие возможности.

Пока вклад таких отраслей в экономику Азиатской России и инвестиции меньше, чем в среднем по стране, и, следовательно, здесь меньше возможности инклюзивного и устойчивого

роста. Исключение – СФО, где доля вложений в образование и здравоохранение немного больше, чем в среднем по России, преимущественно за счет крупнейших регионов: Новосибирской, Кемеровской, Иркутской областей и Красноярского края. Хотя по доле в структуре инвестиций Тюменская область отстает и от среднероссийского уровня, и от Сибирского и Дальневосточного округов, однако по объему инвестиций значительно превосходит: в экономику и образование, здравоохранение, в 2020 г. в Тюменской области вложения в эти отрасли составили 107,1 млрд руб., в то время как лидеры СФО и ДВО в этом направлении – Новосибирская область и Хабаровский край смогли привлечь соответственно 51,3 млрд руб. и 29,9 млрд руб.

Таблица 3. Виды деятельности, способствующие инклюзивному и устойчивому росту в 2019, 2020 гг., %

Регион	Информация и связь	Финансовая и страховая деятельность	Деятельность профессиональная, научная и техническая	Образование	Здравоохранение и социальные услуги	Культура и спорт	Сумма
Структура валовой добавленной стоимости, 2019 г.							
РФ	3	0,5	4,3	3	4	1	15,8
Тюменская обл.	0,6	0,1	2,1	1,3	1,7	0,3	6,1
СФО	1,9	0,2	2,7	3,5	4,4	0,7	13,4
ДФО	1,4	0,1	1,9	3,7	4,7	1	12,8
Структура инвестиций в основной капитал, 2020 г.							
РФ	5	2,8	4,4	2,9	3,2	1,4	19,7
Тюменская обл.	0,4	0,1	2,2	1	0,9	0,3	4,9
СФО	3,8	0,5	3	3,2	3,3	1,8	15,6
ДФО	3,4	0,5	2,4	2	2,6	1	11,9

Источник. Составлено авторами. Инвестиции в России. 2021; Стат.сб./ Росстат. М., 2021. 273 с.

Высокотехнологичный сектор экономики обеспечивает территории высококвалифицированными рабочими местами, создает сложные товары, повышает конкурентоспособность, а в текущей геополитической обстановке жизненно необходим для движения по направлению к технологическому суверенитету. В части его развития АР в целом сильно отстает от европейских регионов: если в структуре ВВП России (2020 г.) доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей составляла 24,5%,

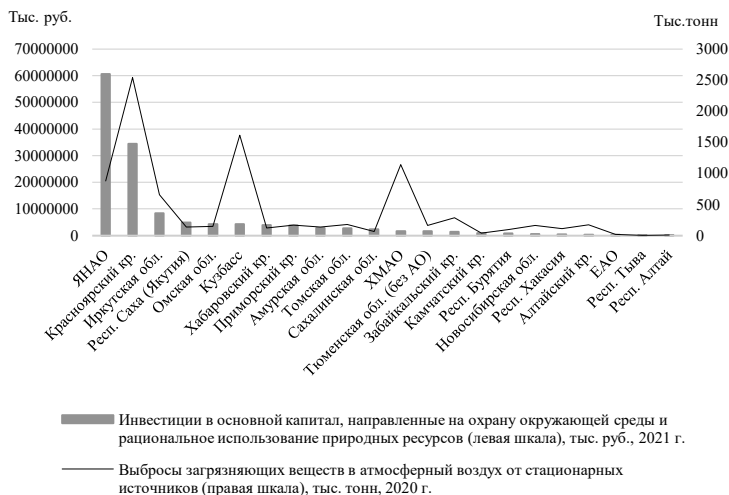
то в ВРП Тюменской области – 8,8%, в СФО – 17,8%, в ДФО – 14,8%. Доля инновационной продукции в общем объеме выпуска в том же году в России была равна 5,7%, в Тюменской области – 2,8%, в СФО – 3,7%, в ДФО – 3,1%. Конечно, есть и приятные исключения, так, в Хабаровском крае инновационной продукции было 18%, в Омской области – 12,6%, в Тюменской (без АО) – 13%, но в целом картина не радует.

Низкий уровень инвестиций в информационные технологии, в научную и техническую деятельность поддерживает отставание Сибири и Дальнего Востока от европейской части страны и увеличивает региональную асимметрию. Затраты на исследования и разработки, формирующие научный и инновационный потенциал территории, только в трех регионах (Томская, Новосибирская и Тюменская области) превышают скромный среднероссийский уровень. Без значительного роста инвестиций в науку и технологии маловероятно движение к технологическому суверенитету.

Проблемы экологии, не только влияющие на качество жизни в настоящее время, но и определяющие благополучие будущих поколений, имеют особое значение для добывающих регионов Азиатской России. На рисунке представлены объемы выбросов загрязняющих веществ из стационарных источников, а также объемы инвестиций в основной капитал, направленных на повышение качества окружающей среды.

По величине выбросов в 2020 г. лидируют Красноярский край (2540 тыс. т), Кемеровская область (1612 тыс. т), ХМАО (1142 тыс. т) и ЯНАО (878 тыс. т), а по величине инвестиций в 2021 г. – ЯНАО и Красноярский край с большим отрывом от остальных регионов.

Так как более 80% инвестиций в сохранение окружающей среды осуществляет корпоративный сектор, величину инвестиций по отношению к выбросам можно рассматривать как индикатор приверженности крупнейших корпораций ESG-повестке. По нашим расчетам, в ЯНАО, где действуют предприятия «Газпрома» и «Новатэка», инвестиции в экологию составляют почти 70 тыс. руб. на тонну выбросов, за ним следуют Сахалинская область (36 тыс. руб.) и Республика Саха–Якутия (35 тыс. руб.). Красноярский край («Норильский никель» и «Роснефть») и Кемеровская область («Евраз», «Кузбассразрезуголь», «СУЭК») намного скромнее: 13 тыс. руб. и 2,6 тыс. руб. на тонну выбросов.

Инвестиции в природоохранную деятельность и объемы выбросов атмосферного воздуха в 2020, 2021 гг.

Источник. Росстат. 2021. Основные показатели охраны окружающей среды. М.; Финэкспертиза. 2022. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2022/raskhod-na-ekolog/>

В целом, в настоящее время направления *инвестиций в регионах AP не показывают тренда инклюзивного развития*. Рассмотрим предложение инвестиций и их источники в условиях структурной трансформации экономики.

Источники финансирования инвестиций в основной капитал

В структуре источников финансирования инвестиций общей тенденцией становится увеличение доли собственных средств компаний и снижение доли привлеченных ресурсов. Среди привлеченных средств доля государственных бюджетов снижалась до 2020 г. и увеличилась в период пандемии; доля внебюджетных источников остается примерно одинаковой на уровне федеральных округов (табл. 4), но значительно дифференцирована между отдельными регионами.

Таблица 4. Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования регионов АР, 2021 г.

Источник финансирования	РФ	Тюменская область	СФО	ДФО
Собственные средства	56,5	65,1	66,4	43,3
Привлеченные средства	43,5	34,9	33,6	56,7
В том числе: средства бюджетов всего	17,8	4,3	12,1	12,8
федерального бюджета	7,7	0,3	5,7	7,6
бюджетов субъектов РФ	8,9	2,9	4,9	4,1
местных бюджетов	1,2	1,1	1,5	1,1
кредиты банков	9,8	9,2	3,4	19,6
средства организаций и населения на долевое строительство	2,1	-	0,6	0,2

Источник. Составлено по данным Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial

Основным источником инвестиций служат *собственные средства* предприятий, средства бюджетов также значительны, хотя их вклад в АР меньше, чем по России в целом (исключение – ДФО). В Тюменской области роль бюджетных средств невелика по сравнению с масштабами вложений крупнейших корпораций. В то же время в СФО и ДФО бюджетные инвестиции – второй по величине источник вложений в развитие инфраструктуры и социальной сферы, прежде всего образования и здравоохранения. Банковские кредиты обеспечивают почти 10% инвестиций в России, и хотя этот показатель в среднем почти не увеличивается в последние годы, региональные различия велики. В СФО роль кредитов мала, самая высокая их доля в Новосибирской области (9,2% в 2020 г.), которая является региональным финансовым центром. Удивительный результат ДФО, где кредиты банков приближаются к 20%, объясняется не уровнем развития финансового сектора, а строительством Амурского ГПЗ. Проект реализует «Газпром» по схеме проектного финансирования с участием 22 банков, в том числе 14 европейских и японских; общий объем заемных средств составляет 786 млрд руб.⁷ Соответственно, в 2020 г. доля банковского финансирования инвестиций в Амурской области достигла 47,4%.

⁷ На Амурский ГПЗ скинулись всем миром. «Газпром» обеспечил будущий завод проектным финансированием // Коммерсантъ. 2019. 24 дек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4206662>

Новым трендом в распределении прибыли корпораций стал акцент на выплатах дивидендов акционерам и долгосрочных вложениях в финансовые активы. Это одно из проявлений усиления финансовых мотивов и практик (финансиализация). В последние 10 лет величина долгосрочных финансовых вложений в России и мире росла опережающими темпами по сравнению с инвестициями в основной капитал. По данным Росстата, общий объем финансовых вложений организаций⁸ в 2021 г. составил 391 трлн руб., в том числе долгосрочные финансовые вложения – 50 трлн руб. (12,8% от общего объема), краткосрочные – 341 трлн руб. (87,2%).

Пандемия и антироссийские санкции увеличили значимость и масштаб государственного участия в крупнейших инвестиционных проектах. *Государственные бюджеты* в России традиционно являются значимыми источниками инвестиций, а при реализации крупных инфраструктурных проектов социально значимых объектов (в сфере науки, образования, здравоохранения) – основными.

Рост доли *собственных средств* в структуре инвестиций может свидетельствовать как об улучшении финансового положения предприятий, так и об отсутствии альтернативных источников капитала в результате ухода иностранных инвесторов из-за санкций, сокращения предложения кредитных ресурсов и роста их стоимости и ужесточения регуляторных требований, а также слабой привлекательности существующих инвестиционных проектов.

Рост финансовых вложений предприятий и организаций может говорить о высоких инвестиционных рисках, неблагоприятном инвестиционном климате, ограничениях спроса на продукцию, об изменениях структуры рынков, консолидации, крупных слияниях и поглощениях. Как правило, если у компании есть потенциал развития, она инвестирует прибыль именно в него; если преобладают барьеры для развития и роста, она вкладывает в ликвидные и надежные финансовые активы. Поэтому можно ожидать, что в 2022 г. неопределенность и турбулентность будут способствовать росту интереса инвесторов к вложениям

---

⁸ Без субъектов малого предпринимательства, кредитных организаций, государственных (муниципальных) учреждений, некредитных финансовых организаций.

в наименее рискованные финансовые инструменты – государственные ценные бумаги и банковские вклады.

Рассмотрим наиболее перспективные, на наш взгляд, **источники финансирования инклюзивного роста в регионах АР.**

Государство. В условиях резкого сокращения возможностей привлечения инвестиций от внешних источников усиливается роль государства. Оно увеличивает финансовую поддержку компаниям, используя различные механизмы, в том числе кредитование через системообразующие банки и обеспечение ликвидности на рынке корпоративных облигаций. Например, Правительство РФ выкупает облигации авиакомпаний на 17 млрд руб. за счет средств Фонда национального благосостояния. «Норильский никель» получил разрешение от специальной комиссии при Минфине на погашение купона по еврооблигациям.

В качестве инвестора государство использует преимущественно механизмы *государственно-частного партнерства* (ГЧП) в различных формах: предоставление субсидий, бюджетных кредитов регионам, льготных займов, эмиссии инфраструктурных облигаций, концессии и других [Алексеев, Тесля, 2020]. По оценкам российской независимой инвестиционной группы⁹, наибольшей устойчивостью обладают инфраструктурные проекты, определяющие транспортную связанность территорий, такие как строительство и эксплуатация моста через реку Пур в ЯНАО (9,3 млрд руб); автомобильного моста через Амур между Благовещенском и Хэйхэ в Амурской области (19,1 млрд руб); обхода Хабаровска (47 млрд руб); строительство четвертого моста через Обь в Новосибирской области (43,5 млрд руб.).

Региональные бюджеты. Вклад региональных бюджетов территорий АР в финансирование инвестиций в основной капитал незначителен. В период 2020–2021 гг. ответственность за проведение мероприятий по борьбе с пандемией COVID-19 была передана региональным органам власти, без подкрепления трансфером из центра финансовых ресурсов. Возложенные дополнительные обязательства, вероятнее всего, приведут к дальнейшему сокращению инвестиционной активности на субнациональном уровне.

---

⁹ InfraOne (2022). Инфраструктура в условиях санкций: рейтинг устойчивости проектов. URL: <https://infraoneresearch.ru/fkh2ub/0e6y41?s1qtyk=1so9sr>

Бюджет региона (муниципалитета) может увеличивать свою доходную базу за счет выпуска облигаций (в первую очередь – с длительным сроком обращения). Такого рода финансирование напрямую способствует инклюзивному развитию территорий. Из 112 эмитентов субфедеральных облигаций, обращающихся в настоящее время на биржевом рынке РФ, 11 – регионы Азиатской России. Из них 5 имеют долгосрочные программы выпуска облигаций (Новосибирская, Томская области, Красноярский край, ХМАО, Республика Саха–Якутия). Большая часть регионов АР либо не выпускала облигации, либо ограничилась разовыми выпусками. Объемы эмиссий и количество выпусков сокращаются с 2014 г. Сейчас доля субфедеральных и муниципальных облигаций составляет примерно 3% облигационного рынка страны, менее 1% ВВП РФ. Вероятно, в условиях закрытия внешних рынков для национальных заемщиков этот источник может активизироваться, хотя сейчас трудно дать оценку его инвестиционному потенциалу.

Фондовый рынок. Корпорации располагают собственными средствами, которые в принципе могут быть использованы для инвестиций. Кроме того, они стали более активно прибегать к возможностям фондового рынка для диверсификации своих средств. Доля корпоративных облигаций на рынке росла в течение последних двух десятилетий и в 2019 г. составила примерно 50%. К этому времени на фондовом рынке РФ образовался особый сегмент – сектор компаний повышенного инвестиционного риска, ориентированный на малых и средних эмитентов. В нем появились и облигации сибирских компаний (ООО «Новосибирский завод резки металла», ООО «Дядя Дёнер»).

Годы 2020–2021-й продемонстрировали рост финансирования устойчивого развития за счет выпуска «зеленых» облигаций¹⁰ и предоставления банковских кредитов, направленных на достижение ESG-целей. Этот рост был стимулирован государственной поддержкой, в том числе знаковым событием – утверждением критериев и таксономии проектов устойчивого развития¹¹.

---

¹⁰ Аналитический обзор. (2022). Будущее рынка устойчивого финансирования: сохранить и усилить национальную экспертизу // Эксперт РА. URL: https://www.gaexpert.ru/researches/sus_dev/esg2022/

¹¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в т.ч. зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в т.ч. зеленого) развития в Российской Федерации».

Ожидания, что антироссийские санкции и уход иностранных инвесторов приведут к отказу от ориентации российских компаний на цели устойчивого и инклюзивного развития, пока не оправдались. По мнению участников рынка, приоритеты устойчивого развития сохранились, но трансформировались из целей, отвечающих международным критериям, в более локально значимые цели переходных и социальных проектов. Однако пока этот сектор очень мал.

В Реестр зеленых, социальных и иных целевых облигаций российских эмитентов¹² на 25 августа 2022 г. входят 34 выпуска облигаций на общую сумму около 468 млрд руб. Сибирь и Дальний Восток представлены тремя облигационными займами: на территории Якутии за счет эмиссии социальных облигаций (1,8 млрд руб.) финансируется создание объектов образования и культуры; в Ханты-Мансийском АО эмиссия облигаций (1,1 млрд руб.) направлена на обращение с отходами; Иркутская нефтяная компания эмитировала целевые облигации (5 млрд руб.) по направлению низкоуглеродной энергетики для освоения сайклинг-процесса на Ярактинском месторождении. Таким образом, доля эмитентов из регионов АР составляет лишь 2,8% от суммарного объема рынка таких облигаций, но начало все-таки положено.

Рынок акционерного капитала по-прежнему находится в состоянии стагнации. Имелись единичные случаи проведения размещений, в том числе на внешних биржевых площадках. В целом возможности фондового рынка как источника инклюзивного роста регионов АР в перспективе ближайших лет представляются неопределенными.

Банковские кредиты. Возможности роста вклада банковского сектора в инвестиции для инклюзивного роста ограничиваются сокращением его активов во всех регионах, концентрацией банковского капитала в крупнейших государственных банках (75% активов сектора). Усиление территориальной концентрации банковского капитала в Москве с одновременным усечением функционала региональных филиалов снижает доступность

---

¹² Реестр зеленых, социальных и иных целевых облигаций российских эмитентов в формате устойчивого развития. URL: <https://infragreen.ru/news/135550> (дата обращения: 12.10.2022).

финансовых средств в регионах и в конечном счете негативно влияет на возможности регионального экономического роста.

Сбережения населения. Среди потенциальных источников инклюзивного роста регионов в условиях санкций обращают на себя внимание средства населения – один из основных источников пассивов в банковском секторе¹³. Сберегательное поведение населения становится все более инвестиционно ориентированным. Число индивидуальных инвесторов на фондовом рынке приблизилось к 20 млн человек. Растет адекватность сберегательного поведения граждан в условиях меняющихся ставок: в 2014 г. и 2022 г. низкие ставки по банковским вкладам привели к быстрому изъятию частных вкладов, создав системные риски для банковского сектора России.

Кроме вложений в инструменты финансовых рынков, инвестиционное поведение населения включает растущее приобретение жилья с целью получения ренты и увеличения благосостояния, основанного на активах. Трансформация сбережений населения в инвестиции на рынке жилищного строительства мультиплицирует инклюзивный эффект по связанным отраслям экономики.

Другим аспектом инклюзии населения является его спрос, стимулирующий развитие экономики. В таком аспекте ситуация с низкими доходами граждан и снижением уровня жизни представляется шоком как со стороны предложения, так и со стороны спроса. Сокращение реальных доходов россиян в 2022 г. может составить от 6,8% (прогноз Минэкономразвития) до 9% (прогноз ВЭБ.РФ), что снизит возможности инвестиций за счет сбережений населения¹⁴. В условиях санкций и дефицита внешних инвестиций это может представлять серьезную угрозу для роста национальной экономики.

Заключение

Перспективы увеличения ответственных инвестиций в РФ формируются в условиях роста влияния государства в экономике и его приоритетов в технологическом и региональном развитии,

---

¹³ По данным АРБ (Банковская система в цифрах и графиках), в структуре пассивов банковского сектора на 01.01.2020 доля вкладов физических лиц (31,6%) сопоставима с 32,6% – суммарной долей юридических лиц (10,5%) и средствами организаций на расчетных и прочих счетах (22,5%).

¹⁴ URL: <https://www.finam.ru/publications/item/doxody-rossiyan-chto-den-gryadushiiy-nam-gotovit-20220612-142956>

а также радикальных изменений источников финансирования и направлений инвестиций в среднесрочном периоде под влиянием санкционного давления, и связаны с мобилизацией внутренних источников.

Вынужденный переход к модели «инвестиционного суверенитета» в условиях прогнозируемого сокращения ВВП вызывает сомнения в сохранении приверженности крупнейших российских финансовых и нефинансовых корпораций целям устойчивого и инклюзивного развития. Однако пока актуальность повестки устойчивого и инклюзивного роста сохраняется, в частности, об этом заявляют Банк России, Московская биржа, ПАО «ГМК «Норильский никель»», «ЛУКОЙЛ», «Сибур Холдинг», «Газпром» НК «Роснефть», и многие другие крупнейшие предприятия. Банк России¹⁵ подтверждает, что национальная повестка устойчивого развития, в том числе продолжение деятельности, направленной на охрану окружающей среды, осуществление энергоперехода, развитие социальной сферы, остается актуальной.

Переход российской экономики на мобилизационный вариант развития приведет к радикальным изменениям, так что возможности устойчивого и инклюзивного развития, сохраняя свою привлекательность и значимость, отодвигаются во времени, и будут полностью определяться государственной политикой. Новые проекты, направленные на устойчивое и инклюзивное развитие, могут появиться, когда будут приняты основные стратегические и инфраструктурные решения в политике и экономике.

Новая модель развития включает несколько составляющих.

Адаптацию и корректировку реализации корпоративных инвестиционных проектов, направленных на добычу и первичную переработку природных ресурсов, под воздействием меняющихся геополитических условий.

Использование госзаказа, а также долгосрочных договоров на оказание работ, услуг с инвестиционными обязательствами для финансирования инвестиционных проектов, имеющих стратегическую значимость.

Повышение самостоятельности регионов и муниципалитетов в области финансирования и управления, снижение административной и регуляторной нагрузки на бизнес.

---

¹⁵ Банк России (2022). Финансовый рынок: новые задачи в современных условиях. Документ для общественного обсуждения. Москва. 2022.

Увеличение *участия населения* в финансировании инвестиционных процессов на региональном уровне, в том числе в качестве инвесторов на рынке облигаций для решения локальных проблем. Рост финансовой инклюзии в регионах как источника экономической активности населения и бизнеса, повышения мотивации в реализации частных инициатив при увеличении доступности финансовых услуг будет способствовать росту доходов, созданию новых рабочих мест, улучшению качества жизни и привлекательности среды обитания на территориях АР.

Расширение использования механизмов ГЧП для создания стратегически значимых объектов инфраструктуры. Широкое освоение инструментов «инфраструктурного меню»: бюджетные кредиты регионам; инфраструктурные облигации; кредиты ВЭБ.РФ на развитие инфраструктуры городов, др.

Улучшение среды для бизнеса за счет повышения гибкости правовых условий и использования экспериментальных нормативных режимов.

Поддержка развития финансового рынка и новых форм инвестирования в свою очередь обеспечит большую доступность и разнообразие источников инвестиций для региональных компаний, в том числе малых и средних.

События 2022 г. пока в малой степени отразились на динамике, направленности и структуре инвестиций. Очевидно, что частичная мобилизация и ориентация на защиту новых рубежей Российской Федерации радикально меняют приоритеты государства и его внешнюю и внутреннюю политику. Можно ожидать усиления роли государственных инвестиций и инструментов регулирования в соответствии с изменившимися приоритетами. Тем не менее мы полагаем, что начавшееся движение участников экономики регионов в направлении устойчивого и инклюзивного развития не остановится, так как именно оно способствует решению проблем экономики и общества и снижению асимметрии регионального развития в целом, и, в особенности, на территории Сибири и Дальнего Востока.

Из-за различий влияния санкций на исходную экономическую структуру хозяйства в регионах необходима «локализация» принятия управленческих решений. Единые рекомендации из центра не смогут активизировать потенциал на местах. Преодолеть инерционную стратегию поможет переосмысление источников

экономического роста в новых условиях. Насколько обоснованы эти ожидания – покажет будущее.

Литература / References

Алексеев А.В., Тесля П.Н. Государственно-частное партнерство как механизм стимулирования инвестиционной активности: мировой и российский опыт // Инвестиционный процесс и структурная трансформация российской экономики: монография / Под ред. А.В. Алексеева, Л.К. Казанцевой. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. Гл. 14. С. 362-393. ISBN 978-5-89665-348-6

Alekseev, A.V., Teslya, P.N. *Public-private partnership as a mechanism for stimulating investment activity: world and Russian experience. Investment process and structural transformation of the Russian economy*: monograph / ed. A.V. Alekseeva, L.K. Kazantseva. Novosibirsk: IEOPP SB RAS. Ch. 14. Pp. 362-393. (In Russ.). ISBN 978-5-89665-348-6

Баринова В.А., Земцов С. П. Инклюзивный рост и устойчивость регионов России // Регион: экономика и социология. 2019. № 1. С. 23-46.

Barinova, V. A., Zemtsov, S.P. (2019). Inclusive growth and sustainability of Russian regions. *Region: Economics and Sociology*. No. 1. Pp. 23-46. (In Russ.).

Михеева Н.Н. Возможные альтернативы показателю валового регионального продукта // Проблемы прогнозирования. 2020. № 1. С. 32-42. Mikheeva, N.N. (2020). Possible alternatives to the indicator of gross regional product. *Problems of Forecasting*. No. 1. Pp. 32-42. (In Russ.).

Mikheeva, N.N. (2020). Possible alternatives to the indicator of gross regional product. *Problems of Forecasting*. No. 1. Pp. 32-42. (In Russ.).

Тулоханов А.К., Михеева А.С., Бардаханова Т.Б. Еще раз о Национальной программе социально-экономического развития Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 4. С. 165–179.

Tulokhonov, A.K., Mikheeva, A.S., Bardakhanova, T.B. (2020). Once again about the National Program for the Socio-Economic Development of the Far East. *Spatial Economics*. Vol. 16. No. 4. Pp. 165–179. (In Russ.).

Che Sulaiman, N.F., Ab-Hamid, M. F. & Ridzuan, A. R. (2021). Inclusive Growth: Comprehensive Dimension of Income Distribution. *Economy of region*. No.17(1). Pp. 301-317. https://doi.org/10.17059/ekon_reg.2021-1-23

Gupta, J., Pouw, N.R.M., Ros-Tonen, M.A.F. (2015). Towards an elaborated theory of inclusive development. *Eur. J. Dev. Res*. No. 27. Pp. 541–559.

Piketty, T. and Saez, E. (2003). Income inequality in the United States, 1913–2002. *Quarterly Journal of Economics*. No. 118. Pp. 1–39.

Rytova, E., Gutman, S., Sousa, C. (2021). Regional Inclusive Development: An Assessment of Russian Regions. *Sustainability*. No. 13. 5773. Available at: <https://doi.org/10.3390/su13115773>

Sharafutdinov, R.I., Izmailova, D.O., Akhmetshin, E.M. (2018). Examination of the national key performance criteria of inclusive growth and regional development of the Russian Federation. *Theor. Appl. Econ*. No. 3. Pp. 118–134. Sevastyanova, A.Y., Tokarev, A.N., Shmat, V.V. (2018). Peculiarities of Applying the Inclusive Development Concept for Resource Regions. *Reg. Res. Russ*. No. 8. Pp.101–109.

Статья поступила 19.07.2022

Статья принята к публикации 07.11.2022

Для цитирования: Кравченко Н. А., Агеева С. Д., Иванова А.И. Инвестиции для устойчивого и инклюзивного развития регионов Азиатской России: проблемы и перспективы // ЭКО. 2023. № 1. С. 78–98. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-78-98

For citation: Kravchenko, N.A., Ageeva, S.D., Ivanova, A.I. (2023). Investments for Sustainable and Inclusive Development of the Regions of Asian Russia: Problems and Prospects. *ECO*. No. 1. Pp. 78–98. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-78-98

Summary

Kravchenko, N.A., *Doct. Sci. (Econ.)*. E-mail: natakravchenko20@mail.ru
Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; Novosibirsk State University,

Ageeva, S.D., *Cand. Sci. (Econ.)*. E-mail: swtageeva@gmail.com
Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS,

Ivanova, A.I. E-mail: anastasiya27111994@mail.ru
Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; Novosibirsk State University, Novosibirsk

Investments for Sustainable and Inclusive Development of the Regions of Asian Russia: Problems and Prospects

Abstract. The implementation of sustainable development tasks in the regions of Asian Russia is carried out in the period of structural transformation of the country's economy. The paper analyzes the possibilities of inclusive growth in the conditions of preservation or aggravation of the former problems and the outlined investment recession. It substantiates the necessity and assesses the possibilities of inclusive growth when the need for transition to this type of development is exacerbated. The paper shows the influence of regional investments on the differences in the indicators reflecting the level of inclusion in the subjects of Asian Russia (hereinafter -AR). This allowed us to fix the trends that have emerged in recent years, reflecting changes in the structure, directions and participants of investment processes. It shows the preservation of asymmetry both between the central and Asian parts of Russia as a whole, and between territories within the AR macroregion. The answer to the question about the presence of regions in the AR with the ability to give investment impetus in the conditions of growth of external constraints is obtained. Conclusions are made about the transition to internal sources of investment and changes in their structure. The directions of stimulation and support of the investment offer by the population and regional budgets are offered. The paper demonstrates the prospects of growth in the use of public-private partnership mechanisms to enhance investment activity.

Keywords: *investment; structural transformation of the economy; regions of Asian Russia; inclusion; financial market; public-private partnership*

Как увидеть потенциал инновационной разработки: проблемы оценки проектов ранних стадий¹

Е.А. ОБУХОВА

E-mail: e.obukhova@g.nsu.ru; ORCID:0000-0003-3642-8650

Новосибирский государственный университет

А.Т. ЮСУПОВА, доктор экономических наук

E-mail: Yusupova@ieie.nsc.ru; ORCID: 0000-0003-3423-1264

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН;

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы поддержки высокотехнологичных инновационных проектов ранних стадий жизненного цикла. Российская инновационная экосистема не предоставляет достаточных возможностей для их развития и продвижения. С одной стороны, завышенные требования, предъявляемые к проектам при отборе, приводят к существенному недофинансированию ранних стадий. С другой – венчурные инвесторы вынужденно поддерживают малорискованные, относительно простые проекты. Для анализа и оценки высокотехнологичных стартапов, которые отличает высокий уровень неопределенности, невозможность четкого расчетного обоснования финансовой привлекательности, демонстрации готовых продуктов, нужны специальные инструменты. В качестве такового авторы разработали методику, основанную на анализе опыта предпринимателей, венчурных и традиционных инвесторов, институтов инновационной инфраструктуры. Методика предполагает привлечение широкого круга экспертов, учитывает мотивации, приоритеты, компетенции и возможности актора, оценивающего и отбирающего его проект. Представлен опыт ее применения для оценки конкретного высокотехнологичного стартапа в области складской логистики.

Ключевые слова: инновационный проект; инновационная экосистема; скоординированные методики оценки; информационная асимметрия; сигнализирование

Постановка проблемы

Распространение инноваций, формирование сектора высоких технологий входят в число приоритетных задач развития национальной экономики РФ в течение последних десятилетий. Несмотря на определенные успехи в этой области, наличие

---

¹ Исследование выполнено в рамках плана НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Теория и методология исследования устойчивого развития компаний высокотехнологичного и наукоемкого сектора экономики в контексте глобальных вызовов внешней среды, технологических, организационных и институциональных сдвигов».

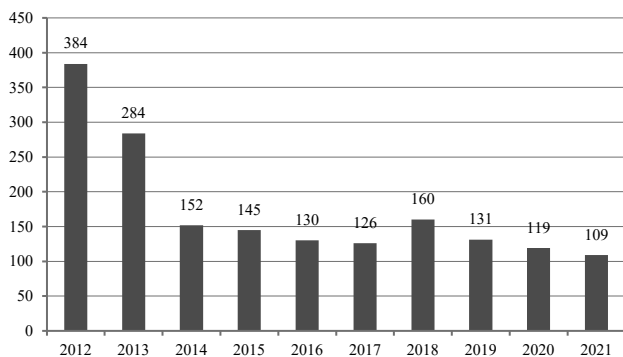
значительного инновационного потенциала территорий и предприятий, уровень инновационной активности большинства российских компаний остается низким. Многим отраслям экономики свойственна технологическая отсталость, национальная инновационная система характеризуется наличием серьезных разрывов и несоответствий. По данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, уровень инновационной активности малых промышленных предприятий в 2019 г. составил всего 5,8%; у крупных и средних организаций он несколько выше – 19,5% в 2021 г.

Важнейшим элементом инновационной экосистемы является инновационный проект, предлагающий усовершенствования, которые могут в перспективе значительно увеличить уровень конкурентоспособности продукта, услуги. Отбор, поддержка и продвижение оригинальных инновационных разработок с высоким потенциалом, способствующих достижению технологического суверенитета страны, в последнее время стали особенно актуальными. Такие проекты нуждаются в финансовой, организационной и другой поддержке, со стороны как государства, так и частных акторов, особенно – на ранних стадиях жизненного цикла. В условиях жестких финансовых ограничений встает проблема выбора потенциально успешных стартапов, которые целесообразно поддерживать и финансировать. Однако неопределенность, невозможность четкого расчетного обоснования финансовой привлекательности проекта, часто – отсутствие готового продукта усложняют этот выбор чрезвычайно.

Венчурные инвесторы, в задачи которых входит поддержка интересных высокотехнологичных стартапов, с каждым годом все больше сокращают объем своих вложений, очевидно, не находя для этого достойных объектов в России. По данным Счетной палаты, в 2019 г. объемы венчурных инвестиций в РФ были в 43 раза, а их доля в ВВП в 11 раз ниже по сравнению со средними показателями в странах ОЭСР². На рисунках 1 и 2 показана динамика общих объемов и числа венчурных инвестиций за 2012–2021 гг., отраженная в аналитических материалах РАВИ, эти данные отражают вложения и российских, и зарубежных венчурных инвесторов в российские компании.

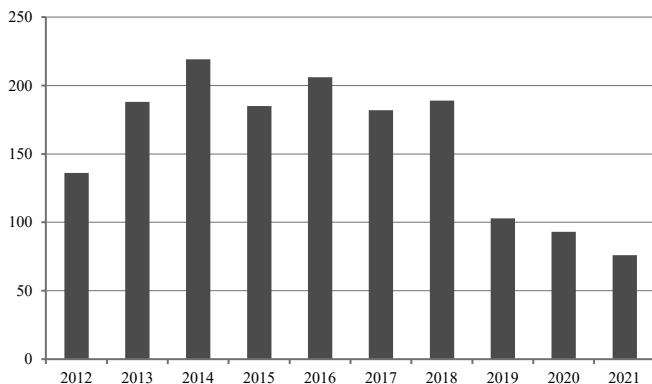
---

²URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/a29/a298f3e07b401a8d60e4e4afd1671b7.pdf>

Источник рис. 1–4. Данные РАВИ. URL: <http://www.rvca.ru/rus/resource/library/rvca-yearbook/>

Рис. 1. Динамика объемов венчурных инвестиций в РФ
в 2012–2021 гг., млн долл.

Рис. 2. Динамика количества венчурных инвестиций в РФ
в 2012–2021 гг. (число проектов)

В течение рассматриваемого периода не наблюдалось существенной положительной динамики ни одного из показателей. В 2014 г. произошло резкое уменьшение объемов инвестирования, вызванное уходом зарубежных игроков, снижением активности частных инвесторов на фоне общей неопределенности перспектив развития отечественной экономики. Некоторое стабилизирующее влияние оказали действия фондов

с государственным участием, что отразилось в первую очередь на числе поддерживаемых проектов. Однако с 2019 г. отмечается устойчивое снижение венчурной инвестиционной активности, в 2021 г. она упала до минимального за 10 лет уровня, тогда как, по данным РБК, в целом в мире объемы венчурного инвестирования в 2021 г. выросли на 111%. Динамика числа инвестиций отражает рост в отдельные годы количества небольших поддержанных проектов, но после 2018 г. и здесь наметился явный спад.

На рисунках 3 и 4 показано распределение венчурных инвестиций в РФ по стадиям поддержанных проектов. Эти данные иллюстрируют значительное «недофинансирование» ранних этапов. В 2021 г. не только снизилось количество поддержанных проектов и вложенные в них суммы, но и существенно сократились объемы финансирования ранних стадий жизненного цикла (посевной, начальной и ранней). Так, в относительно благополучном 2018 г. их доля составляла 27% в общем объеме поддержки, в 2021 г. она была всего 10% (странах ОЭСР в среднем более 60%). В 2021 г. 23% всех венчурных фондов были посевными, в объеме финансирования на них приходилось лишь 14%. При этом 83% проектов и 80% финансирования относились к сектору ИКТ.

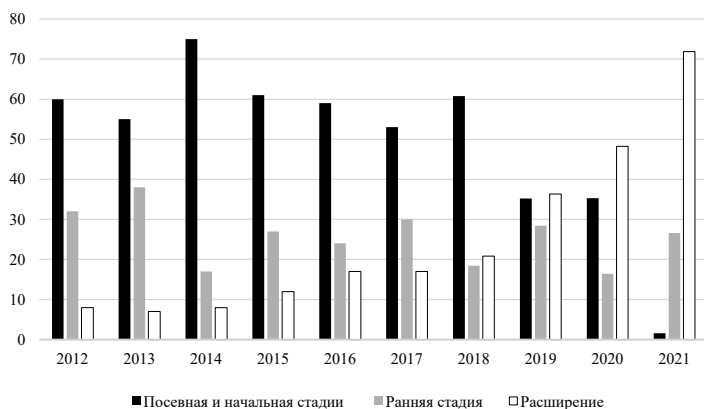

Рис. 3. Венчурные инвестиции по стадиям жизненного цикла поддержанных проектов, % от числа инвестиций в 2012–2021 гг.

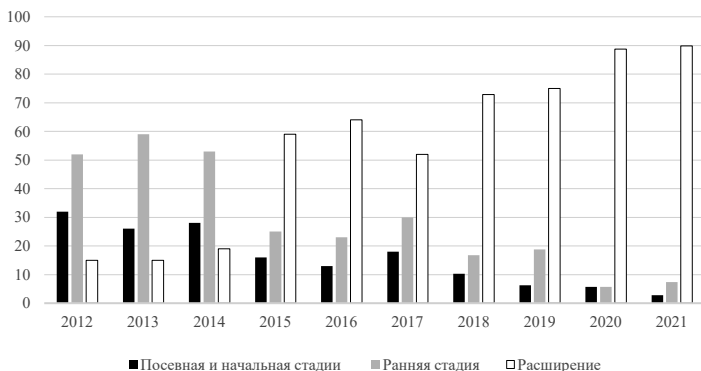

Рис. 4. Венчурные инвестиции по стадиям
жизненного цикла поддержанных проектов,
% от объема инвестиций в 2012–2021 гг.

Безусловно, венчурный рынок относится очень уязвим по отношению к внешним событиям. Финансовая нестабильность, эпидемиологические и санкционные ограничения неизбежно приводят к сокращению объемов финансирования. Поэтому в 2022 г. можно ожидать продолжения сложившихся тенденций. Поскольку объемы венчурного финансирования в РФ даже в благоприятное время весьма скромны, в периоды их снижения проблемы привлечения инвестиций для инициаторов инновационных проектов обостряются до предела.

В ситуации общей нестабильности венчурные инвесторы стремятся избегать вложений в высокорисковые проекты ранних стадий, ужесточают требования при их отборе, включая в них доказательства рентабельности, масштабируемости и востребованности продукта, подтвержденные реальными продажами. В таких условиях многие перспективные разработки, имеющие высокий потенциал, не реализуются.

В качестве примера недооцененного в России инновационного проекта можно привести стартап по поиску образовательных программ за рубежом Study Free, который более 30 раз обращался за финансированием, но получал отказ. До 2020 г. проект развивался на собственные средства, однако получил финансирование в размере 2,9 млн долл. от зарубежных венчурных фондов

и до начала 2022 г. входил в число успешных международных образовательных бизнес-проектов, имеющих российские корни.

Под давлением своих завышенных требований венчурные инвесторы вынужденно выбирают для поддержки относительно простые проекты с легко просчитываемыми рисками, тогда как высокотехнологичные стартапы, характеризующиеся значительной неопределенностью, не могут привлечь финансирование, соответственно, их потенциал не реализуется.

Цель нашего исследования – предложить инструмент анализа привлекательности и оценки инновационных проектов на ранних стадиях их развития с учетом особенностей взаимодействия и возможностей разработчиков и заинтересованных акторов инновационной системы, с тем чтобы облегчить отбор перспективных стартапов и активизировать венчурное финансирование на ранних стадиях.

Подходы к анализу и оценке инновационных проектов ранних стадий развития

Понимание роли инновационных процессов в устойчивом развитии экономики эволюционировало по мере накопления опыта и изменения институциональных условий в разных странах. На смену концепции инновационных систем [Lundvall, 1992] пришел экосистемный подход, учитывающий синергетические эффекты и динамический характер процессов [Granstrand, Holgersson, 2020]. Особенности его адаптации подхода к организации локальных коопераций представлены в трудах ряда коллег ([Унтура, 2020; Маркова, Кузнецова, 2021] и др.).

Важное место в развитии инновационных экосистем занимают проекты, находящиеся на ранних стадиях жизненного цикла. Для них наиболее остро встают вопросы поиска каналов финансирования и построения связей в бизнес-сообществе. Наиболее типичными инвесторами выступают венчурные фонды (в том числе корпоративные) [Rossi et al., 2022] и бизнес-ангелы [Capizzi et al., 2022].

Множество научных и экспертных публикаций касается методов анализа и оценки инновационных проектов. Классические количественные способы оценки, основанные на построении финансовой модели, уточняются с учетом эмпирического опыта [Dobrowolski, Drozdowski, 2022;

Nesticò, Maselli, 2020]. Активно развиваются альтернативные подходы к оценке инновационных проектов, такие как метод реальных опционов [Trabelsi, Siyahhan, 2021; Zhang et al., 2021] и нечетко-множественный подход [Bolat, 2022; Музыко, 2020; Баранов и др., 2018].

Однако для определения инвестиционной привлекательности стартапов на практике чаще всего применяются скоринговые методики, которые предполагают учет преимущественно качественных параметров, их балльную оценку и определение итогового значения результирующего показателя (score), служащего основой для ранжирования проектов. Как правило, к такой оценке привлекаются эксперты, роль которых очень значима. В одном из исследований [Moritz et al., 2022] показано, что очень многое зависит от предпринимательского опыта и образования лица, принимающего решения. Процесс разработки скорингового подхода систематизировали Р. Митчелл и Р. Фолл [Mitchell, Phall, 2014]. Подходы к анализу сигналов при определении целесообразности инвестирования в инновационные проекты представлены в работе О. Коломбо [Colombo, 2021].

Важным условием развития инновационной экономики является наличие потока успешных инновационных проектов, которые играют решающую роль в организации экосистемы. Мощность и стабильность этого потока определяют проекты, находящиеся на ранних стадиях. Они обладают рядом характерных особенностей: предлагают разработку (продуктовую или процессную), еще не дошедшую до стадии «минимально жизнеспособного продукта»; характеризуются повышенными рисками реализации и потенциально высокой доходностью; иницируются небольшой командой как автономный бизнес-проект; не предполагают четкой оценки потенциальных финансовых результатов; требуют финансовой и иной поддержки многих участников экосистемы. Последние могут сильно различаться своей мотивацией, ограничениями и возможностями, что должно найти отражение в процедуре анализа и отбора проектов, претендующих на поддержку. Традиционные количественные методы оценки здесь неприменимы. Лучше всего улавливают специфику таких проектов скоринговые подходы, и это подтверждает бизнес-практика.

Высокотехнологичные стартапы в инновационной экосистеме

Инициаторы инновационных проектов, развивая и продвигая свою разработку, взаимодействуют с множеством акторов инновационной экосистемы (рис. 5).

Источник. Составлено авторами.

Примечание. *Сколково входит в институты развития, однако включает в себя дублирующие элементы, представленные на схеме, такие как: венчурный фонд SkolkovoVentures, институт науки и технологий «Сколтех», МГИЦ «Сколково», технопарк «Сколково», бизнес-инкубатор IG Tech, и др.

Рис. 5. Взаимодействия инициаторов инновационных проектов в российской венчурной экосистеме

Это и государственные структуры – НИИ, вузы, институты развития и коммерческие организации – инвестиционные и венчурные фонды, и бизнес-ангелы, индивидуальные предприниматели и др. У каждого из взаимодействующих субъектов есть свои цели, во многом определяющие его отношение к проекту. Некоторые участники инновационной экосистемы (бизнес-ангелы,

венчурные фонды, корпоративные инвесторы и т.д.) заинтересованы прежде всего в максимизации прибыли своих вложений, соответственно, ключевую роль в их восприятии проекта и его оценке играет соотношение связанных с ним рисков и потенциальной доходности.

К другому типу партнеров относятся организации, заинтересованные главным образом в продвижении перспективных разработок, развитии инновационного потенциала, они, как правило, не несут прямых значительных финансовых потерь в случае неблагоприятного развития событий. Сюда входят различные структуры поддержки стартапов: бизнес-акселераторы, бизнес-инкубаторы, вузы, государственные институты развития. Их сотрудничество с инноваторами тоже может развиваться на коммерческой основе, но при отборе проектов они все же руководствуются иными мотивациями, нежели классические инвесторы. Таким образом, у каждого оценивающего субъекта есть свои инвестиционные предпочтения, что необходимо учитывать при анализе и отборе проектов.

Другой важный фактор, определяющий характер взаимодействия вокруг стартапов, – возможности и компетенции различных акторов. Так, бизнес-акселератор определенной отраслевой направленности может обеспечить помощь крупных корпораций, научных институтов. Венчурные инвесторы имеют возможность предложить кроме финансовых еще и «отношенческие» ресурсы. У каждого участника есть те или иные компетенции, позволяющие ему определенным образом компенсировать слабые стороны проекта, и это влияет на его выбор. Например, инвестор, способный привлечь сильных маркетологов, может поддержать проект, маркетинговые аспекты которого проработаны недостаточно хорошо.

Любой анализ проекта основывается на оценке определенных параметров, набор которых может различаться у разных акторов. При этом последние используют информационные сигналы (положительные и отрицательные), позволяющие снизить асимметрию при оценке стартапа [Islam et al., 2018]. Например, бизнес-ангелы больше обращают внимание на демонстрацию мотивации участниками проекта [Cardon et al., 2017], в то время как венчурные инвесторы в качестве положительных сигналов выделяют прежде всего обучаемость команды [Ciuchta et al., 2018]

и степень проработки бизнес-идеи [Clarke et al., 2018]. Рассмотрим процедуру анализа высокотехнологичного стартапа на примере реального проекта.

Кейс: российский робототехнический стартап

Российский робототехнический стартап с условным названием Store Robotics предлагает комплексное решение организации складской логистики «под ключ». Эта сфера динамично развивается: по данным Международной федерации робототехники (IFR), объём рынка логистических роботов растёт, в 2020 г. увеличился на 11%³ (отчасти это было вызвано пандемией коронавируса).

Продукт, предлагаемый исследуемым стартапом, включает некое количество мобильных роботов-транспортировщиков, специальную складскую инфраструктуру (в том числе станцию комплектации заказов), а также автоматизированную систему управления (электронную модель склада, которая строится для каждой конкретной компании с учетом ее предыстории). Оптимизация происходит за счет изменения формата работы сотрудников склада: они дистанционно осуществляют сборку заказов, которые роботами доставляются со стеллажей в нужную точку. По оценке разработчиков, при этом достигается до 50% экономии ФОТ, на 30% ускоряется процесс сортировки и отправки грузов.

Конкурентными преимуществами стартапа являются оригинальная электронная модель склада, которая позволяет ускорить перемещение роботов, а также система мониторинга их технического состояния (технология предиктивного сервисного обслуживания). Это дает возможность сократить количество задействованных роботов и снизить срок окупаемости комплексного решения. По оценкам разработчиков, стоимость внедрения технологии в помещении размером 1000 м² – 22 млн руб., средний срок окупаемости – 2–3 года. Для сравнения: рыночная цена зарубежных аналогов составляет около 1 млн долл. за 1000 м², а срок окупаемости – 6–8 лет⁴.

---

³ URL: <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/service-robots-record-sales-worldwide-ur-32>

⁴ Оценка стоимости решения производилась разработчиками проекта по состоянию на начало 2021 г.

Команда разработчиков включает высококвалифицированных специалистов в области информационных технологий, имеющих опыт роботизации складов, разработки программного обеспечения, организации производства и перемещения продукции на крупном предприятии.

Целевые клиенты – интернет-магазины, фулфилмент-операторы, выполняющие более 2 тыс. заказов в сутки.

Несмотря на высокий рыночный потенциал, проект не завершен (находится на стадии разработки прототипа) и нуждается в привлечении дополнительных средств и поддержке участников экосистемы. Будучи резидентом Сколково Store Robotics с начала 2018 г. успешно привлекает финансовые ресурсы (гранты и средства бизнес-ангелов), на конец 2021 г. в проект было вложено суммарно 25 млн руб. Разработчики оценивают объем инвестиций, требуемый на ближайшие три года, в 150 млн руб. Прогнозный план развития проекта включает следующие основные этапы: завершение разработки прототипа цифровой модели склада и всех видов роботов (необходимый размер инвестиций 20 млн руб.); реализация пилотного проекта (35 млн руб.); масштабирование проекта с учетом выхода на безубыточность к концу 2024 г. (95 млн руб.).

Мы предлагаем методику оценки, которая может быть использована для анализа подобных проектов. И продемонстрируем ее работу на данном кейсе.

Оценка проекта с помощью предлагаемой методики

Разработанный методический подход опирается на ряд параметров, которые сгруппированы в три блока: Рынок и стратегия выхода на него; Продукт; Команда. Именно они имеют ключевое значение для инновационных проектов, находящихся на ранних стадиях. На более поздних этапах стратегия выхода на рынок должна рассматриваться в качестве самостоятельного раздела. Конкретные индикаторы для оценки выбраны на основе обобщения представленной в открытых источниках информации о практике работы инвесторов (венчурных и классических), предпринимателей, субъектов инновационной инфраструктуры. Всего был учтен опыт 37 акторов.

Значение каждого параметра интерпретируется как положительный или отрицательный сигнал [Обухова, 2021], который может принимать значения $\{-1; -0.5; 0.5; 1\}$, отражающие степень интенсивности его проявления.

Первый блок *«Рынок и стратегия выхода на него»* представлен параметрами, отражающими потенциал рынка, характер конкуренции, возможности для масштабирования бизнеса, а также оценку стратегии выхода проекта на рынок и партнерские связи в бизнес-среде, способные повлиять на успешность проекта (размер адресного рынка; потенциал роста рынка (возможности масштабирования бизнеса); «разогретость» рынка, высокий интерес других инвесторов к сектору экономики; наличие продуманного стратегического плана, основанного на проверенных гипотезах (реалистичных предположениях); наличие ключевых каналов дистрибуции и бизнес-партнеров; характер рыночной конкуренции (наличие на рынке игроков, обладающих монопольной властью); обоснованность размера запрашиваемых инвестиций и необходимость дополнительных раундов инвестирования).

Второй блок – *«Команда»* – раскрывает характеристики команды стартапа: сбалансированность по ключевым ролям в проекте, готовность к изменению выбранной стратегии с учетом влияния окружающей среды и экономической ситуации и др. Среди факторов оценки команды нами предложены новые, ранее не встречавшиеся в скоринговых подходах параметры (они выделены жирным шрифтом). (Полноценность и сбалансированность команды; открытость и харизматичность команды в общении, отсутствие скрываемой информации, адекватность реакции на критику; репутация команды (отсутствие проблем с законом и плохой кредитной истории, наличие авторитетного соинвестора/ наставника, опыт неэффективной траты средств на предыдущих этапах; уверенность команды в достижении результатов и высокий энтузиазм, готовность рисковать своими деньгами; **степень вовлеченности команды в реализацию проекта и ее готовность команды терпеть временные трудности (финансовые, эргономические и др.) в момент старта проекта; наличие у членов команды практического опыта участия в бизнес-проектах, отзывы людей, ранее работавших с командой; умение команды реализовывать задачи в пределах компетенции, готовность к пивотам.**)

Третий блок характеризует особенности *продукта*. (Соответствие продукта какой-либо реально существующей потребности; уникальность продукта и наличие конкурентного преимущества в чем-либо; реализуемость продукта на данном этапе технологического развития общества; рентабельность производства на данный момент времени; наличие патентной защиты продукта; наличие прототипа или MVP; наличие проверенных маркетинговых гипотез либо первичных тестовых продаж.) Самые перспективные проекты нацелены на производство уникальных, технически осуществимых, запатентованных продуктов. Более высокие оценки будут получать проекты, которые уже успели реализовать минимально жизнеспособную версию их продукта, а также провели тестирование на потенциальных потребителях.

Применение предлагаемой скоринговой методики предусматривает два этапа. На первом – оценивается общая привлекательность проекта, на втором – учитывается риск, связанный с его реализацией.

С учетом особенностей конкретного инвестора или субъекта, оценивающего проект, на начальном этапе анализа для каждого параметра определяются важность и возможность корректировки (компенсации) недостатков в случае, если у разработчиков данное направление развито недостаточно.

Те или иные информационные сигналы в рамках методики интерпретируются как численные оценки параметров проекта. Последние корректируются с учетом значимости для инвестора и его компетенций и суммируются. Полученная интегральная оценка привлекательности проекта (score) позволяет выявить его сильные и слабые стороны, принять решение о поддержке. На рисунке 6 показана укрупненная схема первого этапа применения методики. Для его реализации разработан программный продукт *Venture Solution*, обеспечивающий визуализацию полученных результатов [Обухова, Родионова, 2022].

На втором этапе предполагается более глубокий анализ проекта с привлечением внешних экспертов – специалистов в предметной области. Доходность проекта оценивается на основе интегрального показателя, рассчитанного на первом этапе. Риск определяется с учетом расхождений оценок, выставляемых экспертами. Чем меньше расхождения их мнений, тем более

надежной можно считать оценку. В итоге инвестор выбирает проекты, характеризующиеся максимальной доходностью и минимальным риском.

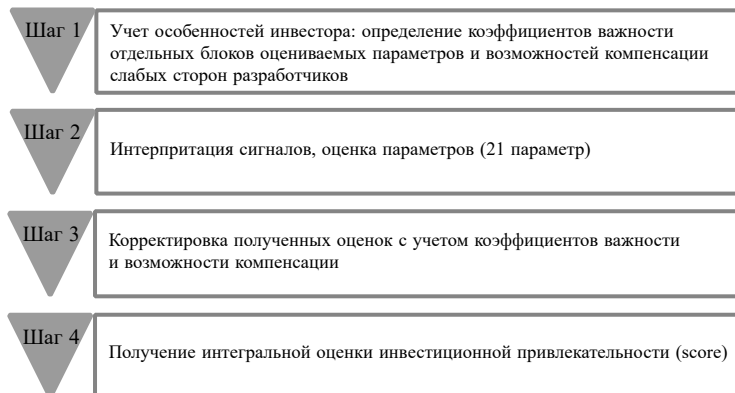

Рис. 6. Укрупненная схема первого этапа применения методики

Для кейса **Store Robotics** был реализован первый этап предлагаемой методики оценки. Мы смоделировали ситуацию, в которой оценка инвестиционной привлекательности проекта проводилась двумя участниками инновационной экосистемы: менеджментом стартап-студии и руководством бизнес-инкубатора. Их предпочтения и возможности учитывались в процессе настройки методики, т.е. при определении соответствующих коэффициентов на первом шаге. Сводные результаты оценки представлены в таблице.

Оценка инвестиционной привлекательности проекта **Store Robotics** по предлагаемой методике

Инвестор (оценщик)	Оцениваемые блоки параметров (для каждого блока минимально возможная оценка –7, максимально +7)			Общий балл
	Рынок и стратегия выхода на него	Команда	Продукт	
Стартап-студия	4	4,8	2,8	11,6
БИ	4,8	6,4	2,3	13,5

Источник. Расчеты авторов.

По предлагаемой методике оценка инвестиционной привлекательности проекта **Store Robotics** составила 11,6 баллов

(при возможном разбросе от –21 до 21 балла), с точки зрения стартап-студии, и 13,5 баллов с учетом профиля бизнес-инкубатора.

Было выявлено, что разрабатываемый продукт не имеет надежной юридической защиты в форме патента и не является полностью уникальным, продолжается создание прототипа, кроме того, не завершена работа по тестированию маркетинговых гипотез. Однако профессиональная и сбалансированная команда проекта является его значимым преимуществом. Стоит также отметить неуверенность разработчиков в быстром успехе, что связано с длительным циклом исследований. В блоке оценки рынка и стратегии наблюдается отсутствие продуманных каналов дистрибуции, стратегического плана, основанного на проверенных маркетинговых гипотезах. Эти недостатки требуют корректировки на дальнейших стадиях развития проекта. Полученные баллы отразили эти особенности: оба потенциальных инвестора выше всего оценили блок «Команда», ниже всего – «Продукт».

Возможности и компетенции отдельного инвестора влияют на его восприятие и выбор. Поясним это на примере оценивания ими блока «Команда», по которому различие баллов наиболее существенно (4,8 и 6,4). Как отмечалось, оценка выставляется с учетом возможности компенсации негативных сценариев. Бизнес-инкубатор Академпарка является частью экосистемы новосибирского Академгородка, он предоставляет ряд возможностей по продвижению проектов на начальном этапе. В частности, интеграция с НГУ дает возможность участия в акселерационных программах «Catalyst» и «А: СТАРТ», а также Стартап-студии НГУ. Проектные команды могут не только устранить «пробелы» в бизнес-компетенциях, но и подобрать специалистов для реализации идей, тренировать групповую работу и презентации проекта перед инвестором, а также получить условия для эффективной работы, на льготных условиях арендовать офисные помещения. Второй участник оценки – Стартап-студия не обладает такими возможностями поддержки проекта, поэтому его оценка блока «Команда» оказалась ниже, чем у Бизнес-инкубатора.

Таким образом, данный проект может стать достаточно инвестиционно-привлекательным, если команда за счет собственных средств либо ангельских инвестиций сможет доработать продукт,

усилив его ключевые аспекты, формирующие уникальность, сформировать коммерческое предложение, а также получить патент и разработать обоснованную стратегию выхода на рынок. Без этих шагов венчурные инвесторы скорее всего предпочтут поддержать других разработчиков.

Предлагаемый нами подход позволяет получить комплексную оценку проекта и провести экспресс-диагностику его сильных и слабых сторон, увидеть потенциал развития. Это достигается за счет сбалансированного количества параметров в каждом блоке и единой системы их оценивания.

***

Большинство высокотехнологичных стартапов на ранних стадиях жизненного цикла могут развиваться только при поддержке венчурного финансирования и институтов инновационной инфраструктуры, которая оказывается на конкурной основе.

Однако оценить инновационную разработку, находящуюся на ранней стадии, увидеть ее потенциал, объективно чрезвычайно сложно. Мы предлагаем подход к оценке, учитывающий мотивации, компетенции и возможности потенциальных партнеров проекта, которые могут стать его инвесторами или предоставить другую поддержку.

В нашей методике применяются работающие на практике параметры оценки инновационных проектов. Ее использование позволяет существенно снизить информационную асимметрию, сформировать комплексное представление о проекте, а также предложить обоснованные рекомендации по повышению его инвестиционной привлекательности для конкретного субъекта. Это может быть полезно не только акторам инновационной экосистемы, находящимся в поиске перспективных проектов, но и инноваторам для совершенствования разработки и формирования стратегии ее продвижения.

Литература/References

Баранов А. О., Музыко Е. И., Павлов В. Н. Оценка эффективности инновационных проектов с использованием опционного и нечетко-множественного подходов: монография. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2018. 336 с. DOI: 10.15372/EPRF20180101

Baranov, A.O., Muzyko, E.I., Pavlov, V.N. (2018). Evaluation of the effectiveness of innovative projects using optional and fuzzy multiple approaches. Novosibirsk: *IEIESB RAS*. 336 p. (In Russ.).

Маркова В.Д., Кузнецова С.А. Экосистемы как инновационный инструмент роста бизнеса // ЭКО. 2021. № 8. С. 151–168. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-8-151-168

Markova, V.D., Kuznetsova, S.A. (2021). Ecosystems as a Modern Tool for Business Growth. *ECO*. No. 8. Pp. 151–168. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-8-151-168

Музыка Е.И. Методы оценки инвестиционных проектов при венчурном финансировании // Экономика и предпринимательство. 2020. № 11. С. 772–777. DOI: 10.34925/EIP.2020.124.11.151

Muzyko, E.I. (2020). Methods of evaluation of investment projects in venture financing. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. No. 11. Pp. 772–777. (In Russ.).

Обухова Е.А. Многокритериальный подход к оценке инвестиционной привлекательности инновационных проектов // Мир экономики и управления. 2021. № 4. С.103–123. DOI: 10.25205/2542-0429-2021-21-4-103-123

Obukhova, E.A. (2021). Multicriterion approach to the appraisal of innovative projects' investment attractiveness. *World of Economics and Management*. No. 4. Pp. 103-123. (In Russ.).

Обухова Е.А., Родионова Д.А. Методика оценки инвестиционной привлекательности инновационных проектов // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2022. Том 11. № 2. С. 74-83. DOI: 10.24412/2225-8264-2022-2-74-83

Obukhova, E.A., Rodionova, D.A. (2022). Methodology for assessing the investment attractiveness of innovative projects. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionnyh tekhnologij*. Vol. 11. No. 2. Pp. 74–83. (In Russ.).

Унтюра Г.А. Региональная кооперация науки, высшего образования и бизнеса: национальный проект «Наука» // Регион: экономика и социология. 2020. № 3. С. 62–96. DOI: 10.15372/REG20200303

Untura, G.A. (2020). Regional cooperation of science, higher education and business: national project "Science". *Region: ekonomika i sociologiya*. No. 3. Pp. 62–96. (In Russ.). DOI: 10.15372/REG20200303

Bolat, H.B. (2022). Risk Analysis for the Tech Startup Projects with Fuzzy Logic / H. B. Bolat, F. Yaşı, G. T. Temur / Lecture Notes in Networks and Systems. 308. Pp. 671–679.

Capizzi, V., Croce, A., Tenca, F. (2022). Do Business Angels' Investments Make It Easier to Raise Follow-on Venture Capital Financing? An Analysis of the Relevance of Business Angels' Investment Practices. *British journal of management*. No. 33(1). Pp. 306–326.

Cardon, M.S., Mitteness, C., Sudek, R. (2017). Motivational cues and angel investing: Interactions among enthusiasm, preparedness, and commitment. *Entrepreneurship Theory and Practice*. Vol. 41. Pp. 1057–1085.

Ciuchta, M.P., Letwin, C., Stevenson, R., McMahon, S., Huvaj, M.N. (2018). Betting on the coachable entrepreneur: Signaling and social exchange in entrepreneurial pitches. *Entrepreneurship Theory and Practice*. Vol. 42. Pp. 860–885.

Clarke, J.S., Cornelissen, J.P., Healey, M. (2018). Actions speak louder than words: How figurative language and gesturing in entrepreneurial pitches influences investment judgments. *Academy of Management Journal*. Vol. 62. Pp. 335–360.

Colombo, O. (2021). The use of signals in new-venture financing: A review and research agenda. *Journal of Management*. Vol. 47(1). Pp. 237–259.

Dobrowolski, Z., Drozdowski, G. (2022). Does the net present value as a financial metric fit investment in green energy security? *Energies*. Vol. 15(1). No. 353.

Granstrand, O., Holgersson, M. (2020). Innovation ecosystems: A conceptual review and a new definition. *Technovation*. Vol. 90-91. Pp. 1-12.

Islam, M., Fremeth, A., Marcus, A. (2018). Signaling by early stage startups: US government research grants and venture capital funding. *Journal of Business Venturing*. Vol. 33. Pp. 35-51.

Lundvall, B.A. (1992). National Systems of Innovation. Towards the Theory of Innovation and Interactive Learning. *L.: Pinter Publishers*. 317 p.

Mitchell, R., Phaal, R. (2014). Scoring methods for prioritizing and selecting innovation projects. PICMET - Portland International Center for Management of Engineering and Technology, Proceedings: Infrastructure and Service Integration. Pp. 907-920.

Moritz, A., Diegel, W., Block, J., Fisch, C. (2022). VC investors' venture screening: the role of the decision maker's education and experience. *Journal of Business Economics*. No. 92(1). Pp. 27-63.

Nesticò, A., Maselli, G. (2020). Declining discount rate estimate in the long-term economic evaluation of environmental projects. *Journal of Environmental Accounting and Management*. No. 8(1). Pp. 93-110.

Rossi, M., Chouaibi, J., Graziano, D., Festa, G. (2022). Corporate venture capitalists as entrepreneurial knowledge accelerators in global innovation ecosystems. *Journal of Business Research*. Vol. 142. Pp. 512-523.

Trabelsi, D., Siyahhan, B. (2021). Startup cash flows and venture capital investments: A real options approach. *Managerial and Decision Economics*. No. 42(3). P. 737-750.

Zhang S.X., Gao, R., Odeh, N., Leatherbee, M. (2021). A microfoundational model of real options reasoning: The roles of individual search propensity and perceived uncertainty. *Strategic Entrepreneurship Journal*. No. 15(1). Pp. 98-120.

Статья поступила 11.11.2022

Статья принята к публикации 25.11.2022

Для цитирования: Обухова Е.А., Юсупова А.Т. Как увидеть потенциал инновационной разработки: проблемы оценки проектов ранних стадий // ЭЖО. 2023. № 1. С. 99–117. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-99-117

For citation: Obukhova, E.A., Yusupova, A.T. (2023). How We See the Potential of Innovative Development: Problems of Appraising Early Stage Projects. *ECO*. No. 1. Pp. 99–117. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-99-117

Summary

Obukhova, E.A. E-mail: e.obukhova@g.nsu.ru

Novosibirsk State University,

Yusupova, A.T., *Doct. Sci. (Econ.)*. E-mail: Yusupova@ieie.nsc.ru

*Institute of Economics and Industrial Engineering; Novosibirsk State University,
Novosibirsk*

How We See the Potential of Innovative Development: Problems of Appraising Early Stage Projects

Abstract. The paper considers the problems of supporting high-tech innovation projects in the early stages of the life cycle. The Russian innovation ecosystem does not provide sufficient opportunities for their development and promotion. On the one hand, exaggerated requirements imposed on projects during the selection process lead to significant underfunding of the early stages. On the other hand, venture investors are forced to support low-risk, relatively simple projects. Special tools are needed to analyze and evaluate high-tech startups, which are characterized by a high level of uncertainty, impossibility to clearly calculate financial attractiveness, and demonstration of finished products. As such, the authors have developed a methodology based on the analysis of the experience of entrepreneurs, venture and traditional investors, and innovation infrastructure institutions. The methodology involves a wide range of experts, takes into account motivations, priorities, competencies and capabilities of the actor evaluating and selecting the project. The authors present the experience of its application for the assessment of a specific high-tech startup in the field of warehouse logistics.

Keywords: *innovative project; innovation ecosystem; scoring methods of assessment; information asymmetry; signaling*

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-118-132

Венчурное финансирование проектов импортозамещения в России: проблемы и перспективы¹

А.О. БАРАНОВ, доктор экономических наук

E-mail: baranov@ieie.nsc.ru; ORCID: 0000-0001-8597-9788

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН;
Новосибирский государственный университет

Е.И. МУЗЫКО, доктор экономических наук

E-mail: mei927@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2684-6162

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН;
Новосибирский государственный технический университет;

Новосибирский государственный университет

В.Н. ПАВЛОВ, доктор технических наук

E-mail: victor_n_pavlov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3333-4712

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

Аннотация. В деле обеспечения технологической независимости и импортозамещения вопрос инвестиций в инновации – один из ключевых. В статье обозначены проблемы, сдерживающие развитие российского венчурного рынка, и пути их решения. В частности, сделан вывод о необходимости совершенствования имеющейся методологической базы анализа финансовой эффективности инновационных проектов в сфере импортозамещения посредством применения совокупности опционного и нечетко-множественного подходов. Описаны результаты использования предлагаемого метода оценки на примере инновационного проекта импортозамещения в российской парфюмерно-косметической промышленности. Высокий уровень надежности и устойчивости прогнозных оценок показателей эффективности перспективного проекта делает его более привлекательным для инвестирования, а методику оценки этих характеристик полезной как для менеджмента компании, так и для внешних инвесторов, участвующих в его финансировании.

Ключевые слова: венчурное финансирование; импортозамещение; инновационный проект; неопределенность; нечетко-множественный анализ; показатели финансовой эффективности; надежность; устойчивость

---

¹Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект 5.6.6.4. (0260-2021-0008) «Методы и модели обоснования стратегии развития экономики России в условиях меняющейся макроэкономической реальности» № 121040100281-8.

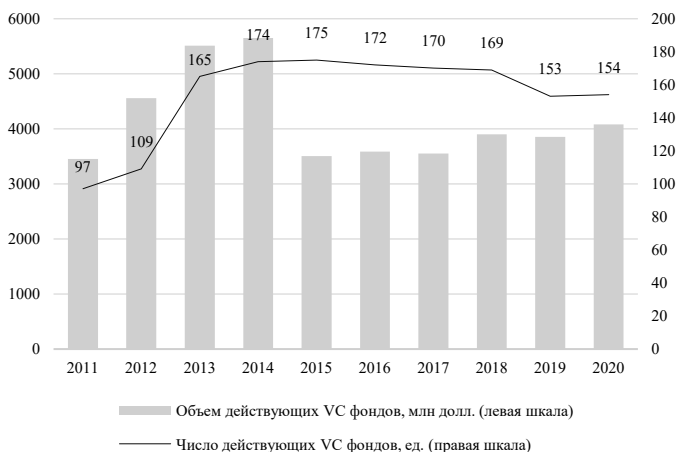
Введение

В условиях санкционных ограничений как никогда возрастает актуальность развития инновационной деятельности в России. Особое значение приобретает необходимость обеспечения технологической независимости, связанной с импортозамещением. Достаточно сказать, что, по оценке специалистов Сибирского отделения РАН, в России часть жизненно важных медицинских препаратов в основном поставляются по импорту, существенная доля светлых нефтепродуктов, включая авиационное и дизельное топливо, производится с использованием импортных катализаторов. Значительная часть комбикормов для сельского хозяйства производится с применением импортных ферментов и ферментных препаратов. Прекращение их использования приведет к росту объемов комбикормов, необходимых для получения того же объема продукции, в 1,5–2 раза, что увеличит затраты в сельском хозяйстве и снизит объемы экспортных поставок зерна, затрагивающие сбалансированность платежного баланса страны. Эти примеры можно множить.

Вопрос инвестиций в инновации становится для страны экзистенциальным. Для ускоренного внедрения инновационных разработок необходимо более активно развивать механизмы инвестирования инновационной деятельности, включая венчурное финансирование. Многие инвесторы не хотят рисковать и вкладывать средства в проекты с неопределённым конечным результатом, достижимым лишь в среднесрочной или долгосрочной перспективе, а неразвитость отечественного законодательства в сфере венчурного финансирования лишь увеличивает риски этих вложений. В результате объемы венчурного финансирования российских инновационных проектов невелики, что тормозит развитие экономики и жизненно важные процессы импортозамещения. Таким образом, эффективное решение вопросов финансирования импортозамещающих инноваций фактически связано с проблемами экономической безопасности страны, обеспечивает условия ее выживания в перспективе.

Анализ динамики развития венчурного финансирования в России

За последние десять лет число венчурных фондов в России выросло более чем в 1,5 раза². При этом после «бума» 2012–2014 гг. на венчурном рынке имел место значительный спад инвестиционной активности: с 2014 г. число действующих фондов и величина инвестиционных ресурсов, которыми они располагают, несколько сократились (рис. 1).

Источник рис. 1–5. Построено авторами на основе статистических данных РАВИ.

Рис. 1. Число и объем действующих венчурных фондов в РФ в 2011–2020 гг.

Объем венчурных инвестиций после почти двукратного падения в 2014 г. восстанавливается крайне медленно и нестабильно (рис. 2). Но радует, что в условиях пандемии (2020 г.) этот показатель составил 139 млн долл. против 131 млн долл. в 2019 г.

² Обзор рынка. Прямые и венчурные инвестиции в России. 2016. СПб: РАВИ, 2016. 99 с.; Обзор рынка. Прямые и венчурные инвестиции в России. 2017. СПб: РАВИ, 2017. 124 с.; Обзор рынка. Прямые и венчурные инвестиции в России. 2018. СПб: РАВИ, 2018. 63 с.; Обзор рынка. Прямые и венчурные инвестиции в России. 2019. СПб: РАВИ, 2019. 86 с.; Обзор российского рынка венчурных инвестиций. Venture Russia 2020. СПб: РАВИ, 2020. 66 с.

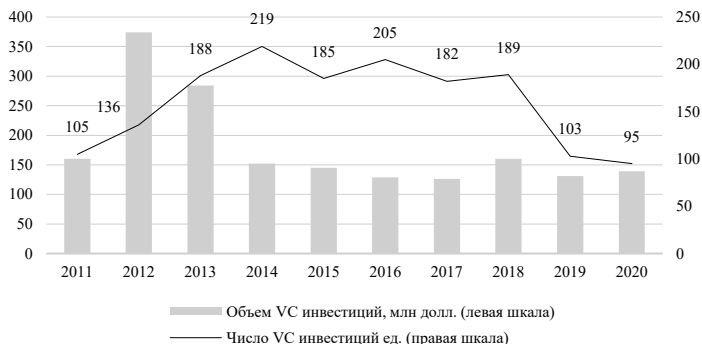

Рис. 2. Число и объем венчурных инвестиций в РФ в 2011–2020 гг.

В отраслевой структуре российских венчурных инвестиции более 80% приходится на сферы информационно-коммуникационных технологий, биотехнологий и медицины. Доля двух последних значительно выросла в 2020 году по сравнению с 2019 г. в условиях пандемии коронавируса (рис. 3).

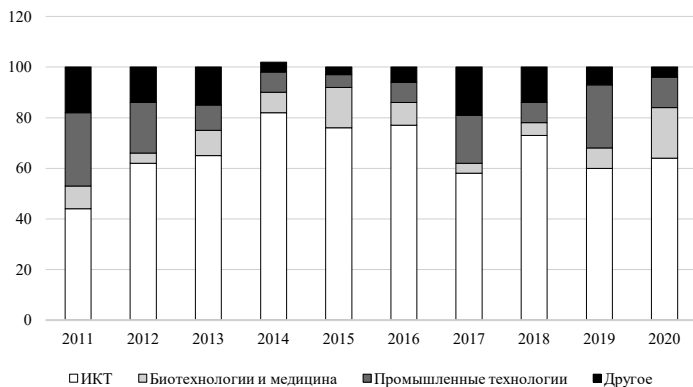

Рис. 3. Распределение объемов венчурных инвестиций по секторам в РФ в 2011–2020 гг., %

В 2020 г. 31% совокупного объема венчурных фондов на российском рынке приходился на фонды с государственным капиталом (рис. 4).

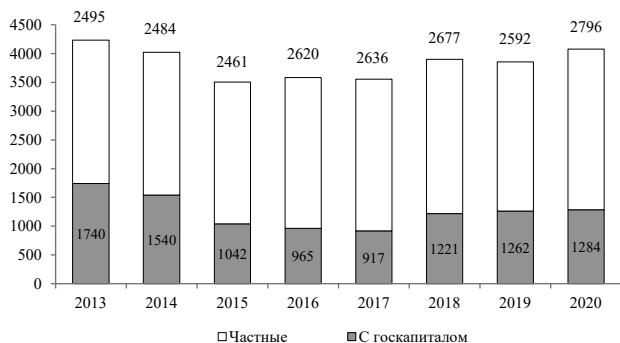

Рис. 4. Объем частных фондов и фондов с государственным капиталом в РФ в 2013–2020 гг., млн долл.

Стадия расширения является преобладающей в общем объеме венчурных инвестиций в России, тогда как доля объемов инвестиций на посевной и начальной стадиях уменьшается с годами (рис. 5).

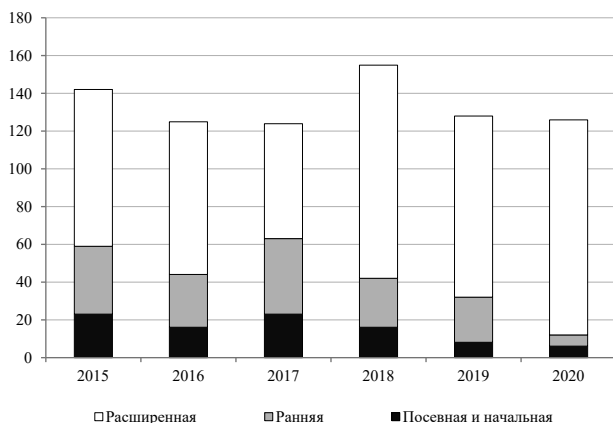

Рис. 5. Объем венчурных инвестиций в РФ по стадиям развития инновационной компании в 2015–2020 гг., млн долл.

Это, скорее всего, отражает общий настрой инвесторов по минимизации рисков. В 2020 г. удельный вес объема венчурных

инвестиций на стадии расширения составил около 90%. Инвестиции на этой стадии увеличились на 19% по сравнению с 2019 г.

Проблемы развития венчурного финансирования в России

С какими проблемами сталкивается российский рынок венчурного капитала сегодня?

1. *Наличие региональной асимметрии в распределении венчурного капитала.* По данным Российской ассоциации венчурного инвестирования, более 70% всех венчурных инвестиций ежегодно направляется в Центральный федеральный округ³. Необходимы разработка и внедрение программы развития венчурного финансирования инновационных проектов в регионах, в особенности там, где сохраняется высокий научно-технический потенциал.

2. *Несовершенство законодательных институтов.* Существующие в России нормативно-правовые акты не отражают особенности высокорискового инвестирования (в законодательстве РФ даже нет четкого определения понятия венчурного финансирования), что снижает интерес венчурных инвесторов к российским проектам. Государство уделяет недостаточно внимания законодательному регулированию в области венчурного финансирования инноваций [Маслов, 2011; Кривошей, Пенчукова, 2014; Паштова, 2020]. Необходима разработка полноценной нормативно-правовой базы, которая бы регулировала венчурную деятельность в России.

3. *Проблемы, связанные с защитой прав интеллектуальной собственности.* Конкуренты ещё на этапе подачи заявки на получение финансирования проекта могут отследить и понять направление инновационных разработок, что повышает риски инвесторов [Диккуль, 2011]. Необходимо обеспечить эффективную защиту прав интеллектуальной собственности со стороны государства.

4. *Недостаточно развита теоретико-методологическая основа для оценки коммерческой эффективности инновационных проектов.* Необходимо развитие методик и подходов, направленных

---

³ Обзор рынка. Прямые и венчурные инвестиции в России. 2019. СПб: РАВИ, 2019. 86 с. [С. 46].

на оценку проектов, финансируемых именно за счет венчурного капитала и учитывающих особенности инвестирования на каждой из стадий развития инновационной компании. Немаловажное значение имеет и подготовка высококвалифицированных специалистов в сфере венчурного предпринимательства, которые смогли бы использовать эти методики и подходы для отбора перспективных инновационных проектов.

5. Слабая развитость инфраструктуры венчурного финансового рынка. Отсутствует информационная поддержка венчурных фондов. Необходимо создание механизма взаимодействия инновационных компаний и потенциальных инвесторов через единый портал, где инвесторы могли бы получать нужную информацию об инновационных проектах в отраслевом и региональном разрезе, а предприниматели – ознакомиться с информацией об уже профинансированных, успешно реализованных проектах хотя бы в агрегированном виде.

6. Не организован сбор и анализ статистических данных по рынку венчурного капитала в России на официальном уровне. Эту функцию мог бы взять на себя Росстат. Сейчас данную деятельность осуществляет Российская ассоциация венчурного инвестирования (РАВИ).

Нечетко-множественный анализ в оценке эффективности инновационного проекта импортозамещения

Венчурное инвестирование сопряжено с повышенными рисками, так как во многих случаях средства вкладываются в предприятия, которые еще только выходят на рынок с новой продукцией или услугами. Повышенные риски предъявляют более высокие требования к инструментам оценки эффективности венчурных проектов, которые должны быть в большей степени ориентированы на учет неопределенности развития бизнеса.

Известны различные способы учета неопределенности при оценке финансовой эффективности инвестиций. Среди них можно отметить детерминированные, вероятностно-статистические модели, экспертные оценки и пр. В последние десятилетия риски, возникающие при инвестиционном проектировании, хеджируются с помощью метода реальных опционов. Его суть состоит в учете возможности принятия решений об изменении

хода выполнения проекта по мере его реализации. Например, на первом этапе развития NPV⁴ проекта может быть отрицательным, но с учетом опциона на рост прибыли в будущем показатели эффективности могут стать приемлемыми для инвестора. Такие возможности принятия «гибких» решений оцениваются путем расчета стоимости опциона, который увеличивает инвестиционную «ценность» проекта и позволяет смягчить недостатки традиционного метода дисконтированных денежных потоков.

Опционный подход повышает управленческую гибкость, что добавляет привлекательности инновационному проекту. Однако он не в состоянии устранить такое существенное ограничение метода NPV, как невозможность адекватно оценить будущие денежные потоки по проекту. Включение нечетко-множественного анализа в оценку эффективности инновационных проектов позволяет уменьшить эту неопределенность.

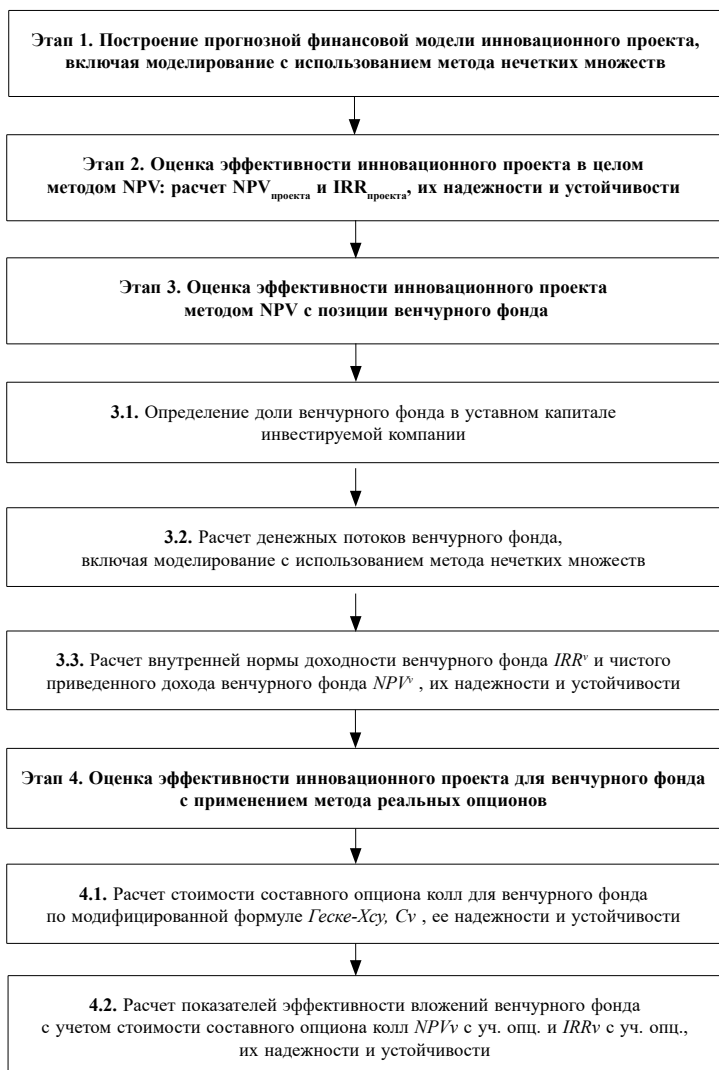
На наш взгляд, комбинирование опционного и нечетко-множественного подходов является одним из перспективных путей совершенствования имеющейся методологической базы анализа финансовой эффективности инновационных проектов в сфере импортозамещения. В одной из предыдущих работ [Баранов и др., 2018] нами была предложена такая методика.

Нечетко-множественный анализ представляет собой один из способов учета и оценки неопределенности. Использование методики нечетких множеств позволяет «раскачивать» входные (экзогенные) показатели инновационного проекта (например, цены на сырье, материалы, выпускаемую продукцию) и оценивать влияние этой вариации на результирующие (эндогенные) показатели – прибыль, показатели эффективности (IRR, NPV и др.). Применяя специальные математические методы, можно оценить *устойчивость* и *надежность* получаемых в расчетах показателей эффективности проекта.

Концептуальную схему данного подхода представим на рисунке 6.

---

⁴ NPV (net present value) – чистая текущая стоимость проекта.

Источник. Построено на основе разработок авторов.

Рис. 6. Схема методического подхода к оценке финансовой эффективности инновационных проектов на основе сочетания нечетко-множественного анализа и концепции реальных опционов

В качестве объекта для анализа мы выбрали инвестиционный проект по организации производства парфюмерно-косметической продукции (различных видов кремов и биологически активных добавок) на основе инновационной рецептуры и передовых технологий (одного из запатентованных соединений германия [Баранов, Музыко, 2021])⁵.

Выбор данного проекта для проведения расчетов в соответствии с предложенным нами методическим подходом обусловлен его инновационностью (а наша методика учитывает особенности реализации высокорисковых проектов), а также нацеленностью на замещение импортной промышленной продукции товаром российского производства, что весьма актуально для сегодняшней экономической ситуации в России. Одним из источников финансирования проекта будут средства внешнего инвестора – венчурного фонда в размере 53 756 тыс. руб. В обмен на это, по согласованию с собственником компании, фонд получит долю в ее уставном капитале в размере 10%.

На каждом из четырех этапов предложенной методики (рис. 6) был выполнен расчет *надёжности* и *устойчивости* прогнозных показателей финансовой эффективности рассматриваемого проекта. Формулы для расчета представлены в ранее опубликованной работе [Баранов и др., 2018. С. 208–209].

Отметим, что обе эти характеристики являются новыми при оценке инновационных инвестиционных проектов и могут быть получены именно благодаря применению нечетко-множественного анализа. Высокая надежность и устойчивость рассчитанных прогнозных оценок могут быть использованы менеджментом компании в качестве аргументов в пользу этого проекта при формировании инвестиционных планов компании, при привлечении внешних инвесторов (бизнес-ангелов, венчурных фондов и пр.) к финансированию проекта.

Термин «*устойчивость*» в экономике интерпретируется нами с точки зрения воздействия на параметры проекта экзогенной переменной: чем меньше она влияет на рассчитанную вариацию эндогенной переменной, тем выше ее устойчивость.

---

⁵ Детальное описание проекта не приводится из соображений сохранения коммерческой тайны и ограниченности объема публикации.

Термин «*надежность*» в технических науках определен достаточно точно, но в приложении к экономическим вопросам у него нет четкого определения. Мы под *надежностью* полученной оценки нечеткого показателя понимаем степень ее отклонения от избранного эталона [Баранов и др., 2018. С. 206]⁶. Чем она выше, тем менее надежна оценка и наоборот. *Большая или меньшая надежность* вычисленных прогнозных значений показателей эффективности инновационного проекта является индикатором качества полученного прогноза и позволяет количественно оценить неопределенность, заключенную в оценках финансовых потоков по проекту.

Для каждого этапа предлагаемой методики сформирован перечень источников неопределенности и соответствующих им «входных» параметров финансовой модели инновационного проекта, известно, на какие «выходные» показатели финансовой модели проекта они повлияют [Там же. С. 194–196].

При апробации методики на примере анализируемого инновационного проекта наше внимание было сосредоточено на таких экзогенных параметрах, как цены на продукцию, на сырье, а также ставка дивидендов, выплачиваемых проинвестированной компанией венчурному фонду. Теоретически можно «раскачивать» и другие экзогенные параметры, в том числе и макроэкономические показатели, что может стать одним из направлений будущих исследований, но в данном случае мы сфокусировались на оценке влияния несистематических рисков и связанных с ними источников неопределенности.

«Раскачка» экзогенных параметров анализируемого проекта выполнялась в пределах $\pm 10\%$. Расчеты проводились при значении показателя отношения цены акции к ожидаемому по ней доходу $P/E = 3$ и ставке дисконтирования потоков венчурного фонда $r = 30\%$.

Результаты расчета *надежности* и *устойчивости* показателей эффективности анализируемого проекта представлены в таблицах 1 и 2.

---

⁶ В указанной работе авторами дано строгое математическое описание понятий устойчивости, надежности и эталона в терминах аппарата нечетких множеств. Мы не приводим его в данной публикации, поскольку это потребовало бы использования достаточно сложного математического инструментария и выходит за рамки целей настоящей статьи.

Таблица 1. Оценка надежности показателей эффективности инновационного проекта по организации производства парфюмерно-косметической продукции, %

Показатель	Надежность $\pm 10\%$		
	вариация базовых цен сырья	вариация базовых цен продукции	вариация базовой ставки дивидендов
NPV проекта в целом	62,64	65,24	-
IRR проекта в целом	62,71	65,24	-
NPV^v венчурного фонда	63,05	65,71	64,98
IRR^v венчурного фонда	62,92	65,87	64,99
NPV^v с учетом опциона	64,20	64,70	64,17
IRR^v с учетом опциона	64,11	63,17	64,28

Таблица 2. Оценка устойчивости показателей эффективности инновационного проекта по организации производства парфюмерно-косметической продукции, %

Показатель	Устойчивость		
	рост цен сырья на 10%	снижение цен продукции на 10%	снижение ставки дивидендов на 10%
NPV проекта в целом	50,81	53,02	-
IRR проекта в целом	50,84	53,02	-
NPV^v венчурного фонда	50,09	51,49	50,34
IRR^v венчурного фонда	50,38	52,11	50,35
NPV^v с учетом опциона	50,07	49,46	56,21
IRR^v с учетом опциона	50,50	49,88	56,61

Согласно проведенным расчетам, надежность оценки показателя NPV проекта в целом выше при вариации базовых цен на продукцию, чем при вариации цен на сырье: $65,24\% > 62,64\%$, иными словами, оценка прогнозного значения показателя NPV проекта в целом при изменении базовых цен продукции меньше отклоняется от эталона (табл. 1). То же самое можно сказать о надежности прогнозной оценки показателя IRR проекта в целом: она также выше при вариации базовых цен на продукцию, чем при вариации цен на сырье: $65,24\% > 62,71\%$.

Надежность оценки показателя чистого приведенного дохода венчурного инвестора (NPV^v венчурного фонда) наибольшая при вариации базовых цен на продукцию ($65,71\%$), наименьшая – при вариации базовых цен сырья ($63,05\%$), а при вариации базовой ставки дивидендов, выплачиваемых венчурному фонду, – средняя из трех полученных значений: $64,98\%$.

Надежность прогноза чистого приведенного дохода венчурного фонда, рассчитанного с учетом стоимости опциона, мало зависит от вариации факторов и находится примерно на уровне около 64%.

Устойчивость показателей эффективности проекта оценивалась в зависимости от изменения трех параметров его финансовой модели: увеличения цен сырья на 10%, снижения цен продукции на 10% и снижения ставки дивидендов, выплачиваемых венчурному фонду на 10% (табл. 2).

Устойчивость NPV^v венчурного фонда при снижении цен на производимую продукцию оказалась выше, чем при увеличении цен на сырье: 51,49% > 50,09%. Иными словами, увеличение цен на сырье сильнее влияет на этот показатель.

Прогнозный показатель чистого приведенного дохода венчурного фонда, вычисленного с учетом стоимости опциона, NPV^v с учетом опциона, оказался наиболее устойчивым при снижении ставки дивидендов на 10% (56,21%). Сильнее всего на него влияет снижение цен на производимую продукцию (устойчивость – 49,46%). При росте цен на используемое сырье устойчивость показателя находится на среднем уровне из трех рассчитанных нами вариаций (50,07%).

Заключение

На основе анализа динамики показателей венчурного инвестирования в статье выделены проблемы, сдерживающие развитие российского венчурного рынка, устранение которых поможет приблизить экономику нашей страны к решению задачи импортозамещения и обеспечению технологического суверенитета. Сделан вывод о необходимости совершенствования имеющейся методологической базы анализа финансовой эффективности инновационных проектов посредством применения совокупности опционного и нечетко-множественного подходов.

С применением предложенной методики проанализированы отдельные параметры эффективности инновационного проекта по организации производства парфюмерно-косметической продукции. Установлено, что оценки основных показателей эффективности анализируемого проекта в целом можно назвать надежными, их устойчивость варьируется в зависимости от изменения различного рода экзогенных переменных. Определено, что возможный рост цен на применяемые инновационной компанией сырье и материалы влияет на показатели эффективности проекта

в целом и с точки зрения венчурного фонда ($NPV_{\text{проекта в целом}}$, $IRR_{\text{проекта в целом}}$; $NPV_{\text{венчурного фонда}}$, $IRR_{\text{венчурного фонда}}$) сильнее, нежели возможное снижение цен на производимую продукцию. Что же касается показателей эффективности, рассчитанных с учетом стоимости опциона, то в этом случае ситуация меняется: рост цен на сырье оказывает примерно такое же влияние на устойчивость, как и снижение цен на продукцию. Наибольшую устойчивость показатели эффективности демонстрируют при снижении ставки дивидендов.

Высокий уровень надежности и устойчивости рассчитанных прогнозных оценок показателей эффективности инновационного проекта может быть полезным аргументом при принятии решения о реализации проекта, привлечении внешнего финансирования для этих целей.

Литература

Баранов А. О., Музыко Е. И. Оценка эффективности инновационного проекта в парфюмерно-косметической промышленности // Финансовый бизнес. 2021. № 10 (220). С. 181–185.

Баранов А. О., Музыко Е. И., Павлов В. Н. Оценка эффективности инновационных проектов с использованием опционного и нечетко-множественного подходов: монография. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2018. 336 с.

Дикунь Л. О. Проблемы и перспективы венчурного инвестирования инновационной деятельности в российской экономике // Бизнес в законе. 2011. № 3. С. 277–282.

Кривошей В. А., Пенчукова Т. А. Анализ рынка проектного и венчурного финансирования, проблемы и перспективы их развития в России // Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. 2014. № 10. С. 47–63.

Маслов М. П. Риск оправдывает средства: некоторые проблемы развития венчурного бизнеса в России // Креативная экономика. 2011. № 7. С. 3–9.

Паитова Л. Г. Правовое регулирование процессов венчурного финансирования инновационной деятельности в России // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 1. С. 51–58.

Статья поступила 29.09.2022

Статья принята к публикации 06.10.2022

Для цитирования: Баранов А. О., Музыко Е. И., Павлов В. Н. Венчурное финансирование проектов импортозамещения в России: проблемы и перспективы // ЭКО. 2023. № 1. С. 118–132. DOI: 10.30680/ECC00131-7652-2023-1-118-132

Summary

*Baranov, A.O., Doct. Sci. (Econ.). E-mail: baranov@ieie.nsc.ru
Institute of Economics and Industrial Engineering of SB RAS;
Novosibirsk State University,*

Muzyko, E.I., *Doct. Sci. (Econ.)*. E-mail: mei927@mail.ru

Institute of Economics and Industrial Engineering of SB RAS;

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk State University,

Pavlov, V.N., *Doct. Sci. (Techn.)*. E-mail: victor_n_pavlov@mail.ru

Institute of Economics and Industrial Engineering of SB RAS, Novosibirsk

Venture Capital Financing of Import Substitution Projects in Russia: Problems and Prospects

Abstract. Investment in innovation is one of the key issues in ensuring technological independence and import substitution. The paper identifies the problems hindering the development of the Russian venture capital market and ways to solve them. In particular, the authors conclude that it is necessary to improve the existing methodological framework for analyzing the financial efficiency of innovative projects in the field of import substitution through the use of a combination of optional and fuzzy set approaches. The paper describes the results of using the proposed method of assessment on the example of an innovative import substitution project in the Russian perfume and cosmetics industry. The high level of reliability and stability of the predicted estimates of performance indicators makes the methodology useful for both company management and for external investors involved in the financing of the promising project.

Keywords: *Venture financing; import substitution; innovation project; uncertainty; fuzzy-multiple analysis; financial performance indicators; reliability; sustainability*

References

Baranov, A., Muzyko, E. (2021). Evaluation of the effectiveness of an innovative project in the perfumery and cosmetics industry. *Finansovyy biznes*. No. 10. Pp. 181–185. (In Russ.).

Baranov, A., Muzyko, E., Pavlov, V. (2018). *Evaluation of the effectiveness of innovative projects using option and fuzzy sets approaches*. Novosibirsk, IEIE of the SB RAS. 336 p. (In Russ.).

Dikul, L. (2011). Problems and prospects of venture investment of innovative activities in the Russian economy. *Biznes v zakone*. No. 3. Pp. 277–282. (In Russ.).

Krivoshey, V., Penchukova, T. (2014). Analysis of the project and venture financing market, problems and prospects of its development in Russia. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. No. 10. Pp. 47–63. (In Russ.).

Maslov, M. (2011). The risk justifies the means: some problems of venture business development in Russia. *Kreativnaya jekonomika*. No. 7. Pp. 3–9. (In Russ.).

Pashtova, L. (2020). Legal regulation of the venture financing processes of innovative activities in Russia. *Imushhestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii*. No. 1. Pp. 51–58. (In Russ.).

For citation: Baranov, A.O., Muzyko, E.I., Pavlov, V.N. (2023). Venture Capital Financing of Import Substitution Projects in Russia: Problems and Prospects. *ECO*. No. 1. Pp. 118–132. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-118-132

Машинно-тракторные станции Западно-Сибирского края в 1930-е гг.

В.Б. ЛАПЕРДИН, кандидат исторических наук
E-mail: laperdin2011@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4827-8741
Институт истории СО РАН, Новосибирск

Аннотация. В статье рассматривается ряд проблем, связанных с развитием сети машинно-тракторных станций на территории Западно-Сибирского края в 1930-е гг. Представлена их количественная и качественная характеристика, показана роль в аграрной политике государства на примере хлебозаготовок. Расширение сети МТС на территории региона происходило неравномерно, без увязки с необходимой инфраструктурой, в частности – машинно-тракторных мастерских. Данная ситуация возникла по причинам лоббирования районными властями своих интересов с целью строительства новых станций, особенно в годы первой пятилетки, а также отсутствия общей концепции развития МТС у планирующих организаций.

Ключевые слова: машинно-тракторные станции; аграрная политика; хлебозаготовки; колхозы; Сибирь; первая пятилетка

Введение

Курс на сплошную коллективизацию, взятый сталинским руководством в 1929 г., кардинально изменил аграрный сектор экономики СССР. Планировалось не просто объединение отдельных крестьянских дворов в общественные хозяйства, а полная техническая модернизация всего аграрно-промышленного комплекса. Однако экономически слабые колхозы не могли себе позволить приобретение и обслуживание дорогостоящей техники, часть которой к тому же использовалась сезонно. Поэтому правительство приняло решение создать специальные прокатные пункты – машинно-тракторные станции (МТС), оказывающие широкий спектр услуг на договорных началах. Если на первом этапе они не имели большого хозяйственного значения, то к концу 1930-х гг. выступали в качестве важного фактора развития аграрного сектора экономики.

Актуальность исследования определяется не только слабой изученностью ряда затрагиваемых в статье проблем, но и состоянием современного сельского хозяйства страны. Упразднённые в 1958 г. машинно-тракторные станции вновь появились в деревне в 1990-е гг. Впрочем, они лишь отдаленно напоминают

по своей форме МТС 1930–1950-х гг. Сегодня их появление связано не только с существованием малоприбыльных агроформирований и крестьянских хозяйств, стремящихся снизить издержки владения дорогостоящей техникой. Аналогичные схемы используют и высокорентабельные агрохолдинги, которые таким образом оптимизируют постоянные затраты. В СССР машинно-тракторные станции работали на основе операционного лизинга, являющегося важной формой организации и современного сельхозпроизводства. Изучение данного исторического опыта может быть полезно в сегодняшней практике.

Хозяйственное значение МТС объясняет внимание к ним со стороны советских ученых-экономистов [Вопросы экономики МТС., 1955]. Впоследствии к исследованию данной тематики подключились и историки (см.: [Крестьянство Сибири., 1983. С. 274–279; Аграрная политика., 1985] и др.). Впрочем, до сих пор существует определённый хронологический перекося в исследованиях машинно-тракторных станций. Наиболее изучено их состояние в 1950-е гг., что объясняется поиском путей реформирования сельского хозяйства СССР в период нахождения у власти Н.С. Хрущева (см.: [Крестьянство Сибири., 1985. С. 275–280; Томилин, 2021] и др.).

Исследований по 1930-м гг. относительно немного, тем не менее в них можно выделить отдельные подходы, в основном обусловленные авторскими позициями и концепциями аграрного развития СССР в те годы. Для И.Е. Зеленина, например, МТС играют в первую очередь роль хозяйственно-политической организации, осуществлявшей политический контроль над советской деревней, и вместе с тем выступают в качестве средства выкачивания ресурсов из села для нужд индустриализации [Зеленин, 2006. С. 251–257]. В концепции капитализации российской деревни в 1930–1980 гг. М.А. Безнина и Т.М. Димони машинно-тракторные станции являются каналом государственных вливаний материальных средств в колхозное производство и наращивание капитала вне основных фондов колхозов, что позволяло государству сохранять контроль над ними. Выполнявшиеся МТС работы авторы считают формой натурального кредитования с последующей оплатой натуральными продуктами [Безнин, Димони, 2009. С. 48–49, 119]. По мнению уральского историка Г.Е. Корнилова, использующего в своих исследованиях парадигму модернизации, посредством МТС происходили

интенсификация сельскохозяйственного производства и переход от конно-ручной тяги к механизации основных трудоемких операций [Корнилов, 2018. С. 19].

Несмотря на разницу подходов, нельзя сказать, что современные историки ведут дискуссию по поводу сущности машинно-тракторных станций: были ли они способом политического контроля над сельским населением, каналом выкачивания сельскохозяйственных ресурсов или очагами технологической модернизации в деревне. Очевидно, что МТС, выполнявшие разнообразные экономические, политические, социальные и даже культурные задачи, включали в себя все вышеперечисленные функции. Акцент на одной из них зависит исключительно от того, с точки зрения какой из концепций тот или иной автор рассматривает МТС. Важно понимать, что данные подходы не являются взаимоисключающими. Политический и экономический «сверхконтроль» МТС над колхозами, позволявший изымать ресурсы из сельского хозяйства, – факт общепризнанный, и он нисколько не противоречит концепции капитализации или модернизации. Вместе с тем сверхнормативное изъятие ресурсов в виде натуроплаты МТС за оказанные ими услуги также не оспаривается современными исследователями, оно стало настоящим бичом для колхозов, больше терявших, а не получавших от сотрудничества со станциями.

В этом плане интересна работа В. Н. Томилина, соединяющего основные положения различных авторов относительно роли МТС и рассматривающего их в качестве системообразующей структуры колхозного производства. По его мнению, они не просто аккумулировали технологический потенциал машинно-тракторного парка, но и служили проводником политики советского государства в сельской местности, являясь составной частью механизма выкачивания ресурсов из деревни. Именно благодаря МТС были созданы необходимые материально-технические предпосылки функционирования колхозного строя [Томилин, 2009. С. 69]. Точка зрения автора статьи близка к излагаемой В. Н. Томилиным позиции, задачей же является исследование ранее не затронутых в историографии сюжетов: проблем организации МТС в годы первой пятилетки и географии развития сети станций на территории Западной Сибири в 1930-е гг. Кроме того, будут даны характеристики количественного и качественного изменения сети МТС на территории края, на примере

хлебозаготовительной политики государства показана роль машинно-тракторных станций в изъятии сельскохозяйственной продукции из деревни.

Общая характеристика МТС в Западно-Сибирском крае

Строительство машинно-тракторных станций в Западно-Сибирском крае началось в конце 1929 г. и относительно широко развернулось в 1931 г., когда их численность за год увеличилась с девяти до 75¹. На первых порах они не принимали активного участия в хозяйственном освоении региона. В это время строились необходимые здания, шла передача имущества от колхозов², завоз техники в край только начался, и многие машинно-тракторные станции работали в том числе на конной тяге. Поначалу парк формировался в основном за счет импортной техники (американской и немецкой), так как отечественная промышленность не могла удовлетворить потребности сельского хозяйства. Однако уже в ходе первой пятилетки заработали Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, располагавшийся в Ростове-на-Дону комбайновый завод «Ростсельмаш» и другие предприятия, после чего в МТС и совхозы в больших объемах стала поступать отечественная продукция.

В начале своей работы МТС больше выполняли пропагандистские функции, чем служили реальными центрами механизации деревни. Тем не менее к середине 1931 г. численность тракторного парка составляла уже 3247 единиц техники³, а количество станций к концу года достигло 74, через год (в 1932 г.) оно удвоилось – 148⁴. Данные таблицы отражают динамику развития сети МТС в Западно-Сибирском крае в 1930-е гг. (выбраны годы завершения первой – 1932 г., и второй пятилеток – 1937 г. и конца десятилетия – 1939 г.).

Как показывают данные таблицы, в конце первой пятилетки произошло снижение урожайности и валового сбора. Это стало

---

¹ Социалистическое строительство СССР (Стат. ежегодник). М., 1935. С. 313.

² Имущество передавалось МТС фактически на безвозмездной основе. Первоначально планировалось, что колхозы станут собственниками МТС после возмещения государству затрат на их организацию, однако впоследствии правительство отказалось от данной идеи. Покрывать понесенные убытки колхозам государство не стало.

³ Там же.

⁴ Там же.

отражением общего кризиса сельского хозяйства, вызванного политикой государства: коллективизацией, раскулачиванием, увеличением налогового обложения единоличных крестьянских хозяйств и сверхнормативным изъятием продукции колхозов, подрывавшим их производственную базу. Социальным последствием кризиса стал голод, обусловивший массовую смертность населения и бесконтрольную миграцию из села в город.

Динамика развития МТС в Западно-Сибирском крае в 1930-е гг.

Показатель	1930	1932	1937	1939
Посевные площади зерновых, тыс. га	5922	6359	8530	8818
Валовой сбор, млн ц	54,2	52,1	126,9	117,1
Урожайность, ц/га	9,4	6,4	12,4	11,1
Численность МТС	9	148	415	447
Процент колхозов, обслуживаемых МТС	н/д	27,9	71,0	н/д
Процент посевной площади колхозов, обслуживаемых МТС, к посевной площади всех колхозов	6,4	53,6	85,6	н/д
Техника МТС:				
тракторы	346	5659	25975	27592
комбайны	0	240	10742	13481

Источник. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 783. Л. 768–769; Социалистическое строительство СССР (Стат. ежегодник), 1935 ЦУНХУ ГОСПЛАНА СССР – ВО СОЮЗОРГУЧЕТ, М., 1935. С. 312–313; Колхозы во второй Сталинской пятилетке [Текст]: Стат. сборник / Центр. упр. нар.-хоз. учета Госплана СССР. М.; Ленинград: Госпланиздат, 1939 (Калуга). 24–26 с.; Сельское хозяйство союза ССР [Текст]: (Стат. справочник) / Под ред. И. В. Саутина; Центр. упр. нар.-хоз. учета Госплан СССР. М.: Госпланиздат, 1939. С. 8–9; 15–16; МТС во второй пятилетке [Текст]: [Стат. мат.-лы] / Центр. упр. нар.-хоз. учета Госплана СССР. М.; Ленинград: Госпланиздат, 1939 (Калуга). С. 12. [Крестьянство Сибири, 1983. С. 278; *Ильиных*, 2022. С. 74–75, 148].

Будучи одним из каналов выкачивания сельскохозяйственных ресурсов из деревни, машинно-тракторные станции внесли свой горький вклад в создание предпосылок голода. Впрочем, их участие было весьма ограниченным. До 1933 г. расчёты с МТС производились в смешанной натурально-денежной форме, и только с 1933 г. приобрели чисто натуральный характер. На первых же порах денежные расчеты преобладали, и экономически слабые колхозы влезали в огромные долги. Только за 1930–1931 гг. в Западно-Сибирском крае они задолжали МТС 5,6 млн руб.⁵ Финансовая нагрузка оказалась столь велика, что в 1935 г. они

⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 305. Л. 276.

оставались должны 7 млн руб. за работы, выполненные МТС до 1933 г.⁶ Именно поэтому правительство решило перейти на натуральный характер расчета (по единым утвержденным ставкам, в определенном проценте от урожая), что, впрочем, было выгодно государству – натуроплата МТС стала важным каналом получения дешевой сельскохозяйственной продукции. Таким образом, машинно-тракторные станции хотя и имели негативное влияние на финансовое состояние колхозов, на их продовольственное положение в годы первой пятилетки повлияли слабо. Однако именно они помогали местным органам власти вывозить продукцию сельхозартелей в счёт обязательных поставок государству и тем самым косвенно способствовали усугублению продовольственного кризиса.

Слабость и низкая эффективность районных органов власти в период сельскохозяйственного кризиса побудили правительство скорректировать свою политику в отношении деревни. В частности, по итогам работы Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 января 1933 г. были созданы чрезвычайные органы управления сельским хозяйством – политотделы МТС и совхозов. Основными их целями стали массово-политическая работа в колхозах и совхозах, а также их организационно-хозяйственное укрепление. Сельхозарттели при этом утратили последние остатки экономической самостоятельности.

Политотделы вторгались во все сферы колхозной жизни: занимались планированием производства, ведением хозяйства, внедрением агротехнических новшеств, распределением трудодней между колхозниками, поддержанием дисциплины, подготовкой колхозных кадров и многим другим. Фактически они регламентировали всю колхозную деятельность, широко применяя административно-репрессивные методы. Обратной стороной их работы стали «чистки» колхозов (т.е. исключения колхозников за хозяйственные нарушения или по политическим мотивам).

Некоторые историки считают, что политотделы МТС сыграли позитивную роль в ослаблении кризиса сельского хозяйства СССР, вызванного коллективизацией, так как создали условия для стабилизации и улучшения основных звеньев колхозного производства [Кондрашин, Мозохин, 2017. С. 280]. Очевидно, такое же мнение было и у тогдашнего партийного руководства:

---

⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 690. Л. 45.

политотделы МТС были упразднены по решению Пленума ЦК ВКП(б) 28 ноября 1934 г., посчитавшего, что они выполнили свою задачу.

За годы второй пятилетки (1933–1937 гг.) численность МТС выросла более чем в два раза. Увеличились доля обслуживаемых ими колхозов – до 71%, и вместе с ней – доля обрабатываемых посевных площадей в общем колхозном фонде (до 85,6%). Заметно повысилась техническая оснащённость сельского хозяйства, особенно комбайнами. Одновременно с этим снижалось значение рабочего скота в сельском производстве. В 1937 г. в структуре энергоресурсов МТС Западной Сибири он занимал 32%, в том числе в Новосибирской области – 43,2%, в Омской – 29,9% и в Алтайском крае – 26,2%⁷. Рост посевных площадей в Западной Сибири сопровождался расширением сети МТС и её насыщением новой техникой. Вместе с тем, как показывают данные таблицы, выросли урожайность и валовой сбор⁸.

В общем и целом сеть МТС в Западно-Сибирском крае развивалась в русле тенденций, характерных и для других зерновых регионов страны. Но определённые отличия всё же имели место, в первую очередь – количественные. Южные районы СССР, имея земли более высокой плодородности, несколько опережали Сибирь в развитии МТС и механизации сельского хозяйства. Так, если к концу 1933 г. в Западной Сибири насчитывалось 194 МТС с 8729 тракторами, то в Северо-Кавказском крае и Крыму – 353 МТС с 17388 тракторами. В последующие годы непропорциональность развития МТС между этими регионами несколько снизилась: восточным районам стали уделять больше внимания. К концу 1937 г. в Северном Кавказе и Крыму располагались 517 МТС с 34564 тракторами⁹ (в Сибири 415 и 25975 соответственно). Ещё одной особенностью Западной Сибири было отсутствие мощной промышленной базы, способной полностью обеспечивать потребности сельского хозяйства. Многие виды техники и комплектующие сюда приходилось

⁷ Колхозы во второй сталинской пятилетке: Стат. сборник. М., 1939. С. 31.

⁸ Их некоторое снижение в 1939 г. по сравнению с периодом окончания второй пятилетки объясняется не уменьшением эффективности сельского хозяйства или МТС, а погодными условиями. 1937–1938 гг. стали для Сибири наиболее благоприятными в климатическом плане, что позволило собрать рекордный за все десятилетие урожай.

⁹ Колхозы во второй сталинской пятилетке. Стат. сборник. М., Ленинград: Госпланиздат, 1939. С. 24.

завозить из европейской части страны. Поставки постоянно опаздывали к началу очередной сельскохозяйственной кампании, что приводило к срыву выполнения планов и МТС, и сельхозпроизводителей.

Государство изымало сельскохозяйственную продукцию в ходе заготовительных кампаний. Наиболее важной из них были хлебозаготовки, которые включали в себя обязательные поставки колхозов, единоличных крестьянских хозяйств и совхозов, а также натуроплату МТС. В результате развития сети МТС, накопления в них техники, расширения зоны деятельности станций на новые колхозы, и, как следствие, роста обрабатываемой пашни, а также законодательных изменений типовых ставок за услуги МТС, объемы натуральной оплаты постепенно увеличивались, как и ее доля в централизованных заготовках¹⁰. Если в заготовительную кампанию 1933/34 г. она составляла в Западно-Сибирском крае 15,2%, то к 1939 г. в Алтайском крае – 57,4%; в Новосибирской области – 48,7%; в Омской – 53,9% [Ильиных, Лапердин, 2020. С. 499–502]. Таким образом, к концу десятилетия натуроплата МТС превратилась в важнейший источник получения хлеба государством.

При этом, хотя доля обязательных поставок государству сокращалась, общий уровень податного обложения колхозов практически не изменился по причине постоянно увеличивающихся размеров натуроплаты МТС. В целом такой способ изъятия товарной продукции у колхозов вписывался в государственную налоговую политику, направленную на перераспределение ресурсов из сельского хозяйства в промышленность и развитие городов.

Наравне с заготовками сельхозпродукции, закупкой зерна потребительской кооперацией (хлебозакупом), натуральным обложением единоличных крестьянских хозяйств, не вступивших в колхозы, и личных подсобных хозяйств колхозников, натуроплата МТС была разновидностью натуральной подати. Рассматривать её можно именно как подать, т.е. примитивную форму налога, объектом обложения которого является не доход, а человек или отдельные виды имущества. В случае

---

¹⁰ В централизованные заготовки кроме натуроплаты МТС входили зернопоставки колхозов и единоличных крестьянских хозяйств, хлебодача совхозов и возврат натуральных ссуд государству.

с натуроплатой этим имуществом становились колхозные посе­вы, обрабатываемые техникой МТС. Таким способом государство отчуждало натуральный продукт, а не деньги, полученные от его продажи, что было выгодней, и позволяло концентрировать в руках правящего режима необходимые для индустриализации ресурсы (подробнее об этом см. [Ильиных, 2004])¹¹.

Развитие сети МТС на начальной стадии создания

Изначально механизация деревни должна была проходить при активном участии сельских жителей. Согласно Постановле­нию СНК СССР от 30 декабря 1929 г.¹² строительство машинно-тракторных станций производилось при наличии взносов крестьянского населения в размере не менее 25% их стоимости. Эти вложения могли осуществлять коллективные хозяйства, сельскохозяйственные производственные объединения, а также сами крестьяне. Они приобретали акции Трактороцентра¹³ или формировали специальные неделимые капиталы колхозов и кооперативных объединений для организации МТС. Размер взносов зависел от экономического положения организаций или хозяйств. Например, в 1929–1930 гг. от 3 до 5 руб. за гектар земли, подлежащей тракторной обработке. В оплату принимались также тракторные обязательства¹⁴, которые выпускало Всесоюзное автомобильно-тракторное объединение (ВАТО) для получения задатков под тракторы, производимые на заводах СССР или ввозимые из-за границы. Обязательства распространяли среди коллективных хозяйств, сельскохозяйственных кооперативных организаций, членов АО Трактороцентр, машинно-тракторных станций. Последним предписывалось государством покупать обязательства ВАТО, для получения сельскохозяйственной техники¹⁵.

---

¹¹ Более подробно об этом см. [Ильиных, 2004].

¹² Собрание законов СССР. 1930. № 2. Ст. 16.

¹³ Трактороцентр – организованное решением Совета народных комиссаров СССР от 8 мая 1929 г. акционерное общество Всесоюзный центр машинно-тракторных станций, контролировавший деятельность МТС. В состав его учредителей входили Наркомзем, ВСНХ СССР, Наркомвнуторг и ряд других хозяйственных структур. Формально являвшийся акционерным обществом, фактически Трактороцентр был государственной организацией. По мере роста сети МТС и усложнения их функций, потребовалась реорганизация Трактороцентра, вошедшего в состав Народного комиссариата земледелия СССР в 1932 г.

¹⁴ Собрание законов СССР. 1930. № 2. Ст. 15.

¹⁵ Там же.

На протяжении 1930–1931 гг. приобретение акций Трактороцентра было обязательным для колхозов и крестьянских хозяйств и превратилось в форму дополнительного денежного обложения деревни. Западно-Сибирский краевой исполнительный комитет развёрстывал по отдельным районам задания по сбору средств. От выполнения этих заданий зависела оценка эффективности работы для местных органов власти, оно же было неременным условием для организации машинно-тракторной станции в районе. Между тем сами крестьяне не стремились отдавать кровно нажитое ради смутной перспективы увидеть в своём селе трактор. Сбор средств регулярно отставал от намеченных сроков, в результате многие районы не справлялись с возложенными на них обязательствами.

Несмотря на это государство в конце 1930 г. продолжало требовать от крестьян участия в организации МТС. Постановление Совета народных комиссаров СССР от 27 декабря 1930 г.¹⁶ констатировало, что строительство сети МТС может быть осуществлено только при участии сельского населения. По сути, для крестьян, как и колхозов, вкладывание личных средств в будущее строительство МТС стало квазианалогом, пусть и целевым, от уплаты которого они всячески пытались уйти.

Постановления правительства не могли стимулировать денежные сборы. В резолюции первого краевого совещания районных МТС, состоявшегося в январе 1931 г., оговаривалось, что государство только лишь помогает строительству машинно-тракторных станций, которое является первоочередной задачей коллективизированного населения¹⁷. Подобного рода решения регулярно принимались краевыми организациями, однако исправить плачевное положение дел они не могли. Уже через несколько месяцев, 26 апреля 1931 г., Западно-Сибирский крайком в своем постановлении констатировал неудовлетворительный ход сбора средств на акции Трактороцентра. И предупреждал местные власти, что организация в их районах новых МТС полностью зависит от объёмов поступления денежных вложений населения¹⁸.

По мере расширения сети МТС государство требовало от населения увеличения вложений. В 1932 г. планировалось собрать

---

¹⁶ Собрание законов СССР. 1931. № 02. Ст. 28.

¹⁷ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 147. Л. 7 об.

¹⁸ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 154. Л. 37 об.

с колхозов и единоличников 250 млн руб., что почти равнялось размеру акционерного капитала Трактороцентра на тот момент (300 млн руб.). Впрочем, последний предполагалось увеличить до 1 млрд 150 млн руб. Крестьянство должно было оплатить 22% суммы средств, затраченных на строительство машинно-тракторных станций¹⁹. Остальное финансировалось из государственных источников через Трактороцентр. Тот лишь формально считался акционерным обществом, а фактически был госорганизацией.

При этом государство вкладывало средства в механизацию сельского хозяйства при условии их дальнейшего возврата. Первоначально планировалось, что в течение трех лет МТС перейдут в собственность колхозов после погашения ими вложенных государством средств (об этом говорилось в Постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г.) [Крестьянство Сибири., 1983. С. 275.]. Впоследствии правительство отказалось от этой идеи. С одной стороны, широко развернувшееся строительство машинно-тракторных станций было не по карману деревне, а крестьяне старались увильнуть от уплаты взносов. С другой – МТС стали значимым источником получения сельскохозяйственной продукции, и лишаться его, передавая технику станций во владение колхозам, было нецелесообразно. Вместе с тем, оставив за собой полное право распоряжаться МТС, государство принимало на себя все расходы по их организации и содержанию, что было окончательно утверждено в конце 1932 г. Впрочем, идея передачи техники МТС во владение колхозам не ушла бесследно. Её реализация началась значительно позже – в 1958 г., уже в совершенно иных социально-экономических условиях.

Территориальное размещение МТС

Разработкой плана строительства новых МТС занимались как региональные организации (краевые и областные земельные комитеты), так и Центр. Совнарком СССР утверждал в народно-хозяйственном плане общее количество станций, намеченных к открытию в новом году, Наркомат земледелия устанавливал контрольные цифры по периодам (к весенней, паровой, уборочной и зяблевой кампаниям) с разбивкой по отдельным регионам. Местные власти определяли конкретные районы и точки организации машинно-тракторных станций, после чего их проверяли

---

¹⁹ ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 154. Л. 37 об. Ст. 206.

сотрудники комиссариата земледелия, выносившего свое решение на окончательное утверждение Совету народных комиссаров²⁰.

Выделение необходимых для начала строительства средств предполагало утверждение разработанных на местах планов, но это не исключало возможность их корректировки по ходу исполнения, что порой вызывало конфликты. К примеру, в начале 1937 г. Народный комиссариат земледелия СССР настаивал на организации Высокоярской МТС в Нарымском округе, тогда как Западно-Сибирский крайком предлагал вместо неё создать дополнительную станцию в районе Кулундинской степи. Однако план строительства был уже утвержден Советом народных комиссаров, и Наркомат земледелия не хотел его изменять. В дело пришлось вмешаться первому секретарю Западно-Сибирского крайкома Р.И. Эйхе, отправившему телеграмму народному комиссару земледелия М.А. Чернову, где он обосновывал актуальность организации дополнительной станции на юге края²¹. В итоге Р.И. Эйхе удалось отстоять строительство станции в Знаменском районе.

На географию размещения МТС влияли и представители районных органов власти, добивавшиеся организации новых станций в нужных пунктах. Это повышало хозяйственное значение их районов в общей структуре сельского хозяйства региона и добавляло определённого «веса» перед лицом как партийного руководства, так и соседей – других местных органов власти. Особое значение подобное лоббирование приобрело в начале 1930-х гг., когда МТС еще были в новинку.

Так, руководитель Троицкого райкома Лескова писала в 1930 г. секретарю Западно-Сибирского крайкома М.В. Зайцеву с целью отстоять в их районе строительство МТС, которое было отложено из-за слабого сбора средств у населения для организации станции. Райком уже начал подготавливать кадры и провел несколько совещаний с совработниками и местным активом. Открыть МТС стало делом принципа для Лесковой, не желавшей ударить в грязь лицом перед своими подчиненными. При этом она ссылаясь на личную договоренность с уполномоченным Трактороцентра по Западно-Сибирскому краю Ф.М. Ткаченко²².

²⁰ Собрание законов СССР. 1933. № 57. Ст. 334.

²¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 607. Л. 417.

²² ГАНО. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 56. Л. 50–51.

Подобное вмешательство в план организации новых станций негативно отражалось на их эффективности. Было немало нареканий в части привязки сети МТС к ремонтным мастерским, нередко новые станции находились в удалении от баз снабжения горючим и колхозных полей, в стороне от нормальных дорог. Эти и многие другие недостатки во многом объясняются недальновидными действиями районных властей, которые стремились открыть новую МТС на своей территории, не задумываясь о её обеспечении.

Впрочем, далеко не всегда у районных работников находились высокопоставленные заступники, а их предложения могли не соответствовать планам регионального руководства. Конечное решение в любом случае принимало Западно-Сибирское краевое земельное управление при одобрении Народного комиссариата земледелия СССР. Именно они выработывали план развития сети МТС, и без их одобрения новые станции не строились. Районным властям могли отказать в их прошении.

В 1936 г. руководство Солонешенского района решило воспользоваться передачей части совхозных земель в пользование колхозов и этим обосновало необходимость строительства дополнительной МТС для полной механизации района. Данное предложение встретило отпор со стороны земельного управления – площадей, отрезаемых от совхозов, было недостаточно, а организация еще одной станции в горном районе требовала дополнительной технической проработки. К тому же желание районных властей шло вразрез с планами краевых организаций, в 1936 г. делавших упор на механизацию северных и восточных районов²³.

Несмотря на бурный рост сети и парка МТС на территории края, ни центральные, ни местные организации не имели долгосрочного проекта ее развития. По сути, планирование было ежегодным и зависело от лоббистских усилий районов и общих понятий о справедливости распределения. Отсутствие единого проекта стало причиной множества проблем, с которыми приходилось сталкиваться дирекции станций. Отдаленное расположение топливных складов и мастерских капитального ремонта, плохое качество дорог, разливы рек в весенний период, затрудняющие передвижение техники и пр. Дислокация машинно-тракторных мастерских (МТМ) и размещение в них ремонтного оборудования слабо коррелировали с расположением

---

²³ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 11..Д. 56. Л. 50–51.

МТС, вследствие чего отмечалась чрезмерная загрузка одних мастерских и недогруженность других. Часть МТС находилась слишком далеко от мастерских, что затрудняло доставку сломанной техники.

Особенно тяжелое положение сложилось в районах Барабинской степи в 1937 г.: «МТС этой зоны наиболее удалены от ремонтных баз. Например, Осинцевская – 120 км, Меньшиковская – 120, Тартасская – 250, Северная – 200, Селищенская – 180 и т.п.»²⁴. Для сравнения необходимо отметить, что в это же время 160 МТС края находились в пределах 25 км от ремонтных мастерских²⁵.

Проверкой состояния ремонтной базы МТС в Западно-Сибирском крае в 1937 г. было установлено, что «организация МТС в крае проводилась без перспективного плана, рассчитанного на ряд лет в порядке установленной очередности, а также в крайзо и крайплане нет перспективного плана механизации отдельных районов и соответственно потребности в ремонтной базе. Это позволило контрреволюционной группе крайзо и крайплана так разместить МТМ, что в одной части районов построенная площадь мастерских и завозимое станкооборудование недоиспользовались, и, наоборот, в другой части создавалась перегрузка и отрыв от ремонтной базы»²⁶. Отметая риторику «Большого террора», можно согласиться с формулировкой основной проблемы, подмеченной проверяющими.

У краевых организаций не было не только четкого представления, не говоря уже продуманного плана развития сети машинно-тракторных станций и ремонтных баз. Более того, они не располагали точными сведениями о площадях и количестве оборудования МТМ. Отсутствовал контроль над их строительством. Сеть МТС росла, но этот рост происходил бессистемно и зависел от необходимости и возможности открытия новых станций в том или ином районе. К 1937 г. наиболее густая сеть мастерских располагалась к югу от Новосибирска вдоль алтайской железнодорожной ветки, более редкая сеть проходила вдоль железной дороги, тянувшейся от Татарска до Славгорода. В западных, северных и восточных районах края строительство ремонтной

---

²⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 605. Л. 7.

²⁵ Там же. Л. 5.

²⁶ Там же. Д. 605. Л. 9.

базы резко отставало от строительства МТС. Так что некоторые машинно-тракторные станции вынуждены были ремонтировать свою технику в мастерских других районов, перевоза ее на 100 и более километров.

Заключение

В ходе расширения сети машинно-тракторных станций и охвата ими значительного количества колхозов Западно-Сибирского края МТС стали неотъемлемой частью производственного механизма агропромышленного комплекса СССР. Они выступали в качестве системообразующей структуры колхозного растениеводства. Механизация деревни проходила, в первую очередь, по пути увеличения машинно-тракторного парка МТС и количественного роста станций. Связка колхозов и МТС превратилась на долгие годы в производственную систему, характеризующую аграрный сектор экономики СССР. Через нее происходила технологическая модернизация сельского хозяйства.

Машинно-тракторные станции не только решали проблему модернизации сельхозпроизводства, но и стали средством изъятия из деревни колхозной продукции. Отказавшись от первоначального плана развития МТС с привлечением средств населения и приняв на себя финансовые обязательства по их организации и содержанию, государство постаралось извлечь максимальную прибыль из работы станций, навязывая колхозам их дорогостоящие услуги. В Западно-Сибирском крае в структуре централизованных хлебозаготовок к концу 1930-х гг. натуроплата МТС занимала ведущее место.

Несмотря на видимые успехи, сеть МТС в регионе развивалась неравномерно. Первоначально открытие станций в том или ином районе зависело не от экономической целесообразности, а от усилий местных властей по сбору средств населения. Их строительство происходило без хорошо продуманного плана. Впоследствии районные власти продолжали оказывать влияние на расширение сети МТС, лоббируя свои интересы в региональных организациях. При этом ни само краевое руководство, ни Центр не имели определённого плана расширения сети станций, что в конечном итоге привело к снижению её эффективности. Однако, несмотря на эти недостатки, машинно-тракторные станции стали неотъемлемой частью колхозной деревни 1930-х гг.

Литература

Аграрная политика коммунистической партии на этапе строительства МТС (1929–1939 гг.) [сб. статей]. Владимир, 1985. 133 с.

Безнин М. А., Димони Т. М. Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов. М.: Либроком, 2009. 126 с.

Вопросы экономики МТС [сб. статей]. М.: Госиздат сельхозлит., 1955. 254 с.

Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 315 с.

Ильиных В. А., Лапердин В. Б. Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск: СО РАН, 2020. 507 с.

Ильиных В. А. Сельскохозяйственная статистика в Сибири (1920–1930-е гг.). Новосибирск: СО РАН, 2022. 202 с.

Ильиных В. А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. 167 с.

Корнилов Г. Е. Особенности аграрной политики сталинизма: колхозная жизнь после коллективизации // Российская история. 2018. № 4. С. 17–23.

Кондрашин В. В., Мозохин О. Б. Политотделы МТС в 1933–1934 гг. М.: Алисторус, 2017. 304 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1985. 431 с.

Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг. Новосибирск: Наука, 1983. С. 390.

Крестьянство Сибири в период упрочнения и развития социализма. Новосибирск: Наука, 1985. 398 с.

Томлин В. Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М.: АИРО – XXI, 2009. 409 с.

Томлин В. Н. Государство и колхозы: 1946–1964 гг. М.: АИРО – XXI, 2021. 448 с.

Статья поступила 15.06.2022

Статья принята к публикации 05.09.2022

Для цитирования: *Лапердин В. Б.* Машинно-тракторные станции Западно-Сибирского края в 1930-е гг. // ЭКО. 2023. № 1. С. 133–149. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-1-133-149

Summary

*Laperdin, V.B., Cand. Sci. (History). E-mail: laperdin2011@mail.ru
Institute of History, SB RAS, Novosibirsk*

Machine and Tractor Stations of West Siberian Region in the 1930s.

Abstract. The paper considers a number of problems associated with the development of the network of machine-tractor stations in the West Siberian region in the 1930s. Their quantitative and qualitative characteristics are presented and their role in the state agrarian policy is shown on the example of grain procurements. The expansion of MTS network in the territory of the region was uneven and was not connected with the necessary infrastructure, in particular – with the machine-tractor

workshops. This situation arose because the district authorities lobbied their interests to build new stations, especially during the first five-year plan. As well as the lack of a common concept of MTS development among the planning organizations.

Keywords: *machine and tractor stations; agrarian policy; grain procurements; collective farms; Siberia; first five-year plan*

References

Agrarian policy of the Communist Party at the construction stage of MTS (1929–1939) (1985). [collection of articles]. Vladimir, 133 p. (In Russ.).

Beznin, M.A., Dimoni, T.M. (2009). *Capitalization in the Russian countryside of the 1930–1980*. Moscow, Librokom Publ. 126 p. (In Russ.).

Ilinykh, V.A., Laperdin, V.B. (2020). *Grain procurement in Siberia in the 1930s*. Novosibirsk, SO RAN. 507 p. (In Russ.).

Ilinykh, V.A. (2022). *Agricultural statistics in Siberia (1920–1930)*. Novosibirsk, SO RAN. 202 p. (In Russ.).

Ilinykh, V.A. (2004). *Taxation of the Siberian village. Late 1920s – early 1950s*. Novosibirsk, SO RAN. 167 p. (In Russ.).

Kornilov, G.E. (2018). Agrarian policy of Stalinism: collective farm life after collectivization. *Russian history*. No. 4. Pp. 17–23. (In Russ.). DOI: 10.31857/S000523100000128–4

Kondraschin, V.V., Mozohin, O.B. (2017). *MTS political departments in 1933–1934*. Moscow, Alistotus Publ. 304 p. (In Russ.).

MTS Economics Issues (1985). [collection of articles]. Moscow, State Publishing House of Agricultural Literature. 254 p. (In Russ.).

The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. (1985). Vol. 6. Moscow, 431 p. (In Russ.).

The peasantry of Siberia during the construction of socialism. 1917–1937. (1983). Novosibirsk. Science Publ. 390 p. (In Russ.).

The peasantry of Siberia during the consolidation and development of socialism. (1985). Novosibirsk: Science, 398 p. (In Russ.).

Tomilin, V.N. (2009). *Our fortress. Machine and tractor stations of the Chernozem Center of Russia in the post-war period: 1946–1958*. Moscow, AIRO – XXI. 409 p. (In Russ.).

Tomilin, V.N. (2021). *The State and collective farms: 1946–1964*. Moscow, AIRO – XXI. 448 p. (In Russ.).

Zelenin, I.E. (2006). *Stalin's "revolution from above" after the "great turning point". 1930–1939: policy, implementation, results*. Moscow, Science Publ. 315 p. (In Russ.).

For citation: Laperdin, V.B. (2023). Machine and Tractor Stations of West Siberian Region in the 1930s. *ECO*. No. 1. Pp. 133–149. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-133-149

Рождение нефтяной Сибири. Нефтеразведка против углеперегонки на рубеже 1920–1930-х годов (часть 1)

Ю.В. ЕВДОШЕНКО, кандидат исторических наук
E-mail: editor3@oil-industry.ru
Издательство «Нефтяное хозяйство», Москва

Аннотация. Автор предлагает по-новому взглянуть на начальный период организации нефтепоисковых работ в Сибири. Его концепция базируется на отказе от субрегионального подхода, лежащего в основе большинства работ по данной теме; он связывает поиски нефти с выполнением конкретной задачи – нефтепродуктообеспечения сибирских регионов – и выбором одной из альтернатив ее решения (использование местных естественных или искусственных нефтепродуктов, произведенных из твердых горючих ископаемых). В первой, публикуемой, части работы освещается история организации нефтепоисковых работ в Сибири до Новосибирской сессии АН СССР 1932 г., описываются ранее неизвестные оценки и прогнозы нефтеносности сибирских регионов, впервые определяется влияние реформ в геологической отрасли СССР рубежа 1920-х – 1930-х годов на историю поисков нефти в Сибири.

Ключевые слова: первая пятилетка; сибирская нефть; геологоразведка; поиски нефти; альтернативная энергетика; искусственное жидкое топливо; И. Н. Стрижов; И. М. Губкин; А. Д. Архангельский; М. М. Тетяев; П. И. Преображенский; А. М. Усов; Н. С. Шатский

Современные нефтяники, особенно «знатоки» истории нефтяной геологии, часто совершенно искренне спрашивают историков: «А чем вы занимаетесь?! Ведь все давно известно!» В нефтяной историографии уже сложились определенные канонические сюжеты, которые задают основной дискурс, канву исторических оценок прошлого. К таким, например, относится история поисков нефти в Сибири: в 1932 г. академик И. М. Губкин на Новосибирской сессии АН СССР высказался о возможной нефтеносности восточных склонов Урала, что было объявлено эпохальным событием, и в Сибирь стали направлять партии геологов для поисков нефти; «враги народа» (в ранней версии) или некие «противники-ретрограды» (в поздней и современной интерпретации) не услышали его «прогноза», мешали ему, поэтому нефть искали не в тех местах, где она залегала. Лишь в последнее время историки поставили под сомнение приоритет

И. М. Губкина в определении перспектив нефтеносности Сибири [Галкин, 2009. С. 74–76; Комгорт, 2014; Евдошенко, 2019. С. 71–72], но по-прежнему события, предшествующие его знаменитому выступлению, исследованы очень слабо.

Одна из причин этого – «полицентричность» темы «Сибирская нефть». С начала 1920-х годов в этом огромном регионе возникло несколько крупных территориально-административных единиц – губерний, затем краев и областей. Не вдаваясь в эту историю, отметим, что с увеличением числа региональных органов управления единая проблема «сибирской» нефти получила свой «микрорегиональный» характер. Губернские, краевые и областные органы власти начинают выступать в роли лоббистов поисков нефти в собственных регионах, используя для этого различные каналы влияния и собственный вес в общей административно-политической системе. В результате нефтяная «Сибириада» в историографии давно распалась на ряд субрегиональных тем, среди которых особенно выделяется «западно-сибирская» со своими подтемами – «тюменской», «томской», «новосибирской», отчасти «восточно-уральской», «северо и восточно-казахстанской», чаще всего связанными с современным территориально-административным делением огромной географической области под названием «Сибирь».

Проблема еще и в историографии – практически нет общих работ по истории поисков нефти в Сибири. Историк, разрабатывающий тему западно-сибирской нефти, пройдет мимо темы байкальской или амурской нефти, не сможет встроить в контекст общей истории, должным образом интерпретировать тот или иной факт, выходящий за рамки его региональных исследовательских интересов. А между тем один из родоначальников советского экономического районирования, в 1920-е годы – председатель Сиббюро Госплана СССР, профессор Н. Н. Колосовский писал: «... Нет изолированных проблем Дальнего Востока и Западной Сибири. Есть лишь одна обширная проблема Северной Азии, как части Союза» (цит. по: [Демьяненко, 2009. С. 130]).

С момента появления первых геологов Сибирь представлялась единым регионом от Урала до Тихого океана, что и было запечатлено на геологической карте Сибири, изданной в 1922 г. В 1923 г. «Известия Геологического комитета» опубликовали доклад крупнейшего на тот момент знатока геологии Сибири

Я. С. Эдельштейна «Тектоника и полезные ископаемые Сибири», в котором были выделены три основные тектонические области макрорегиона – Западно-Сибирская равнина, ограниченная в широтном направлении «восточной подошвой Урала и долиной Енисея», Сибирская плита, заключенная между Енисеем и Леной, и Сибирская складчатая зона, которая ограничивает первые две с юга и простирается с юго-запада на северо-восток – от оз. Балхаш до Охотского моря и северо-восточной окраины Азиатского континента¹.

Разработанность той или иной региональной подтемы зависит не от исторического приоритета в организации поисков, а от уровня добычи нефти, достигнутого тем или иным районом. И если история поисков нефти в Западной Сибири или на Сахалине довольно хорошо изучена, то поисковые работы в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, в Арктике изучены значительно хуже, а подчас совершенно выпали из поля зрения историков. Видимо, это связано с тем, что они не привели к значительным открытиям, либо вовсе оказались неудачными. Но означает ли это, что историю «челябинской», «алтайской», «таймырской», «ангарской», «тунгусской» или «амурской» нефти не нужно изучать?! Ведь без этого нет полной картины истории сибирской нефти. Ограниченные материальные, финансовые, кадровые ресурсы очень долго направлялись туда, где нефти до сих пор не найдено. По каким причинам это делалось, какую роль играла наука, а какую – пресловутый командно-административный ресурс, конъюнктурные соображения?

Наконец, историками практически не изучена тема организации производства нефтепродуктов из твердых горючих ископаемых, а между тем, именно с ними были связаны первые попытки обеспечить Сибирь «собственными» нефтепродуктами [Евдошенко, 2011]. Натуральная и «искусственная» нефти два или даже три десятилетия, по сути, конкурировали между собой, и этот фактор, который должен был оказывать влияние на организацию нефтепоисковых работ, лишь зафиксирован историками [Запорожченко, 1977. С. 117; Комгорт, 2008. С. 45].

---

¹ Эдельштейн Я. С. Тектоника и полезные ископаемые Сибири // Известия Геологического комитета. 1923. Т. 42. № 1. С. 28, 31, 34.

Начальный период целенаправленных поисков нефти в Сибири пришелся на сложное время реформирования отечественной геологической отрасли, строительства районов нового промышленного освоения, появления новых технологий поисков и переработки, тогда же в стране происходили сложные внутри- и внешнеполитические процессы. Его изучение не ограничивается лишь восстановлением справедливости по отношению к предшественникам И. М. Губкина (который, к слову, был специалистом по южным нефтеносным областям – Кавказу и Закавказью, а не по Уралу и Сибири), но и позволяет заново оценить важные этапы развития отечественной нефтяной геологии, нефтегазовой отрасли и советской экономики в целом.

Цель данной статьи – рассмотрение раннего этапа решения проблемы нефтепродуктообеспечения Сибири в СССР до знаменитого выступления академика И. М. Губкина в 1932 г. с учетом альтернативности источников получения местных нефтепродуктов – из нефти либо из угля.

Проблемы нефтепродуктообеспечения Сибири в конце 1920-х годов

Если сегодня целью нефтедобычи в Сибири является прежде всего экспорт сырой нефти, то в 1920-е годы, и особенно в 1930-е, когда начался период интенсивного экономического роста отдельных сибирских регионов и создания в них новых промышленных районов, нужно было решать проблемы собственного снабжения горюче-смазочными материалами.

С точки зрения ассортимента в первое десятилетие существования СССР внутренний рынок характеризовался преимущественно как мазутно-керосиновый, а сибирский – как керосиновый, другие нефтепродукты поставлялись в незначительных объемах². С середины 1920-х начался заметный рост спроса на керосин со стороны тракторопользователей (до этого он шел в основном на культурно-бытовые цели – освещение и приготовление пищи³). В регионе стала активно использоваться авиация как новый потребитель ГСМ. Благодаря общему экономическому росту потребление нефтепродуктов в Сибири росло очень быстро.

---

² *Замель Л.* Максимум внимания вопросам моторного горючего // Нефтяной бюллетень. 1929. № 18. С. 7.

³ Трактороснабжение в 1925/26 г. // Нефтяной бюллетень. 1926. № 12. С. 7.

Например, сбыт керосина за июль 1929 г. по сравнению с июлем 1928 г. вырос: в Уральском районе – на 126%, Восточно-Сибирском – на 155% и Западно-Сибирском – на 189%⁴.

Но в целом, в течение 1920-х годов по уровню потребления нефтепродуктов сибирские и дальневосточные районы сильно отставали от других регионов страны⁵. «Тысячеверстные пространства, лишённые сколько-нибудь сносных путей сообщения, слабо развитая торговая сеть, низкий культурный уровень населения и т.п. причины стояли на пути реализации нефтепродуктов», – сообщал «Нефтяной бюллетень» о трудностях в регионе⁶. В начавшейся дискуссии о районировании нефтепереработки один из экспертов исключил Урал и Сибирь из регионов «достойных» строительства собственного НПЗ – ввиду «ничтожной плотности потребления и громадной отдаленности от районов производства». По принятым Президиумом ВСНХ СССР в 1928 г. контрольным цифрам пятилетки (затем неоднократно пересмотренным) в 1932 г. потребление Сибирского и Дальневосточного краев (ДВК) должно было составить: моторной нефти – 27,6 тыс. т, мазута – 3,0 тыс., черной смазки – 24,2 тыс., керосина – 157,9 тыс., бензина – 7,6 тыс. и машинного масла – 9,0, а всего – 229,3 тыс. т⁷.

К концу 1920-х годов прежняя система нефтепродуктообеспечения – железнодорожная и транспортная инфраструктура, система нефтебаз и сбытовая сеть – была загружена до предела. Сотрудники «Нефтесиндиката» сообщали, что в отдельные периоды в северных губерниях и Сибири «имели место случаи неудовлетворения потребности в керосине» ввиду его неавоза⁸. К 1928 г. в стране в целом стала чувствоваться диспропорция между производством легких нефтепродуктов (оно было сосредоточено на юге СССР) и их потреблением⁹. Повышающиеся требования к экспорту приводили к недосдаче

⁴ Рынок керосина // Нефтяной бюллетень. 1929. № 17. С. 20.

⁵ Фролов В. И. К вопросу о потреблении керосина в деревнях // Нефтяной бюллетень. 1927. № 9. С. 6.

⁶ Роль районов Нефтесиндиката в керосиновой торговле в осветительный сезон 1924/24 г. // Нефтяной бюллетень. 1925. № 10. С. 14.

⁷ Максимович Ю. К. К вопросу о районировании нефтепереработки // Нефтяное хозяйство. 1928. № 11–12. С. 589.

⁸ Вопросы керосиноснабжения на съезде областных и губернских представителей Наркомвнурга // Нефтяной бюллетень. 1925. № 8. С. 18.

⁹ Пленкин Ф. Снабжение нефтепродуктами широкого потребления // Нефтяной бюллетень. 1928. № 5. С. 5.

нефтепродуктов на внутренний рынок в период навигации, что ломало устоявшийся цикл волжского завоза, увеличивало долю более дорогих железнодорожных перевозок, лихорадило работу базовых волжских нефтескладов, откуда осуществлялось дальнейшее распределение нефтепродуктов для Сибири. Сибирской печатью и местными органами власти в прессе поднималась шумиха о простом тракторов в ряде крупных колхозов из-за отсутствия керосина и смазочных масел¹⁰.

Управляющий Дальневосточным отделением Нефтесиндиката Ф.Н. Пыталев в июне 1929 г. был вынужден признать: «Ближайшее изучение сбыта н[ефте]продуктов показало, что рынок Дальнего Востока в течение целого ряда лет держался, как в отношении смазочных масел, так и осветительных, в полуголодном состоянии. Ввиду этого, потребителям приходилось прибегать для смазки к различного рода суррогатам, из коих бобовое масло занимало первое место. Это же масло шло и для осветительных целей, особенно в отдаленных районах и среди китайского и корейского населения. Крупные же организации, которые имеют связь с заграницей (главным образом рыбные), необходимые им смазочные и осветительные материалы закупали в Японии, так как на складах Дальнего Востока их был хронический недостаток»¹¹.

В марте 1931 г. газета «Советская Сибирь» констатировала, что «нефтепродуктами край снабжается неудовлетворительно. Союзнефть за февраль не выполнила план завоза по керосину на 75%, по бензину – 60, автолу – 50. <...> Горючее и тара становится узким местом предстоящей посевкомпания. Союзнефть не выполняет программу завоза нефтепродуктов, предполагает забросить их в распутицу»¹².

На XVII конференции ВКП(б) Г.К. Орджоникидзе жаловался, что транспорт не может вывезти всю ту нефть, которую добыли. «В то время когда у нас внутри страны не будет хватать нефти, в Баку и Грозном осталось невывезенной нефти 1,5 млн т»¹³.

¹⁰ Рынок керосина в августе // Нефтяной бюллетень. 1929. № 19. С. 20.

¹¹ РГАЭ. Ф. 2309. Оп. 1. Д. 213. Л. 2.

¹² Союзнефть не должна оставлять МТС без горючего // Советская Сибирь. 1931. 16 марта. С. 4.

¹³ XVII конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1932. С. 24.

В условиях обострения топливных проблем в конце 1920-х годов все чаще поднимаются вопросы районирования топливопотребления. «... Экономичность того или другого топливного режима страны может быть охарактеризована величиной стоимости условного топлива, и, следовательно, экономическая целесообразность построения топливных перспектив сводится к максимальному уменьшению стоимости пуда условного топлива», – писал «Нефтяной бюллетень» в 1927 г.¹⁴ Из-за удаленности и неоднократных перевалок керосин, который отпускался в Астрахани за 68 коп. за пуд, в Уральском районе продавался по 106,4 коп., Западно-Сибирском – 137,0 коп., Восточно-Сибирском – 145,9 коп., а в Дальневосточном – 201,3 коп.¹⁵ Словом, завозные нефтепродукты в Сибири обходились очень дорого, их не хватало, и перспективы улучшения ситуации в течение 1920-е годов не просматривались.

К концу этой декады нефтепродуктообеспечение Сибири превратилось в сложную, трудоразрешимую проблему. А между тем форсированная индустриализация выдвигала новые требования. В 1930 г. Бюро по составлению нефтяной пятилетки объединения «Союзнефть» прогнозировало¹⁶, что за I пятилетку потребление нефтепродуктов в Сибири должно будет вырасти в 20 раз, на Дальнем Востоке – в 15!

Решить проблему или, по крайней мере, снять с нее остроту могли бы нефтепродукты, произведенные из местного, сибирского сырья.

Сибирь в планах нефтепоисковых работ в 1920-е годы

Попытки найти нефть путем бурения в местах внешних нефтепроявлений в Сибири предпринимались неоднократно: на Сахалине – еще в 1880-е гг., на восточном берегу о. Байкал – в 1903–1905 гг., у с. Цингалы в Тобольской губернии – в 1912 г., кроме того, отдельные, непроверенные сведения имелись о признаках нефтеносности на западной оконечности Алтая, в Якутии,

---

¹⁴ Трифионов Н. Экономическое районирование потребления различных видов топлив // Нефтяной бюллетень. 1927. № 14. С. 2.

¹⁵ Сапунов А. О единых ценах на керосин // Нефтяной бюллетень. 1927. № 24. С. 2.

¹⁶ Толстоногов Н. А. Основные установки районирования переработки нефти в разрезе пятилетки // Нефтяное хозяйство. 1930. № 4. С. 538–539.

Приамурье и на Камчатке¹⁷ [Бушуев, 2006; Комгорт, 2008; Карпов и др., 2011; Лисицына, Бердникова, 2014; Комгорт, 2020].

Интерес к поискам нефти в новых районах в СССР стал проявляться со второй половины 1920-х гг. Последние исследования с убедительностью показали, что в то время основным инициатором поисковых работ на нефть в новых районах был вовсе не И. М. Губкин, как это принято считать, а старший директор нефтяной промышленности Главгортопа ВСНХ СССР И. Н. Стрижов. За три года до открытия уральской нефти и за шесть лет до Новосибирской сессии АН СССР (30 июня 1926 г.), давая отзыв на одну из газетных публикаций, он, вероятно, впервые написал, что надо искать нефть «по обоим склонам Среднего Урала», т.е. не только на западном (европейском), но и на восточном («сибирском») [Евдошенко, 2022]. В 1926 г. Главгортоп ВСНХ СССР для ведения геологоразведочных работ в новых районах предлагал создать такую организацию, как «Сибнефть»¹⁸.

«Сибиря не имеет добычи нефти, но представляет собой крупный рынок нефтяных продуктов с большой будущностью. Мы принуждены возить нефтяные продукты в Сибирь на громадные расстояния. Было бы крайне важно найти в Сибири нефть. Есть основания думать, что во многих местах имеются геологические структуры, благоприятные для поисков месторождений нефти и газа. Эти поиски нефти в Сибири также должны войти в пятилетнюю программу», – писал И. Н. Стрижов в Геолком 11 октября 1928 г.¹⁹ Под нажимом И. Н. Стрижова Главгортоп предписал Геолкому включить «поиски нефти в Сибири» в пятилетнюю программу работ²⁰.

С 1926 г. в центральных, региональных и отраслевых изданиях стали появляться заметки с мест на тему поисков нефти. Наряду с «самарской» и «ишимбайской» была поднята тема

¹⁷ Полевой П. И. Нефть Дальнего Востока // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1924. № 3. С. 449–457.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 3. Д. 2739. Л. 20 об.

¹⁹ РГАЭ. Ф. 5743. Оп. 1. Д. 74. Л. 15.

²⁰ Директивы Главгортопа Геолкому по составлению пятилетнего плана нефте-разведок // Нефтяной бюллетень. 1928. № 21. С. 11–12.

«байкальской»²¹, «минусинской», «якутской», «уссурийской»²² нефти, которые в силу административного деления того времени называли «сибирской нефтью».

Пройти мимо таких известий из регионов было нельзя, поскольку весь 1929 г. шел под знаком кардинальных пересмотров планов развития нефтяной промышленности в связи с запланированной на I пятилетку моторизацией народного хозяйства. В 1927/28 г. в стране добыли 11,5 млн т нефти. В начале 1929 г. планировалось, что в 1932/33 г. добычу нефти доведут до 21,8 млн т, в апреле эту цифру увеличили до 23, в августе – до 26, а к концу 1929 г. добычу последнего года пятилетки определили в 41 (!) млн т. При этом 35% (около 15 млн т) добычи должны были дать новые районы, которые не только не были введены в разработку, но даже еще не открыты!

Однако в течение 1920-х годов региональная общественность относилась к поискам нефти в Сибири довольно пассивно. На I Сибирском научно-исследовательском съезде (15 декабря 1926 г. в Новосибирске) директор Сибирского отделения Геологического комитета А. М. Усов, отметив богатство края, констатировал, что он, «по-видимому, лишен нефти и ее дериватов, а также горючих газов; по крайней мере, до сих пор не обнаружены надежные признаки этих полезных ископаемых». При этом он допустил, что единственным районом, где можно было бы найти нефть, сходную с «пенсильванской» и «печорской» («возможная нефть

---

²¹ 18 июня 1929 г. начальник Центрального управления железнодорожного транспорта Наркомата путей сообщений просил Главгортон выслать имеющуюся информацию по нефтяным месторождениям у о. Байкал. К его запросу была приложена записка одного из руководителей Забайкальской железной дороги, А. Д. Кулехина из «Транспортной газеты» от 7 марта 1929 г. В поисках топлива для паровозов тот еще в 1926 г. осмотрел места прежних поисков нефти на восточном берегу озера в районе перешейка между Баргузинским и Чевыркуйским заливами и провел архивные изыскания по этому вопросу. «... на горизонте 960 футов был встречен слой глинистого песка с довольно обильным истечением нефти в скважину, – говорилось в одном из документов начала XX в., цитируемом А. Д. Кулехиным, – нефть заполняла желонку и штанги покрывались слоем жидкой нефти. Нахождение под слоями глинистых песков и глины и вообще под малопроницаемыми для нефти слоями нефти [так!], в увеличивающихся с углублением количествах, указывает на поднятие нефти из более глубоких, не достигнутых еще скважиной, горизонтов» (РГАЭ. Ф. 5743. Оп. 1. Д. 149. Л. 13).

²² Полевой П. И. Приморская или уссурийская нефть // Нефтяное хозяйство. 1928. № 6. С. 867.

кембро-силура»), является Сибирская платформа²³. Выступивший за ним М. К. Коровин указал на «многочисленные сведения о "нефти" среди местного населения прибайкальской и присаянской части края», имея в виду зону так называемого Иркутского амфитеатра – южную часть Сибирской платформы, и предложил начать специальные исследования²⁴. Затем в прениях алтайский журналист и член Общества изучения Сибири П. А. Казанский сообщил о признаках нефти на Алтае²⁵. В результате Сибирский крайсовнархоз в план ГРР никаких работ по нефти на ближайшую пятилетку (1927–1932 гг.) не включал, а проблему обеспечения края нефтепродуктами предлагал решать путем переработки иркутских богхедов²⁶.

Помимо геолого-разведочных работ на Сахалине, которые были вызваны деятельностью японской концессии, с 1923 г. по 1928 г. были проведены несколько экспедиций на Камчатку и в Уссурийский край.

В 1928–1929 гг. в деловой переписке и программных документах из сибирских регионов в качестве первоочередных фигурировали Байкал, Сахалин и Камчатка²⁷. В плане работ Геологического комитета (с октября 1929 г. – Главное геолого-разведочное управление (ГГРУ) ВСНХ СССР) на ближайшую пятилетку, утвержденном в 1929 г., кроме геолого-поисковых работ на нефть за Уралом предусматривалось разведочное бурение на Сахалине (где уже была открыта промышленная нефть), Камчатке и восточном побережье оз. Байкал²⁸.

На большом совещании под председательством И. М. Губкина (26 ноября – 1 декабря 1929 г.) геологи со всего Союза, как по сусекам, сгребали все площади, которые могли бы обеспечить выполнение поставленной задачи, а 30 декабря рассматривались возможности азиатской части СССР. По докладу бывшего директора Дальневосточного отделения Геолкома П. И. Полевого

---

²³ Усов М. А. Очерк геологического строения и полезных ископаемых Сибирского края // Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Т. 2. Недр. Новосибирск, 1928. С. 14.

²⁴ Первый Сибирский краевой научно-исследовательский съезд: материалы к докладам секций. Новосибирск, 1926. С. 20.

²⁵ Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Т. 1. Протоколы и резолюции. Новосибирск, 1927. С. 92.

²⁶ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 15. Д. 44. Л. 1, 3.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-5674. Оп. 7. Д. 535. Л. 13 об.

²⁸ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 98. Л. 11–11 об.

совещание решило, что нужно вводить в разведку ряд новых площадей восточного и западного побережий о. Сахалина, развернуть геолого-поисковые работы на Камчатке и начать мелкое разведочное бурение в Селенгинском районе на Байкале²⁹. В результате в плане «Союзнефти» на оставшиеся годы пятилетки значились разведка и ввод в разработку четырех новых площадей на Сахалине (помимо уже разрабатываемой Охинской), а ГГРУ запланировало разведочное бурение в Дальневосточной области (на Камчатке и Байкало-Баргузинском районе, без Сахалина): с 1931 г. по 1933 г. там планировалось пробурить 11 скважин общим метражом 6,9 тыс. м³⁰. А что же остальная Сибирь? Ни западносибирские районы (или «восточные склоны Урала»), ни восточносибирские (Сибирская платформа) на совещании не рассматривались, хотя с весны 1929 г. под влиянием «заявок с мест» в материалах нефтяной секции Геолкома начинают фигурировать Горный Алтай (Ойратская Республика) и Ачинско-Минусинский район. Отчитываясь за полевой сезон 1929 г., Нефтяной геолого-разведочный институт (НГРИ), созданный на базе нефтяной секции Геолкома, указал, что для проверки сведений о нефтеносности районов, прилегающих к Турксибу, в пределах Сибирского края на территории бывшей Семипалатинской губ. были проведены рекогносцировочные исследования³¹.

А 28 сентября 1929 г. директор НГРИ С. И. Миронов сообщал в Москву: «Согласно договоренности с Директором Сибирского Отделения Геолкома по Нефтяному [геолого-разведочному] Институту предположено выделить на рекогносцировочные исследования в Ойратском³² и Ачинском районах некоторую сумму на организацию геолого-поисковой маршрутной партии. Точно ассигнования не выяснены. Пока лишь намечаем выделить за счет работ на Дальнем Востоке сумму на две рекогносцировочные партии»³³. Через месяц С. И. Миронов подтвердил это

²⁹ Разведочные работы на нефть в СССР: материалы к пятилетнему плану разведочных работ на нефть по данным Совещания геологов-нефтяников в Москве 26 ноября – 1 декабря 1929 г., 1930. С. 88, 91.

³⁰ РГАЭ. Ф. 7735. Оп. 1. Д. 51. Л. 25, 26.

³¹ Разведочные работы полевых партий Геолого-разведочного нефтяного института ГГРУ в 1928/29 г. Приложение к журналу «Нефтяное хозяйство». 1930. № 3. С. 19, 24.

³² Речь шла о проверке нефтепроявлений в районе Телецкого озера (*Истник* Д. К. вопросу о промышленном развитии Ойратии // *Плановое хозяйство*. 1930. № 6. С. 234).

³³ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 314. Л. 107.

решение и сообщил, что «если представится возможность найти в Сибирском Отделении Геологического Комитета специалиста для этих работ, то они будут переданы Сибирскому Отделению Геолкома»³⁴. На состоявшемся совместном совещании НГРИ, Планового отдела ГГРУ и представителей районных геолого-разведочных управлений 13 ноября 1929 г. было решено: «Сибирское Районное Управление берет работу по поискам нефти в одной из областей, подлежащих обследованию. <...> В Сибкрае предположено две работы по поискам нефти: в Ойратской области – 8,645 руб.; в Минусинской и Омской области – 8,645 руб.»³⁵. За НГРИ закрепили Ойратию, в Минусинске должны были работать сибирские геологи. С 1930 г. по 1933 г. на поисковые работы на нефть на юге Западной Сибири было запланировано потратить чуть более 90 тыс. руб.³⁶

О перспективах Восточной Сибири в июне 1929 г. высказался заведующий геологическим отделом Государственного исследовательского нефтяного института (ГИНИ) академик А. Д. Архангельский в своей известной статье «Где и как искать новые нефтеносные районы в СССР». В ней он указал на периферию Сибирской платформы и Лено-Виллюйскую впадину. «Говорить о постановке систематических изысканий в области Сибирской платформы, конечно, еще преждевременно, – писал он, – но несколько рекогносцировочных экспедиций <...> следует сделать сейчас же»³⁷. В мае 1929 г., когда статья уже находилась в печати, институт передал в ГГРУ свои предложения «по сбору литологического материала по древнепалеозойским слоям Сибири для изучения вопроса о возможности нахождения нефти в области Сибирской платформы и предгорьев хребтов, окружающих платформу» и предложил направить туда две партии, для чего просил выделить 14 тыс. руб.³⁸ В начале июня на совещании по планированию пятилетки геологоразведочных работ на нефть

³⁴ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 38. Л. 53 об.

³⁵ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 314. Л. 90.

³⁶ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 307. Л. 86 об.

³⁷ Архангельский А. Д. Где и как искать новые нефтеносные области в СССР? // Нефтяное хозяйство. 1929. № 6. С. 791.

³⁸ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 316. Л. 108.

А. Д. Архангельский выделил районы для первоочередных поисковых работ на Сибирской платформе – «по периферии области между Енисеем и Леной и в Ленско-Вилуйской впадине»³⁹.

В начале 1930 г. назначенный руководителем Бурят-Монгольской секции Института геологической карты ГГРУ М. М. Тетяев написал краткую записку «Перспективы поисков нефти в восточной части Азиатского материка», в которой теоретически обосновал организацию нефтепоисковых работ в Восточной Сибири: «Начиная с 1927 г. работами Восточно-Сибирской секции [Геолкома] отчетливо устанавливается на крайнем востоке азиатской части Союза наличие крупнейшей складчатой зоны третичного возраста, аналогичной таковой в Европе и Америке, с которой там связаны наиболее крупные нефтяные месторождения. Эта зона протягивается сюда из Средней Азии, охватывает Бурят-Монголию, Далькрай и часть Якутии. На восток она уходит в область Тихого океана, а на западе ее граница прослеживается довольно отчетливо через Иркутск, Баргузин, верховья Витима; далее она опоясывает Алданский район и по течению нижнего Алдана и Лены уходит на северо-восток в Ледовитый океан». Складчатую зону, проходящую от восточного побережья Байкала по долине р. Иркут на юго-запад вдоль Восточных Саян, М. М. Тетяев сравнил с нефтеносной полосой предгорий Северного Кавказа. Для поисков нефти он выделял Прибайкальский, Зейско-Приаргунский, Нижне-Амурский и Колымско-Анадырский районы, но при этом указывал на отсутствие геологических карт для поисков нефти в этих районах и на необходимость усиления геолого-съёмочных работ⁴⁰. К записке М. М. Тетяева был приложен рапорт о выделении 20 тыс. руб. на эти цели.

Очень осторожные предложения по поискам нефти в Сибири были связаны со слабой геологической изученностью этого огромного региона, нехваткой кадров и оборудования, направляемых в районы, обещавшие более быстрые результаты, – на Кавказ, Кубань, Эмбу и в Пермский край. Поскольку для широкой постановки геологоразведки пока не было никаких оснований, следуя стадийности поисково-разведочных работ, геологи справедливо предлагали усилить топографические

³⁹ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 314. Л. 153.

⁴⁰ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 323. Л. 56–59.

и геолого-съёмочные работы в Сибири, которые должны были послужить базисом для оценки перспектив нефтеносности и последующих поисков нефти. По этой причине заведующий научно-производственным отделом ГГРУ В. К. Борисевич горячо поддержал инициативу М. М. Тетяева. В своей служебной записке в бухгалтерию ГГРУ 25 мая 1930 г. он писал: «Научн. Произв. Отд. всецело поддерживает необходимость доп. ассигнования 20.000 руб. на нефтеразведку в Восточной Сибири (согл. доклада М. М. Тетяева), вместе с тем, считаясь с постановкой акад. А. Д. Архангельского о широкой разведке на нефть в Сибири и с отсутствием подлежащей съёмки на обширной территории, считает весьма желательным *пересмотреть возможности* [выделено В. К. Борисевичем] *бóльшего ассигнования* на 1) поисково-разведочные работы на нефть в Сибири, связанные с топографической и геологической съёмкой, 2) на применение в широком масштабе аэросъёмки, в первую очередь на Вост. склоне Урала и в сев. части Казакстана»⁴¹.

Таким образом, уже к концу 1920-х годов идея поисков нефти в Сибирском и Дальневосточном краях стала не только частью научного дискурса, но и производственных программ, а 1930-й должен был стать первым годом целенаправленных поисковых работ на нефть, как в Западной, так и в Восточной Сибири, а также началом разведки новых площадей на Камчатке, Сахалине и Байкале. Однако реализовать эти планы не удалось, поскольку желания и возможности получили разный вектор.

Реформы геологической отрасли и их влияние на поиски нефти в Сибири

Составленный план геолого-разведочных работ на нефть на 1930 г., включавший Сибирь, по самым скромным оценкам, требовал на полевые исследования 5,1 млн руб., а выделяли только 3,9 млн. «В силу этого последний титульный список полевых работ Нефтяного института ГГРУ [НГРИ – Е.Ю.] на 1929/30 г. согласно урезанного лимита мог быть составлен только при условии сокращения объема работ, каковое сокращение выразилось в уменьшении разведочного бурения с 30 станков до 25 (на конец 1929/30 года) и в отказе от ряда геологических и геофизических

---

⁴¹ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 323. Л. 55–55 об.

исследований», – писал назначенный начальником ГГРУ Ф.Ф. Сыромолотов в Госплан СССР 25 февраля 1930 г.⁴² Обосновывая выделение дополнительных средств, сотрудники ГГРУ сообщали, что «<...> отложены на будущ[ий] год исслед[ования] в районах Мангышлакском, Байкало-Баргузинском, Омском <...> Результаты урезки <...> – отставание по всем районам за исключ[ением] Сахалина и Камчатки»⁴³. В итоге ни в Ойротию, ни в Минусинск геологи-нефтяники в 1930 г. не выехали.

Кроме этого, в дело вмешались реформы геологической отрасли. Начавшись в 1928 г., они привели к образованию в октябре 1929 г. на базе Геологического комитета ГГРУ ВСНХ СССР и в его структуре НГРИ [Евдошенко, 2012]. Затем под предлогом «приближения» геологической разведки к регионам из ведения центрального органа часть работ передавалась районным управлениям (РГРУ), также созданным на базе региональных отделений бывшего Геолкома.

Следующим шагом стала передача нефтепоисковых работ из ведения центрального геологического ведомства (ГГРУ) в отраслевой орган управления (всесоюзное объединение «Союзнефть»), последовавшая по решению Совета Труда и Оборона от 11 февраля 1930 г. и в соответствии с приказом ВСНХ СССР от 22 марта 1930 г. Это выразилось в переподчинении НГРИ «Союзнефти» и передаче ей же всех буровых партий ГГРУ, ориентированных на нефть. Как значилось в докладе «Союзнефти», составленном в начале 1930 г.: «Ввиду присоединения Нефтяного института ГГРУ к Союзнефти – программа [геологоразведочных] работ может быть пересмотрена»⁴⁴.

Начальник ГГРУ Ф.Ф. Сыромолотов не мог не выполнить постановления и передал институт в состав «Союзнефти», но тут же издал приказ о создании в ГГРУ Геолого-разведочного бюро нефтяных месторождений, которое должно было изучать районы, «не входящие и не обслуживаемые Объединением Союзнефть», например, предполагалось приступить к изучению Анадыря и побережья Берингова моря, отдельных районов Усурийского и Хабаровского краев, Бурят-Монгольской АССР, Западной Камчатки и др. Бюро должно было включать в состав

⁴² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 28. Д. 188. Л. 26.

⁴³ Там же. Л. 24.

⁴⁴ РГАЭ. Ф. 7735. Оп. 1. Д. 51. Л. 23.

отдельных партий различных геологоразведочных учреждений свои «нефтяные» ячейки, которые должны были работать только на предмет обнаружения признаков нефтеносности. Это существенно сэкономило средства и давало возможность в случае успеха обосновать организацию специальных нефтепоисковых экспедиций⁴⁵. Таким образом, ГГРУ пыталось оставить у себя наиболее важную на начальном этапе региональную стадию поисков как базу для последующих работ. Однако вскоре нефтяное бюро ГГРУ пришлось ликвидировать.

Значение этой реформы до сих пор не оценено в историографии и, по сути, факт ликвидации нефтяного направления в центральном геологическом органе страны остается незамеченным⁴⁶. А между тем по своим последствиям это был, вероятно, самый большой промах десятилетия. «У промышленных объединений и в том числе и Союзнефти имеются и должны развиваться свои геолого-разведочные организации, перед которыми стоят очень большие и совершенно ясные задачи: в то время как органы ГГРУ ведут поиски и разведки в неизученных еще районах, геолого-разведочные организации промышленных объединений ведут эксплуатационные разведки на уже отведенных и геологически изученных площадях. Слияние этих двух видов геолого-разведочных работ может нанести непоправимый ущерб делу обеспечения нашей промышленности минерально-сырьевой базой», – писали заместитель председателя ВСНХ СССР Л. М. Рухимович и начальник ГГРУ Ф. Ф. Сыромолотов, оспаривая решение о передаче поисково-разведочных работ в «Союзнефть»⁴⁷.

Заместитель начальника ГГРУ В. П. Новиков в газете «За индустриализацию» писал: «Необходимо иметь в виду, что методы и характер работы органов ГГРУ резко отличаются от методов геолого-разведочных работ промышленных предприятий. Конкретно это отличие выражается в следующем. В то время как органы ГГРУ строят свою геолого-разведочную работу на основе строго научной геологической базы, применяя исключительно дешевое бурение мелкими диаметрами, геолого-разведочные

⁴⁵ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 129. Л. 26.

⁴⁶ М. В. Комгорт считает факт передачи НГРИ в систему «Союзнефти» свидетельством желания государства «поставить нефтепоисковые работы в стране на серьезную научную основу» [Комгорт, 2008. С. 36].

⁴⁷ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 28. Д. 188. Л. 10.

работы промышленных предприятий отличаются пренебрежением к научным методам и кустарничеством в смысле разрешения геолого-разведочных проблем, применяя при этом исключительно дорогое бурение крупным диаметром. В результате этого сплошь и рядом наблюдаются случаи непроизводительной затраты колоссальных средств. Геолого-Разведочный Нефтяной институт не сможет увязать своей работы с общей геологией Союза, что роковым образом отразится на продуктивности его работы»⁴⁸.

Предположительно стоявший за спиной этой реформы член правления «Союзнефти» академик И.М. Губкин [Евдошенко, 2012] в сентябре 1931 г., возглавив объединение «Союзгеоразведка», оказался в положении «генерала без армии»⁴⁹. Парадокс – «главный нефтяной геолог» как начальник всесоюзного геологического объединения имел возможность руководить всеми поисковыми работами на территории СССР... – кроме нефтяных. «Придется бросать <...> руководство геолого-разведочной работой по нефти», – жаловался Губкин жене, узнав о своем назначении в ГГРУ [Буксина, 2012. С. 88]⁵⁰. С 1931 по 1939 г. ГГРУ, преобразованное в объединение «Союзгеоразведка» ВСНХ СССР, затем в Главное геолого-гидро-геодезическое управление Наркомтяжпрома СССР, выстраивавшее самую разветвленную сеть региональных организаций, поисковых работ на нефть не вело и в своих планах в графе «Нефть» ставило прочерки.

Нефтяной геолого-разведочный институт с 1 апреля 1930 г. числился в структуре «Союзнефти», и 15–16 апреля 1930 г. под председательством И.М. Губкина состоялось обсуждение его плана полевых исследований и координация его с планом

⁴⁸ РГАЭ. Ф 4372. Оп. 28. Д. 188. Л. 3.

⁴⁹ Кочетков Д. В борьбе за единство геолого-разведочного дела // Вестник Геологического комитета. 1930. № 2–3. С. 9.

⁵⁰ М. В. Комгорт считает, что факт руководства И. М. Губкиным объединением «Союзгеоразведка» был важнейшим для «практической организации геологоразведочных работ на территории Западно-Сибирской низменности в 1930-е годы». Это мнение ошибочно. Связь И. М. Губкина с ГРР на нефть с момента ухода из «Союзнефти» в августе 1931 г. шла не по линии «Союзгеоразведки», которая не имела отношения к нефтепоисковым работам, а по линии Президиума ВСНХ СССР (до января 1932 г.), в котором И. М. Губкин курировал нефть, по линии ГИНИ, которым И. М. Губкин руководил до его ликвидации в 1934 г., а также по линии СОПС АН СССР, который он возглавил осенью 1930 г. Дальнейшая связь И. М. Губкина с организацией поисков нефти на территории СССР нуждается в тщательном архивном исследовании. До этого времени оценка его роли в организации ГРР в Сибири, на наш взгляд, нерепрезентативна, а подчас и ошибочна.

Управления разведочного бурения «Нефтеразведка», входящего в то же объединение. Из сибирских районов на этом заседании упоминался лишь Байкал, где было решено «поставить работу по геологической съемке на восточном побережье»⁵¹.

В Перми 22–25 июня 1930 г. под руководством И. М. Губкина прошел съезд уральских геологов. Там впервые академик ознакомился с темой «восточных склонов Урала». «Присутствовавший на конференции зам. пред. райисполкома тов. Андроньев выдвинул необходимость начать разведку на нефть на восточных склонах Урала, – сказал И. М. Губкин 8 августа 1930 г., докладывая правлению «Союзнефти» о конференции, – причем в первую очередь был выдвинут район реки Уя, где выходят Юрские отложения, которые представляют собой продолжение Юрских отложений Урало-Эмбенского района, связываются с Юрскими отложениями Челябинского района и т.д.»⁵². Речь шла о левом притоке р. Тобол с современным названием «Уй», протекающем на юго-западе Западно-Сибирской низменности. Правление «Союзнефти» 8 августа 1930 г. поддержало решение конференции – «включить в план геологоразведочных работ 1930/31 г. <...> обследование мезозойских и третичных отложений в районе р. Уя на восточном склоне Урала»⁵³.

Тем не менее 4 ноября 1930 г., за полтора года до новосибирской сессии АН СССР, вновь выступая на заседании правления «Союзнефти», И. М. Губкин отметил, что считает работы в Поволжье «более актуальными, чем продвижение наших разведок в Сибири»⁵⁴.

В тот день слушался доклад начальника треста «Уралнефть» К. А. Румянцева. Этому молодому тресту помимо работ на Урале было поручено ведение разведочного бурения во всех новых районах. Охарактеризовав работы в Урало-Поволжье, К. А. Румянцев сказал, что первым среди сибирских районов, где они начнут работу, будет район Байкала, но в целом выразил заинтересованность в расширении охвата и постановки более широких предварительных работ в Сибири⁵⁵.

⁵¹ РГАЭ. Ф. 7735. Оп. 1. Д. 295. Л. 1 об.

⁵² РГАЭ. Ф. 7735. Оп. 1. Д. 4. Л. 235.

⁵³ РГАЭ. Ф. 7735. Оп. 1. Д. 1. Л. 152.

⁵⁴ Там же. Л. 56 об.

⁵⁵ Там же. Л. 53–54 об.

Затем слово взял И. М. Губкин, известный своей критикой научного подхода сотрудников Геолкома к поисково-разведочным работам. «В Сибири мы еще имеем очень неопределенные места в отношении признаков нефтеносности, – говорил он. – <...> Мы должны послать разведочную партию на р. Уй, где выходят юрские отложения, затем послать партию в Минусинский район, о котором неоднократно писалось, затем в район Манчжурии и Амура <...> Я не возражаю ни в какой мере против тех небольших разведочных работ, которые Уралнефть намечает на Байкальском озере. Мне показалось необходимым сосредоточить максимальное внимание на разведке Приволжского района»⁵⁶.

ЦК ВКП(б), рассмотрев положение нефтяной промышленности, 15 ноября 1930 г. принял решение довести добычу к 1933 г. до 45–46 млн т, из которых 15 млн т должны были дать новые, ранее не введенные в эксплуатацию районы⁵⁷.

А 7 декабря 1930 г. «Союзнефть» в ответ на запрос научно-исследовательского сектора ВСНХ СССР о научных работах в Сибири и на Дальнем Востоке сообщала о планах работ НГРИ на 1931 г. начать геологоразведку в районе Благовещенска, Сахалина, Камчатки и Чукотского полуострова, а также топографические работы для будущих поисков нефти в районе Омска и новых районах Сахалина, Чукотки и Камчатки⁵⁸. Если в плане, составленном Геолкомом в 1929 г., предполагалось начать глубокое бурение на Байкале в 1932 г. только после проведения предварительных работ⁵⁹, то к осени 1930 г. было решено перенести этот срок на 1931 г. и до конца 1933 г. пробурить там 4800 м⁶⁰.

Совещание НГРИ 14 декабря 1930 г. с участием И. М. Губкина и М. М. Тетяева по проблемам нефтегазоносности Байкала приняло решение о продолжении начатых ранее поисковых работ и постановке разведочного бурения⁶¹. Однако через несколько дней И. М. Губкин, который при распределении геологов для восточных районов, сам вписал напротив графы «Байкал» имя Г. Е. Рябухина, в конце концов, передумал и вычеркнул его,

⁵⁶ РГАЭ. Ф. 7735. Оп. 1. Д. 1. Л. 56 об.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 804. Л. 18. [Эл. ресурс]. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government//cards/77384> (дата обращения: 10.06.2022).

⁵⁸ РГАЭ. Ф. 7735. Оп. 1. Д. 291. Л. 20.

⁵⁹ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 98. Л. 17.

⁶⁰ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 307. Л. 89.

⁶¹ РГАЭ. Ф. 7735. Оп. 1. Д. 291. Л. 1.

написав – «не знаю никого»⁶². Начавшееся в 1931 г. бурение без должного научного сопровождения оказалось малоинформативным и позже (в 1935 г.) подверглось резкой критике самого Губкина. В целом же, до определенного момента академик не столько направлял поиски нефти в Сибирь, сколько соглашался с ними, играя довольно пассивную роль, если брать позднейшие оценки его вклада в организацию геологоразведочных работ на нефть в Сибири. Кроме того, он вполне четко обозначил свой приоритет – Поволжье – и, конечно, это не могло не сказаться на распределении ограниченных ресурсов тем или иным регионам.

С предложением начать планомерное изучение Западной Сибири геофизическими методами 30 декабря 1930 г. выступил профессор П. И. Преображенский, открывший нефть в Пермском крае. Председателю Урало-Кузнецкой комиссии Госплана СССР он подготовил специальную записку, в которой сообщал, что все известные в регионе полезные ископаемые были обнаружены на периферии Западно-Сибирской низменности, покрытой в центре мощным слоем осадочных «третичных и после-третичных отложений» и задавался вопросом – «не заходят ли Урало-Эмбинские нефтеносные отложения через Тургайский пролив, разделяющий Южный Урал от северных частей Киргизской горной страны, на север в верховья Тобола». «Расходы по разрешению этих задач методом глубокого бурения настолько велики, что у самых горячих защитников необходимости производства этих исследований невольно закрадывалось сомнение в их исполнимости», – писал Преображенский. Выход ему виделся в применении новых технологий – широкой постановке различных видов геофизических исследований Западно-Сибирской низменности. Работы предлагалось вести силами объединений «Востоксталь», «Востокуголь», «Союзнефть» и др. под руководством ГГРУ. В случае согласия Госплана СССР профессор брался разработать более детальную программу⁶³.

В 1931 г. стала понятной ошибочность проведенного реформирования и недооценки центральной геологоразведочной организации, что особенно сказывалось на проведении работ в отдаленных районах Сибири. Намеченное бурение на Байкале

⁶² Там же. Л. 15–15 об. В 1931 г. Г. Е. Рябухин все-таки выехал на Байкал, но, видимо, вопреки воле Губкина.

⁶³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 28. Д. 222. Л. 386–387.

тормозилось из-за отсутствия материально-технической базы, квалифицированной рабочей силы и других трудностей. В течение года вместо 350 м было пробурено всего 70 м (20% плана)⁶⁴. Наблюдавший за историей Байкальской нефтеразведки управляющий Восточно-Сибирским геолого-разведочным трестом (быв. РГРУ) В.В. Елистратов на совещании в Госплане СССР был вынужден констатировать: «Я эту работу особенно хорошо не знаю, потому что никакого участия в ней не принимал, но могу сообщить о классических издевательствах, прямо, Уралнефти: в течение полутора лет туда то станок забросят, то трубы, а ничего целого нет. Целый год там жил иностранный специалист по бурению со льда и никакого бурения поставлено не было. До настоящего времени вопрос упирается в глубокое бурение, и до сих пор этого не поставлено. Если бы вы обратили на все это внимание, это побудило бы Уралнефть начать бурение»⁶⁵.

В «Докладной записке о положении разведывательного дела Союзнефти», составленной в 1931 г., давалась нелестная оценка реформе. «При передаче "Уралнефти" разведок Волги, Сибири, Кубани, Керчи, Дагестана мыслилось подготовить создание единого треста, ведущего разведки по всему Союзу, сконцентрировав в нем все оборудование, тех. силы с возможно более лучшим маневрированием материальными средствами в пределах Союза.

Такая форма организации имеет свои преимущества в смысле концентрации сил и средств, при одном неперменном условии – создание крепких районных баз материального снабжения, механических мастерских и квалифицированного технического руководства.

Действительное же положение на сегодняшний день таково, что Союзнефть провела формально схему управления, не обеспечила разведки материально, положение со снабжением оборудованием ничем не изменилось, если не ухудшилось, вследствие чего проведенная Союзнефтью реорганизация не достигла своей цели и требует немедленной перестройки». Неизвестный автор записки сетовал, что недавно созданный маломощный трест «Уралнефть», ориентированный прежде всего на освоение Верхне-Чусовского месторождения и изучения его периферии,

---

⁶⁴ РГАЭ. Ф. 3139. Оп. 1. Д. 383. Л. 267.

⁶⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 29. Д. 696. Л. 24 об.

«работает сам по себе, геологические разведки – сами по себе», связей с байкальской разведкой попросту нет, а вместо концентрации получилось распыление средств. Поэтому он предлагал трест «Уралнефть» разукрупнить на Северный и Южный тресты, Северный перебазировать в Новосибирск и передать ему работы на Урале, Ухте и в Поволжье⁶⁶.

Однако 22 апреля 1931 г. объединенный Президиум Центральной контрольной комиссии ЦК ВКП(б) и Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР, давая негативную оценку положению в геологоразведочной отрасли, не стал отыгрывать назад (возвращать НГРИ под руководство центрального геологоразведочного органа, как это было с другими отраслями – угольной, рудной, стройматериалов), а наоборот – принял решение соединить этот ленинградский институт с московским ГИНИ, которым руководил акад. И. М. Губкин⁶⁷.

Ситуация с разведками в новых районах обеспокоила Топливо-энергетический сектор ВСНХ СССР. Его начальник В. Г. Иванов-Кавказский 30 июля 1931 г. провел специальное совещание, посвященное этому вопросу, где докладывал заместитель начальника «Уралнефти» Р. З. Бучацкий. Его мысли были близки тем, что были изложены в вышеприведенной докладной записке. «Трест Уралнефть построен нескладно, работать на такой большой территории нельзя», – говорил Бучацкий. ГТРУ имело собственный региональный аппарат в лице районных геологоразведочных управлений, с конторами, складами, механическими мастерскими, жильем для сотрудников и простейшими лабораториями. Трест «Уралнефть» ничего этого в дальних регионах не имел. «Нужно Советский Союз разделить на целый ряд частей и создать целый ряд организаций. Сейчас разведки идут вокруг нефтяных трестов. Разведочная работа, это темное пятно, а между тем и Сибирь, и Урал, и Байкал представляют интерес в области поисков нефти. К этой работе нужно немедленно приступить», – призывал докладчик к очередному витку реформ, который закончился лишь переименованием «Уралнефти» в «Востокнефть»⁶⁸.

⁶⁶ РГАЭ. Ф. 7735. Оп. 1. Д. 294. Л. 154–156.

⁶⁷ ЦКК – НК РКИ о перестройке геолого-разведочной службы // Вестник Геологического комитета. 1931. № 3–4. С. 8.

⁶⁸ РГАЭ. Ф. 7735. Оп. 1. Д. 294. Л. 34–34 об.

Просуществовавшее чуть более года объединение «Союз-нефть» было ликвидировано, а все дело управления отраслью перешло во вновь организованный Нефтяной сектор Главного управления по топливу НКТП СССР. В сентябре 1931 г. сотрудник геологического отдела Нефтяного сектора В. А. Сельский в подготовленном для Госплана СССР обзоре «Нефтяные ресурсы Союза в связи с новой пятилеткой» писал: «Мы видим, что нефтепроявления в Союзе распространены от Крайнего Севера – Печорского края до Ленкорани и от Волги до Сахалина. Правда, здесь выпадает почти вся необъятная Сибирь, относительно которой в смысле нефтеносности наши знания приближаются к нулю, ибо она с этой стороны совершенно не изучена и сейчас мы разведываем только одно месторождение нефти около Байкальского озера. Распространение нефтепроявлений на громадных пространствах свидетельствует о благоприятных условиях нефтеобразования, а то разнообразие тектонических форм, которое встречается во всех этих местах, гарантирует нахождение таких месторождений, где и нефтеобразования и нефтескопления будут благоприятными и где, значит, добыча должна быть богатой»⁶⁹.

В конце 1931 г. – начале 1932 г. сектор использования природных ресурсов Госплана СССР готовил планы ГРР на вторую пятилетку и делал соответствующие запросы. «Для планово-перспективных работ Сектора Недр необходимо иметь материалы Геологического Совещания 4 – 10 января с.г., созванного Институтом и Востокнефтью <...> – писали плановики в НГРИ 14 января 1932 г. - Вместе с указанным просьба прислать стенограмму доклада проф. Шацкого [Шатского] Н.С. о перспективах разведки в Сибири». Из НГРИ прислали доклад Н.С. Шатского на тему «Проблема нефтеносности Сибири», сделанный на конференции по Уралу и Сибири 8 января 1932 г. Это был исходный материал для его известной статьи, опубликованной в журнале «Нефтяное хозяйство» в сентябре 1932 г. под тем же названием.

«Нефтяная проблема в Сибири нуждается в очень подробном обсуждении и, естественно поэтому, что и краевые организации Западной и Восточной Сибири, и геолого-разведочные учреждения Союза уделяют много внимания вопросу

---

⁶⁹ РГАЭ. Ф. 4732. Оп. 30. Д. 933. Л. 3.

об обеспечении жидким топливом Сибири, хотя бы в некоторой неполной доле», – такими словами предварял Н.С. Шатский свой доклад. При этом он констатировал, что поиски нефти в Сибири уже начались. «В более или менее общем масштабе этот вопрос был поставлен только нашим Институтом, когда в прошлом году он отправил первые поисковые партии в Сибирь. Эти поисковые партии не дали пока положительных результатов, что, однако, не позволяет оставить поиски в дальнейшем, наоборот, надо сделать их более систематичными и в выборе районов необходимо основываться не только на тех незначительных сведениях о нефтеносности Сибири, которые мы имеем в архивных материалах и в литературе, а также и на общем геологическом строении этого края, его тектонике и литологии слагающих его пород». Планомерное изучение Сибири Н.С. Шатский предлагал начать с Минусинской котловины, Сибирской платформы и берегов Байкала⁷⁰.

Примерно в это же время был опубликован обзор нефтяных ресурсов СССР, сделанный И.М. Губкиным. В нем «сибирские инициативы» академика касались лишь организации геофизических исследований на восточных склонах Урала, о Байкале и других регионах Сибири он не упоминал⁷¹.

В одном из проектов реформирования 1932 г. среди предполагаемых к образованию объединений в рамках будущего Главного управления нефтяной промышленности значились не только традиционные – Азербайджанское или Грозненское, но и Дальневосточное и Урало-Сибирское⁷². Сторонников у последних двух не нашлось, и ситуация с поисками нефти в Сибири в начале 1930-х годов оставалась в том же подвешенном состоянии: имевшее региональные ячейки объединение «Союзгеоразведка» не имело права вести поиски нефти, а уполномоченный на это Нефтяной сектор Главтопа НКТП СССР – не имел достаточных ресурсов для организации поисковой работы в Сибири. Развитие поисково-разведочных работ на нефть в этом регионе упиралось не в противостояние группировок геологов, а в возникший в результате непродуманных реформ хозяйственно-административный клинч, разрешению которого помимо разных причин

⁷⁰ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 30. Д. 935в. Л. 214, 157, 159, 167 – 168.

⁷¹ Губкин И. М. Нефтяные ресурсы СССР // Нефтяное хозяйство. 1932. № 1. С. 8.

⁷² РГАЭ. Ф. 3139. Оп. 1. Д. 365. Л. 130.

мешало и желание снять остроту нефтяной проблемы Сибири различными альтернативными видами топлива, в частности – производством нефтепродуктов из местных углей.

(продолжение следует)

Литература

Буксина О. «Мой жизненный закат прекрасен». Письма академика И. М. Губкина к Варваре Боярской. Тюмень: ООО «Сити-пресс», 2012. 192 с.

Бушуев В. Г. Сибирские предприниматели на подступах к нефтяным богатствам Сибири // Во славу российской нефти: Материалы научно-исторической конференции «Роль частного предпринимательства в развитии нефтяной промышленности во второй половине XIX в., 28 февраля 2006 г. М.: ЗАО «Мосиздатинвест», 2006. С. 92–97.

Галкин А. И. Академик Иван Михайлович Губкин: мифы и действительность (1871–1939). Ухта: УПОО «Мемориал», 2009. 256 с.

Демьяненко А. Н. Краткий очерк жизни и творчества Н. Н. Колосовского // Пространственная экономика. 2009. № 1. С. 129–133.

Евдошенко Ю. В. «Надо искать нефть по обоим склонам Среднего Урала». О борьбе И. Н. Стрижова за организацию поисков нефти в Урало-Поволжье в 1926–1929 гг. // Нефтяное хозяйство. 2022. №. 2. С. 124–128. DOI: 10.24887/0028–2448–2022–2–124–128

Евдошенко Ю. В. Ликвидация Геолкома. К 130-летию первого геологического учреждения России // Горные ведомости. 2012. № 10. С. 69–70.

Евдошенко Ю. В. О раннем периоде газификации Урала и Сибири (к вопросу о формировании энергетической стратегии СССР в 1930-е годы) // Проблемы модернизации сибирского Севера: сб. научных трудов / Отв. ред. В. П. Карпов. Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. С. 101–105.

Евдошенко Ю. В. Сибирская альтернатива тюменской нефти, или о советской «парадигме геологоразведки» в конце 1920-х – 1930-е годы // Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего: сб. статей Международной научной конференции (Тюмень – Тобольск, 20–21 сентября 2019 г.) / Отв. ред. Л. Л. Мехришвили. Тюмень: ТИУ, 2019. С. 71–72.

Запорожченко А. А. История организации геологической науки и службы в Западной Сибири (в 1917–1932 гг.). Новосибирск: Сибирское отделение изд-ва «Наука», 1977. 143 с.

Карпов В. П., Колева Г. Ю., Гаврилова Н. Ю., Комгорт М. В. Западно-Сибирский проект: от замысла к реализации. Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. 392 с.

Комгорт М. В. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция: история открытия. Тюмень: «Вектор Бук», 2008. 190 с.

Комгорт М. В. К вопросу о приоритете в обосновании перспектив нефтеносности Сибири // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. II. С. 109–111 [Эл. ресурс]. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2014/5–2/29.html> (дата обращения: 23.04.2022).

Комгорт М. В. Открытие Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции (1920–1960-е гг.). Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2020. 408 с.

Лисицына Е. Н., Бердникова Л. И. Первые сведения о нефти и газе на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2. С. 5–11.

Статья поступила 19.08.2022

Статья принята к публикации 25.08.2022

Для цитирования: Евдосенко Ю. В. Рождение нефтяной Сибири. Нефте-разведка против углеперегонки на рубеже 1920–1930-х годов (часть 1) // ЭКО. 2023. № 1. С. 150–176. DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2023-1-150-176

Summary

*Evdoshenko, Yu. V., Cand. Sci. (History). E-mail: editor3@oil-industry.ru
The Oil Industry magazine (Publishing House “Neftyanoe khozyaistvo”),
Moscow*

The Birth of Oil Siberia. Oil Exploration vs. Coal Refining at the Turn of 1920s-1930s (Part 1)

Abstract. On the basis of a new methodological approach the author proposes to look at the initial period of the organization of oil prospecting in Siberia. His concept is based on the rejection of the sub-regional approach, underlying the majority of works on the subject; connection of oil prospecting with the fulfillment of a specific task – oil product supply of Siberian regions – and alternative ways of its solution at the expense of local natural or artificial oil products produced from solid combustible fossils. The first, published part of the paper covers the history of oil prospecting in Siberia until the Novosibirsk session of the USSR Academy of Sciences in 1932, describes previously unknown estimates and forecasts of oil bearing capacity of Siberian regions, and for the first time defines the impact of reforms in the geological industry of the USSR in the late 1920s – 1930s on the history of oil prospecting in Siberia.

Keywords: *first five-year period; Siberian oil; geological exploration; oil prospecting; alternative energy; artificial liquid fuel; I. N. Strizhov; I. M. Gubkin; A. D. Arkhangelsky; M. M. Tetyaev; P. I. Preobrazhensky; A. M. Usov; N. S. Shatsky*

References

Buksina, O. (2012). “My life sunset is beautiful”. *Letters of Academician I. M. Gubkin to Varvara Boyarskaya*. Tyumen’. Siti-press Publ. 192 p. (In Russ.).

Bushuev, V.G. (2006). Siberian entrepreneurs on the approaches to the oil wealth of Siberia. “For the glory of Russian oil”: Proceedings of the scientific and historical conference «The role of private entrepreneurship in the development of the oil industry development in the second half of the XIX century», February 28. Moscow. Mosizdatinvest Publ. Pp. 92–97. (In Russ.).

Dem’yanenko, A.N. (2009). A brief sketch of the life and work of N.N. Kolosovsky. In: *Prostranstvennaya ekonomika*. Spatial Economics. No. 1. Pp. 129–133. (In Russ.).

Evdoshenko, Yu.V. (2011). On the early period of gasification of the Urals and Siberia (on the formation of the USSR energy strategy in the 1930s). Problems of

modernization of the Siberian Northern Territory: a collection of scientific papers / ed. V.P. Karpov. Tyumen: TSOGU. Pp. 101–105. (In Russ.).

Evdoshenko, Yu.V. (2012). Liquidation of the Geological Committee. To the 130th anniversary of the first geological institution of Russia. *Gornye ведомosti*. Mining statements. No. 10. Pp. 69–70. (In Russ.).

Evdoshenko, Yu.V. (2019). *Xinjiang alternative to Tyumen oil, or about the «paradigm of geological exploration» in the Soviet Union in the late 1920s–1930s*. Tyumen Region: historical retrospective, realities of the present, contours of the future: the international scientific conference collection of articles (Tyumen – Tobolsk, September 20–21, 2019) / ed. by L.L. Mehrishvili. Tyumen. TIU Publ. Pp. 70–83. (In Russ.).

Evdoshenko, Yu.V. (2022). “We need to look for oil on both slopes of the Middle Urals”. About I.N. Strizhov’s struggle for the organization of oil prospecting in the Ural-Volga region in 1926–1929. *Neftyanoe khozyaistvo*. No. 2. Pp. 124–128. (In Russ.). DOI: 10.24887/0028–2448–2022–2–124–128

Galkin, A.I. (2009). *Academician Ivan Mikhailovich Gubkin: Myths and Reality (1871–1939)*. Ukhta. Memorial Publ. 256 p. (In Russ.).

Karpov, V.P., Koleva, G. Yu., Gavrilova, N. Yu., Komgort, M.V. (2011). *The West Siberian project: from conception to implementation*. Tyumen. TSOGU. 392 p. (In Russ.).

Komgort, M.V. (2008). *West Siberian oil and gas province: the history of discovery*. Tyumen. Vector Book Publ. 190 p. (In Russ.).

Komgort, M.V. (2014). On the issue of priority in substantiating the prospects of oil-bearing capacity of Siberia. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. Tambov. Diploma Publ. No. 5 (43): in 3 hours. II. Pp. 109–111. (In Russ.). Available at: <http://www.gramota.net/materials/3/2014/5–2/29.html> (accessed 23.04.2022).

Komgort, M.V. (2020). *Discovery of the West Siberian oil and gas province (1920–1960s)*. Dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. Yekaterinburg, 408 p. (In Russ.).

Lisitsyna, E.N., Berdnikova, L.I. (2014). The first information about oil and gas in Eastern Siberia and the Far East. *Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East*. No. 2. Pp. 5–11. (In Russ.).

Zaporozhchenko, A.A. (1977). *The history of the organization of geological science and service organization in Western Siberia (in 1917–1932)*. Novosibirsk. Siberian branch of the publishing house “Science”, 143 p. (In Russ.).

For citation: Evdoshenko, Yu.V. (2023). The Birth of Oil Siberia. Oil Exploration vs. Coal Refining at the Turn of 1920s–1930s (Part 1). *ECO*. No. 1. Pp. 150–176. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-150-176

Экономическая наука против кризисов. О Нобелевской премии по экономике 2022 года

Ю.П. ВОРОНОВ, кандидат экономических наук

E-mail: yura.voronov.42@mail.ru

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН;
Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Аннотация. В статье рассматриваются результаты исследований лауреатов Нобелевской премии по экономике 2022 г. – Бена Бернанке, Дугласа Даймонда и Филипа Дибвига. Эти результаты сгруппированы автором в четыре центра: борьба против кризиса, обобщённая роль банков, возможность выхода из мирового кризиса без войны и модель ликвидности. Рассмотрены и оценены меры, реализованные одним из лауреатов на практике в ходе борьбы за снижение негативных последствий кризиса 2008 г. Затронута проблема принципиальной возможности выхода из мирового экономического кризиса без войны, которую обосновывали лауреаты. Представлено описание модели ликвидности банков, разработанной Д. Даймондом и Ф. Дибвигом. Она широко используется в банковской сфере для аналитического моделирования.

Ключевые слова: Нобелевская премия по экономике; функции банков; финансовый кризис; неплатежи; ликвидность; денежно-кредитный мультипликатор; ипотечный кредит; вмешательство государства; Федеральная резервная система

Премия Банка Швеции по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля в 2022 г. присуждена трем американцам за то, что они «значительно улучшили наше понимание роли банков в экономике, особенно во время финансовых кризисов».

Кто они?

Бен Бернанке (Ben Shalom Bernanke) родом из штата Джорджия. Его отец и дядя владели небольшой фармацевтической фирмой, а дед в свое время иммигрировал в США из Борислава (сейчас это Украина, а тогда была Австро-Венгрия). Б. Бернанке окончил Гарвард (1975 г.) и получил степень доктора философии в Массачусетском технологическом институте (1979 г.), после чего преподавал макроэкономику в нескольких ведущих университетах США. С 2006 г. по 2014 г. возглавлял Федеральную резервную систему (ФРС) США. В 2009 г. за успешную работу

во время финансового кризиса 2008 г. журнал Time назвал его человеком года. В экспертном заключении нобелевского комитета особо отмечено, что Б. Бернанке сумел доказать на материалах Великой депрессии 1930-х гг., что кризис стал таким глубоким и затяжным именно из-за краха банков.

Дуглас Даймонд (Douglas Warren Diamond) получил степень бакалавра экономики в 1975 г. в престижном частном Университете Брауна (Провиденс, штат Род Айленд). Затем, уже в Йельском университете, – степени магистра (1977 г.) и доктора экономики (1980 г.). В перерывах преподавания в Чикагском университете он работал приглашенным профессором в Боннском университете и в Университете науки и технологий Гонконга, много лет редактировал финансово-экономические журналы. Это существенно помогло ему в выработке оригинальных подходов к анализу финансовой сферы.

Филип Дибвиг (Philip H. Dybvig) получил две степени бакалавра (по математике и по физике) в Университете штата Индиана (1976 г.) и докторскую степень по экономике в Йеле (1979 г.). Много лет работал в Вашингтонском университете, а на момент получения премии преподавал в Массачусетском университете.

Основания присуждения премии

За формулировкой об «улучшении нашего понимания» скрываются три достижения. Два из них принадлежат Бену Бернанке: подробный анализ причин и развития Великой депрессии 1930-х годов и практическая деятельность по снижению силы и последствий банковского кризиса 2008 г.

Два других лауреата известны по модели Даймонда-Дибвига (ДД-модель), с помощью которой исследуется устойчивость банков в тяжёлые для экономики времена, а также вычисляется оптимальное соотношение между структурой привлечённых средств и выданных банком кредитов.

До 2008 г. в мире уже был опыт предотвращения массовых банковских банкротств. В частности, деятельность Федеральной корпорации страхования депозитов (Federal Deposit Insurance Corporation, FDIC), созданной в 1933 г. в рамках нового курса Ф. Д. Рузвельта, существенно сократила число банкротств банков. Страховой фонд FDIC формируется, помимо дотаций из бюджета, за счет средств, взимаемых с финансовых

учреждений и с каждого застрахованного счета. Предельный размер страховки – 250 тыс. долл. FDIC также может реорганизовать проблемный банк, чаще всего не через внешнее управление, а через поглощение другим банком с полным принятием на себя его обязательств.

Такая система страхования депозитов, с одной стороны, повышает устойчивость системы в целом, предотвращая панику и отток вкладов в кризисные моменты, с другой – ведёт к нежелательной успокоенности с двух сторон: вкладчики меньше заботятся о том, какой банк выбрать, а банки проявляют меньше инициативы в деле более эффективного использования денег вкладчиков [Andolfatto, 2007]. Кроме того, страхование вкладов государством в любой стране резко увеличивает его расходы.

Д. Даймонд и Ф. Дибвиг показали, что развитие страхования вкладов центральным банком или (как в случае США) Федеральным агентством страхования вкладов – гораздо более эффективный механизм предотвращения банковских банкротств, нежели распространенная в одно время «приостановка конвертируемости».

Впрочем, практические методы борьбы с кризисом – не главное в результатах работы лауреатов. Тем более что исследования Д. Даймонда и Ф. Дибвига относятся к сугубо экономической теории.

Кризис 2008 г. как предмет изучения

Истоки кризисов и 1998 г., и 2008 г. находятся в 1980-х, когда перестали расти доходы 80% граждан США. Долговременный выход был найден в ипотечном кредитовании. Его масштабы стабильно росли, жилье дорожало, заемщики надеялись, что потом смогут продать жилье дороже. На этих надеждах неплохо наживались банки.

С 1980-х годов в США получили хождение ипотечные облигации, обеспеченные выданными ипотечными же кредитами. В отличие от закладных, банк может ими управлять, то есть продавать и покупать (цены определяются по спросу, как на бирже). Вырученные от продажи облигаций средства вкладываются в обеспечение другой ипотеки, проценты по ним погашаются из платежей заемщиков по кредитам.

Находкой для банков, снижающей риски невозврата кредита, стала практика объединения нескольких ипотечных кредитов в одну облигацию. Это дало возможность банкам снизить требования к заёмщикам, для которых ипотека становилась все более привлекательной. Они даже соглашались на обусловленное договором одностороннее изменение банком процента по кредиту. Для банков условия деятельности улучшались, а их клиенты становились всё беспечнее.

По мере снижения продаж домов и квартир появлялось все больше ненадёжных заёмщиков, участились невозвраты кредитов и, как следствие, началась волна банкротства банков. Знаковым событием оказался крах банка Lehman Brothers 15 сентября 2008 г., входившего в четверку инвестиционных корпораций США.

Бен Бернанке, изучая ход Великой депрессии 1930-х годов, пришёл к выводу, что поддержка кредитования могла бы значительно уменьшить ее глубину. Без кредита нельзя купить дом, открыть свой бизнес, закупить товар для продажи. Кредиты – это необходимая возможность развития современной экономики, а их отсутствие – её смерть. В этом смысле крах на рынке ценных бумаг, который наносит удар по кредитному рынку, может быть началом кризиса. Поэтому Казначейство США и ФРС инициировали поддержку банков в форме приобретения у них привилегированных акций, ипотечных и других облигаций.

В отличие от прежнего главы ФРС Алана Гринспена, который считал своей основной задачей борьбу с инфляцией (эту стратегию перенял у него Банк России), Бернанке видел главную опасность для экономики в снижении потребительского спроса и возможной дефляции. Последней может радоваться потребитель, но для экономики она – путь к разрушению. В 2020 г. ФРС использовала инструменты, опробованные при Бернанке, для предотвращения нового финансового кризиса.

И все же не стоит преувеличивать роль Бена Бернанке в разрешении кризиса 2008 г. Напомню, что решения Совета управляющих ФРС принимаются коллегиально, его главе принадлежит лишь один голос. Совет состоит из семи человек, каждый из которых назначается на 14 лет без права продления полномочий, каждые два года один из членов Совета заменяется.

Это практически исключает возможность сговора, т.е. все участники действуют независимо, на основании собственных соображений.

Помимо мер ФРС по поддержке 10 крупнейших банков, [Bernanke, 2008] Казначейством США была реализована программа спасения банков TARP (Troubled Asset Relief Program), в рамках которой Казначейство выкупило токсичные активы у 700 банков и других кредитных организаций. Первоначально программа, рассчитанная до 2014 г., имела бюджет 700 млрд долл., но затем он был сокращён до 475 млрд. Часть этих средств потом вернулась государству в виде дивидендов по акциям спасённых банков¹.

Одной из задач TARP было стимулирование банков направлять средства в оборот – на кредитование потребителей и бизнеса, а не накапливать их для подстраховки от возможных будущих потерь. Невозвращение кредитов должно было приводить к перекредитованию, замене данных кредитов на другие на новых условиях.

Таким образом, помимо действий возглавляемой Б. Бернанке ФРС, антикризисные мероприятия 2008 г. проводились в рамках и программы TARP, и относительно самостоятельных действий Казначейства США.

Ликвидность, мультипликатор и обобщённая функция банков

В основе работ лауреатов лежит понятие «ликвидности», которая рассматривается на трех уровнях. На нижнем (первом) уровне – это ликвидность товаров и услуг, которая практически совпадает с их востребованностью. На втором – ликвидность компаний, которые продают товары или оказывают услуги. На третьем – самом высоком уровне в масштабе национальной

---

¹ Согласно закону 2008 г. об экстренной помощи экономической стабилизации (The Emergency Economic Stabilization Act, EESA) Казначейство выкупало сомнительные активы за акции либо за право их выкупа по фиксированной цене (equity warrants), либо (у непубличных компаний) за право первоочередного погашения долга (senior debt securities). При этом приобретались только привилегированные акции, то есть без права голоса, чтобы не допустить переход компаний в государственную собственность. Кроме того, для участия в программе TARP были введены ограничения, призванные пресечь возможности необоснованного обогащения руководителей банков за счет средств господдержки.

экономики – это интенсивность денежного обращения. Чем она выше, тем выше ликвидность экономики.

Основной способ порождения банками ликвидности – выдача кредитов. Объемы последних, как правило, значительно превышают объемы имеющихся у них денег и других активов. Соотношение между выданными кредитами и активами банка называют денежно-кредитным мультипликатором. Его значение зависит от готовности банков рисковать.

В США уже в 1929 г. мультипликатор был равен восьми, а накануне 2008 г. он достиг девяти. В результате кризиса его уровень стал снижаться и к 2014 г. достиг трех, что для страны с развитой рыночной экономикой означало острейший дефицит кредитных средств. Стагнация длилась восемь лет, пока не обострилась ситуация на Украине и вокруг Тайваня. Эти внешние потрясения встряхнули экономику США, и денежно-кредитный мультипликатор стабилизировался на докризисном уровне.

В России объем выданных кредитов уже много лет превышает активы банков в 2,5–3 раза, не более. Никто не хочет рисковать. К тому же работника банка могут наказать за выдачу «плохого» кредита, так что ему проще отказать заемщику. В 1990-е гг. благодаря советам иностранных консультантов, указывавших на угрозу инфляции, мультипликатор был ещё ниже, что привело к кризису неплатежей и необходимости вводить дополнительные меры по регулированию денежного обращения. А возможностей для этого в нашей стране было гораздо меньше, чем у Бена Бернанке и Казначейства США в 2008 г.

Б. Бернанке активно использовал как инструмент регулирования учетную ставку ФРС (ставку рефинансирования), при этом менялась она очень плавно, без скачков и шараханий, на доли процента. Но у ФРС, в отличие от Центробанка РФ, существовали и другие возможности регулирования в денежно-кредитной сфере. Основным из них всегда были операции с казначейскими обязательствами. В очень упрощённой форме – при избытке денежных средств на рынке ФРС продавала их, а при дефиците – скупала, регулируя тем самым объем денежной массы. Эти операции, впрочем, имели и нежелательные последствия, так как со временем увеличивали государственный долг США. Последний за время руководства Б. Бернанке ФРС вырос с 64% до 101,6% ВВП. При этом уровень средней заработной платы оставался стабильным.

Несмотря на рост государственного долга, в экономике не было явных потрясений. Было ли это удачным ходом талантливого человека, его везением, или же в данном случае оправдали себя выводы, основанные на результатах экономических исследований? Попробуем на эти вопросы ответить.

Бен Бернанке и экономическая теория

Бена Бернанке ни в коем случае нельзя воспринимать только как удачливого экспериментатора. Да, в широких кругах он известен как экономист-практик, руководивший реализацией мер, позволивших преодолеть мировой кризис 2008 г. Но в научном сообществе его имя связывают в первую очередь с глубокими по содержанию исследованиями, оказавшими большое влияние на развитие экономической теории.

В своей речи на праздновании 90-летия Милтона Фридмана [Bernanke, 2002] Б. Бернанке сказал, что в студенческие годы его захватила работа юбиляра «Монетарная история США» [Friedman, Schwartz, 1963]. Что означал этот «захват»? Такие люди, как Бернанке, не просто читают и запоминают, они начинают творчески перерабатывать прочитанное, часто видя в нём то, о чем авторы, возможно, и не подозревали.

Так, Бернанке выделил в книге так называемые «мысленные эксперименты», которые объясняют неверные действия государства в складывавшихся кризисных ситуациях (подробно мысленные и естественные эксперименты обсуждались в связи с Нобелевской премией по экономике 2021 г. [Воронов, 2022]). Один из них – разная глубина Великой депрессии в США и Канаде. Несмотря на то, что монетарная политика Канады была тесно связана с американской, а канадский доллар – с долларом США, в Канаде не было таких масштабных банкротств банков, как в США. М. Фридман и А. Шварц предположили, что экономика Канады пережила меньший спад скорее по психологическим, чем по реальным причинам. Б. Бернанке решил, что спектр воздействия на финансовый рынок более широк и не ограничивается только психологическими факторами.

Нобелевский комитет особо отметил работу Бернанке «Немонетарные эффекты финансового кризиса, выросшего в Великую депрессию», написанную 40 лет назад [Bernanke, 1983]. До него считалось, что депрессию можно было предотвратить, печатая

(эмитируя) больше денег. Бернанке же показал, что тяжесть Великой депрессии была обусловлена сокращением способности банков кредитовать экономику, и этот негативный эффект не мог быть перекрыт денежной эмиссией. В 2010 г. он объяснял в конгрессе США, что ФРС как «кредитор последней инстанции» обеспечивает банковскую систему краткосрочной ликвидностью. Он инициировал запуск программы ФРС по скупке ценных бумаг у банков именно для того, чтобы дать им возможность продолжать предоставление кредитов по низким (приемлемым) ставкам.

В статье, которую Б. Бернанке опубликовал уже после ухода из ФРС, содержится фундаментальный анализ роли центрального банка, функции которого в США исполняет ФРС². И здесь мы сталкиваемся с традицией, которая позволяет вписать имя Бена Бернанке не только в историю кризисов, но и в историю экономической мысли.

Идейные основы его подхода были заложены еще в XIX в. британским экономистом и философом Уолтером Бэджготом³. Книга У. Бэджгота «Ломбард стрит» была написана в 1873 г. и касалась первых случаев поддержки банков государством [Бэджгот, 1896]. Именно в ней была высказана мысль, что государство – «кредитор последней инстанции» (и сам Б. Бернанке признавал, что исходную идею подсмотрел у Бэджгота).

Но в условиях реального кризиса дело касается не столько теории, сколько анализа практических действий банков. Государству (центробанку) приходится спасать банки от банкротства, а перед этим контролировать их балансы, требовать предоставления регулярных отчетов. Кроме того, если есть «конечная инстанция», то вероятно, должны быть и предыдущие, иначе она была бы единственной. Действительно, в конце XIX – начале XX вв. в Великобритании «вытаскивать» банки из предбанкротного состояния иногда удавалось через создание объединений (пулов) частных банков (правда, гарантом операций по спасению все равно выступал центральный банк). Так что Уолтер Бэджгот

---

² Хочу выразить благодарность П.Н. Тесле, который обратил моё внимание на данную работу лауреата.

³ Walter Bagehot, 1826–1877 – британский экономист и политический философ XIX века, представитель манчестерской школы политической экономии, социал-дарвинист. The Economist назвал свою еженедельную колонку о британской политике его именем – Bagehot. «Ассоциация политических наук» ежегодно награждает Walter Bagehot Prize за лучшую диссертацию в области государственного управления.

дал Бену Бернанке не просто термин или размышления профессора, но и обоснование накопленной на то время практики спасения банков.

Если обратиться к практическим мерам по преодолению кризиса 2008 г. в США, то там были задействованы и кредиторы «не первого уровня» (а именно 10 крупнейших банков, получивших прямую поддержку), и государство как «конечный кредитор», которое поддержало примерно 700 банков, включая те, чьи активы скупались крупнейшими банками.

Эти действия ФРС зачастую называют разбрасыванием «вертолётных денег», а сам Б. Бернанке получил в прессе сомнительный титул «вертолётный Бен». На мой взгляд, незаслуженно, поскольку он реализовывал более тонкие механизмы, чем «вертолётные деньги». Это понятие относится в основном к раздаче бюджетных денег конечным потребителям (многодетным семьям и инвалидам, ветеранам, нуждающимся и т.д.), траты которых будут поддерживать внутренний рынок. В действиях Б. Бернанке такого не могло быть, поскольку ФРС не имеет прямого отношения к бюджету. Такими вопросами занимается Казначейство после принятия соответствующего законодательного акта. Кроме того, экономика США и без него насыщена «вертолётными деньгами». Пособия разных видов в настоящее время получают более 40% населения США.

Неизбежна ли война как способ выхода из мирового кризиса?

В работах лауреатов нет прямого ответа на этот вопрос. Но в комментариях к ним эта тема затрагивается довольно часто. Две мировые войны вывели экономику из крупнейших мировых кризисов. Нужна ли категорически третья мировая война, чтобы выбраться из нынешнего кризиса, который так или иначе связан с распадом СССР и свёртыванием противостояния социалистического и капиталистического блоков? Была ли «холодная война» способом предотвращения мировых кризисов через локальные конфликты и периодические обострения обстановки в мире?

Дискуссия вокруг этих проблем не прекращается (как и поиски невоенного выхода), и она связана с теми, кого в этот раз обошли эксперты Банка Швеции. Прежде всего нужно назвать имя Нуриэля Рубини, который предсказал не только кризис 2008 г.,

но даже последовательность событий в его ходе [Рубини, Мим, 2012]. По его мнению, пока в истории не было иного выхода из мировых кризисов, кроме как через войну, и в этот раз ее избежать не удастся.

В отечественной литературе этот вопрос стараются обойти, хотя встречаются суждения радикального характера (см., например [Сивков, 2012]). В самой преддверии событий 2014 г. один из ведущих российских экономистов Р.С. Гринберг в своем интервью высказался на этот счёт в том смысле, что война не решает проблем кризиса, но обесценивает их, отодвигает на второй план. Появляются более острые проблемы, которые замещают экономические.

Лауреаты Нобелевской премии 2022 г. своими исследованиями, моделями, рекомендациями и практическими действиями сделали максимум для того, чтобы появился другой, невоенный выход из мирового экономического кризиса. Дело теперь за тем, чтобы к ним прислушивались.

Модель Даймонда-Дибвига

Нобелевские лауреаты занимались проблемами экономических кризисов совершенно определённого типа, а именно финансовых. Возможно ли распространять их методы и модели на другие типы? Сами они полагают – да.

В частности, в модели Даймонда-Дибвига присутствуют две категории пассивных участников финансового рынка: «всадники» и «бегуны». Первые держат свои вклады в банках, приобретают ценные бумаги или недвижимость и довольствуются получаемыми от этого доходами. Вторые постоянно изымают часть вложенных (снимают деньги со счетов, продают имеющиеся ценные бумаги или недвижимость) с тем, чтобы их потратить. По видам этих трат категория «бегунов» делится на три части. Одной нужны средства на текущую жизнь, другая накапливает их на дорогие покупки (автомобиль, квартира, дом), третья постоянно ищет более доходные (надежные) инструменты сбережения (банки, ценные бумаги, недвижимость).

Для выхода из собственно финансовой сферы нужно тщательно рассмотреть различия между двумя первыми категориями «бегунов» и те товарные группы, на которые они тратят свои накопления. Так, одни покупают питание, лекарства, предметы

домашнего обихода, другие – автомобили, бытовую технику, жильё и т.п. Если научиться оценивать доли таких потребителей, станет возможным прогнозировать структуру экономики в целом. А это уже далеко не финансовая сфера, а макроэкономика.

Авторы модели Даймонда-Дибвига (модели ДД) исходят из того, что банковские вклады более ликвидны, чем инвестиции в ценные бумаги, недвижимость или интеллектуальную собственность, что усиливает их значимость в поддержании общей ликвидности. Почему же она так важна? И рядовые покупатели, и долгосрочные инвесторы заинтересованы в том, чтобы деньги были «под рукой» в силу обычной неопределённости рынка: возможность что-то выгодно продать или удачно купить может подвернуться в любую минуту. Кроме того, владельцы ценных бумаг или недвижимости всегда ощущают риски снижения стоимости своей собственности.

Первоначально Д. Даймонд и Ф. Дибвиг трактовали банкротства банков как частный случай нарушения равновесия в развитии экономики, то есть видели в них сугубо теоретическую задачу. Собственно, работать над моделью они начали, развивая идеи П. Самуэльсона и Дж. Брайанта [Samuelson, 1958; Bryant, 1980] относительно равновесия и кризисов для практического применения. В первом варианте она появилась в 1983 г., а в окончательном – в 2007 г. [Diamond, 2007].

Модель содержит три естественных допущения, согласованных как раз с практиками:

- долгосрочные инвестиции менее ликвидны, но более выгодны, чем краткосрочные;
- случайная потребность в ликвидности во многом индивидуальна;
- информация об индивидуальной потребности в ликвидности является частной, то есть не находится в открытом доступе.

Банки в модели ДД – это посредники между владельцами срочных вкладов и вкладов до востребования, т.е., условно, между «всадниками» и «бегунами» (отметим, ранее эту функцию никто не выделял). Средства «всадников» служат источником выплат «бегунам». Если первых достаточно, переброска денег происходит успешно. Но если начинают преобладать «бегуны», у банка могут возникнуть трудности с выплатой денег и выдачей кредитов. Именно в соблюдении равновесия между средствами

«бегунов» и заёмщиков, с одной стороны, и «всадников», с другой – состоит секрет поддержания банками ликвидности.

Для обеспечения такого баланса банкам приходится осуществлять мониторинг заёмщиков и формировать приемлемые для обеих сторон обязательства (ковенанты) [Diamond, 1984], балансируя их таким образом, чтобы их цепочка не прерывалась.

Для банков интереснее срочные вклады на длительное время, потому по ним устанавливаются более высокие проценты, что делает их привлекательными для «всадников» и части «бегунов», копящих деньги на крупную покупку. Другая группа вкладчиков выбирает вклады до востребования, с которых можно в любой момент снимать средства на непредвиденные траты. Банки должны учитывать интересы и этой группы, иначе приток вкладов будет меньше.

В модели ДД [Diamond, 1996] спрос на деньги у этой категории вкладчиков предполагается случайным. Иными словами, считается, что они не изымают средства одновременно или в краткий интервал времени и вообще каким-то образом коррелируют этот процесс между собой. Каждый день, согласно модели, изымается одна и та же сумма.

Модель агент-ориентированная. В ней три периода, обозначаемых как 0, 1, 2.

В период 0 агенты делают вклады. Для простоты вклад равен 1, то есть доход каждого составляет -1 . В этот период все агенты относятся к одному типу.

В период 1 агенты либо ничего не получают (тип А), либо забирают свой вклад (тип В), то есть выбирают между 0 и 1.

В период 2 агенты либо получают доход (проценты) величиной R (тип АС «нетерпеливые»), либо оставляют вклад как есть, то есть получают 0 (тип АД, «терпеливые»).

Агентов должно быть много, в идеале – континуум. Тогда при повторе периодов доля каждого из типов становится делимой. Далее остается вычислить условия равновесия в соответствии с распределением агентов по типам. Если очень упростить, то банковская система устойчива при обычных условиях кредитования, если «терпеливых» более четверти.

Вообще, с точки зрения российских требований к уровню кандидатских диссертаций, модель ДД, содержащая всего три уравнения для неких условных данных, является слишком

простой. Тем не менее она уже почти сорок лет верно служит исследователям и банкирам, особенно активно – в преддверии финансовых кризисов. Но это не инструмент прямого действия. Чтобы её использовать для решения проблем конкретного банка, приходится применять творческий подход – вводить новые допущения или корректировать те, которые внесли в модель её создатели.

Существуют варианты модели, в которых учитываются страхование, залоги и другие элементы реально выдаваемых кредитов [Diamond et al., 2020]. Особое значение приобрели методы оценки долей «терпеливых» и «нетерпеливых». Первоначально всё казалось простым: если клиент делает вклад до востребования, то он «нетерпеливый», если срочный вклад – «терпеливый». Но по мере изучения проблемы выяснилось, что такой подход не даёт хороших оснований для анализа и прогнозов. Необходим статистический анализ фактических событий, движения по счетам вкладчиков, когда они делают вклады и когда снимают деньги. Это дало толчок к разработке новых довольно сложных методов статистической оценки параметров модели ДД [Sultanum, 2016].

Ценность модели возрастает по мере внедрения цифровых технологий в банковской сфере. Недалек тот день, когда у банков появятся технические возможности оперативного консультирования клиентов и выработки единых с ними стратегий поведения [Зарипов, 2022].

Заключение

Несомненно, лауреаты 2022 г. получили Нобелевскую премию по экономике вполне заслуженно. Но нужно отдавать себе отчёт в том, что средства преодоления мировых кризисов они не изобрели. Их разработки – это лишь один шаг на пути к мировой экономике без кризисов.

Очевидно, прав М.Л. Хазин, который пишет: «...нет и не может быть универсальных, на все случаи жизни рецептов распознавания и предсказания кризисов. Но это не значит, что кризисы предсказать невозможно. Надо просто знать, что кризисы бывают – ничего такого, что сделало бы кризисы невозможными, в природе не существует» [Хазин, 2014]. Кроме того,

несмотря на выдающиеся результаты исследований, охват проблемы мировых экономических кризисов лауреатами премии 2022 г. нельзя считать достаточно широким.

Кризис затронул экономику большинства стран мира, так что они и спустя десятилетие не вернулись к прежним показателям⁴. Спустя 10 лет после кризиса 2008 г. МВФ зафиксировал четыре его главных последствия для глобальной экономики: медленный экономический рост, сокращение инвестиций, увеличение совокупного госдолга и снижение рождаемости. Еще одно последствие – рост неравенства в доходах – специалисты МВФ не отнесли к основным, но отметили, что оно может стать причиной повышения социальной напряжённости внутри стран. А, как известно, очень часто такого рода проблемы политики пытаются снять обострением отношений с другими государствами. Отмечен МВФ и такой фактор, как защита работников от увольнения. Там, где государство сильнее защищало интересы трудящихся, кризис был глубже, поскольку бизнесу добавлялось и забот, и затрат.

Лауреаты премии в своих работах не касались этих важных аспектов, так же, как и, например, фактора, снижения рождаемости, за которым следует свёртывание темпов экономической активности. Так что у исследователей причин кризисов и разработчиков методов борьбы с ними остаётся ещё очень широкое поле деятельности.

Литература/ References

Бэдждот У. Ломбардстрит. Критическое исследование об организации и деятельности английского денежного рынка. СПб., 1896.

Badgehot, W. (1896). *Lombardstreet. Critical study of the organization and operation of the English money market.* SPb. (In Russ.).

Воронов Ю. П. Экспериментальные ситуации как объект исследований экономической науки // ЭКО. 2022. № 2. С. 140–156. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-2-140-156

Voronov, Yu.P. (2022). Experimental situations as an object of research in economic science. *ECO*. No. 2. Pp. 140–156. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-2-140-156

Зарипов И. А. Цифровой банкинг: смена парадигмы современных финансов // Мир новой экономики. 2022. № 2. С. 51–63.

Zaripov, I.A. (2022). Digital Banking: a Paradigm Shift in Modern Finance. *The World of the New Economy*. No. 2. Pp. 51–63. (In Russ.).

---

⁴ Макаров О. МВФ назвал главные последствия кризиса 2008 года. 2019. URL: <https://www.rbc.ru/economics/04/10/2018/5bb60bd19a79478490218be1>

Рубини Н., Мим С. Как я предсказал кризис. Экстренный курс подготовки к будущим потрясениям. М.: Эксмо, 2011. 384 с.

Rubini, N., Mim, S. (2011). *Crisis Economics: A Crash Course in the Future of Finance*. Moscow. Eksmo Publ. 384 p. (In Russ.).

Сивков К. Мировая война как выход из глобального кризиса // Военное обозрение. 2012. 13 декабря.

Sivkov, K. (2012). World war as a way out of the global crisis. *Military Review*. 13 dec. (In Russ.).

Хазин М.Л. Предисловие к книге: Рейнхарт К., Рогофф К. На этот раз всё будет иначе. Восемь столетий финансового безрассудства. М. Альпина Паблишер, 2014.

Hazin, M.L. (2014). Foreword to the book: Reinhart K., Rogoff K. This time it will be different. Eight centuries of financial recklessness. Moscow. Alpina Publisher. (In Russ.).

Andolfatto, D. (2007). Moral Hazard in the Diamond-Dybvig Model of Banking. *SSRN Electronic Journal*. January.

Bernanke, B. (2002). Remarks by Governor Ben S. Bernanke at the Conference to Honor Milton Friedman, University of Chicago, No. 8. Available at: <https://www.federalreserve.gov/boarddocs/Speeches/2002/20021108/default.htm>

Bernanke, B. (2008). Current Economic and Financial Conditions. Federal Reserve. Oct. 7.

Bernanke, B.S. (1983). Non-Monetary Effects of the Financial Crisis in the Propagation of the Great Depression. *The American Economic Review*. Vol. 73. No. 3 (Jun.). Pp. 257–276.

Bryant, J. (1980). A model of reserves, bank runs, and deposit insurance. *Journal of Banking and Finance*. No. 4. Pp. 335–344.

Diamond, D.W. (1984). Financial Intermediation and Delegated Monitoring. *Review of Economic Studies*. Vol. 51. July. Pp. 393–414.

Diamond, D.W. (1996). Financial Intermediation as Delegated Monitoring: A Simple Example. Federal Reserve Bank of Richmond Economic Quarterly. Vol. 82 No. 3. Pp. 51–66.

Diamond, D.W. (2007). Banks and Liquidity Creation: A Simple Exposition of the Diamond-Dybvig Model. *Economic Quarterly*. Vol. 93. No. 2. Pp. 189–200.

Diamond, D.W., Hu, Y. Rajan, R.G. (2020). Pledgeability, Industry Liquidity, and Financing Cycles. *The Journal of Finance*. Vol. LXXV. No.1. Pp. 419–461.

Friedman, M., Schwartz, A.J. (1963). *A Monetary History of the United States, 1863–1960*. Princeton University Press.

Samuelson, P. (1958). An exact consumption-loan model of interest with or without the social contrivance of money. *Journal of Political Economy*. Vol. 66. Pp. 467–482.

Sultanum, B. (2016). Nonparametric Estimation of the Diamond-Dybvig Banking. Vol. 102. No. 4. Pp. 261–279.

Статья поступила 14.11.2022

Статья принята к публикации 24.12.2022

Для цитирования: *Воронов Ю. П. Экономическая наука против кризисов. О Нобелевской премии по экономике 2022 года // ЭКО. 2023. № 1. С. 177–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-177-192*

For citation: *Voronov, Yu.P. (2023). Economic Science against Crises. About the 2022 Nobel Prize in Economics. ECO. No. 1. Pp. 177–192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-177-192*

Summary

*Voronov, Y.P., Cand.Sci. (Econ.), E-mail yura.voronov.42@mail.ru
Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; Novosibirsk State University, Novosibirsk*

Economic Science against Crises. About the 2022 Nobel Prize in Economics

Abstract. The paper examines the results of the research of Nobel Prize in Economics 2022 winners Ben Bernanke, Douglas Diamond and Philip Dibvig. These results are grouped by the author into four centers: the fight against the crisis, the generalized role of banks, the possibility of exiting the world crisis without war and the liquidity model. The measures implemented by one of the laureates in practice during the struggle for reducing the negative consequences of the crisis in 2008 are considered and evaluated. The problem of the fundamental possibility of overcoming the global economic crisis without a war, the possibility of which was substantiated by the laureates, is touched upon. The description of the model of banks' liquidity, developed by D. Diamond and F. Dybvig is presented. It is widely used in the banking sector for analytical modeling.

Keywords: *Nobel Prize in Economics; function of banks; financial crisis; defaults; liquidity; monetary multiplier; mortgage credit; government intervention; Federal Reserve System*

В следующих номерах вы прочтете:

- Перспективы импортозамещения ферментов и ферментных препаратов в сельском хозяйстве и промышленности России
- Факторы проэкологического поведения граждан
- Триумф и трагедия первой нефтяной пятилетки СССР
- Развитие системы stem-образования в России и мер по ее налоговому стимулированию
- Управление по результатам в российском образовании: проблемы нормативного регулирования
- Стратегические направления партнерства компаний ОПК и МСБ в условиях санкционных войн
- Институциональные аспекты трансформации поведенческой модели спортсменов в контексте борьбы с допингом
- Стратегический план «построения коммунизма» в СССР: амбиции и идеология хрущевской эпохи

Подготовлено к печати Сибирским отделением РАН.

«ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).

ISSN 0131-7652

E-ISSN 2686-7605

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77 - 77209 от 20.11.2019

2023. № 1. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор Н.Н. Сидорова

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35

E-mail: eco@ieie.nsc.ru

Адрес издателя: Сибирское отделение РАН
630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17

© АНО «Редакция журнала «ЭКО», 2022. Выход в свет 30.01.2023

Формат 84x108 1/32. Цифровая печать. Усл. печ. л. 10,08

Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 230. Заказ 1. Цена свободная

Отпечатано в Сибирском отделении РАН
630090, г. Новосибирск, Морской просп. 2

Тел. 330-84-66

E-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru

<https://www.sibran.ru>